

**А.
БОЛПОНОВА**

**К. ТЫНЫСТАНОВ –
УЧЕНЫЙ И
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ КЫРГЫЗСТАНА**

*Народный комиссар просвещения
Киргизской АССР в 1927-1930 гг.,
один из первых видных ученых,
лингвист, литературовед, поэт,
первый профессор.*

А. БОЛПОНОВА

*К. ТЫНЫСТАНОВ – УЧЕНЫЙ И
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КЫРГЫЗСТАНА*

Каракол - 2011

УДК 941(47)
ББК 63.3(2Ки)

Рекомендовано к изданию решением
Учебно-методического объединения

Рецензент: доктор ист. наук, проф. З.К.Курманов

Болпонова А.Б.

Б 79 К.Тыныстанов – ученый и государственный деятель Кыргызстана. – Каракол: ИГУ, 2011. -178 с.

ISBN 978-9967-441-72-9

Данное исследование посвящено научной и государственной деятельности Касыма Тыныстанова, репрессированного в 1937 г.

На широком круге архивных материалов анализируется его вклад в реформирование нового кыргызского алфавита, повлиявшие на развитие отечественного языкознания. В исследовании нашли отражение вопросы руководства К. Тыныстановым сферой народного образования республики, где раскрывается его высокий профессионализм и организаторский талант. Дается характеристика ситуации в сфере народного образования и культурного строительства в 20-30-е годы XX в. Научное исследование освещает вопросы политического репрессирования и реабилитации К. Тыныстанова.

Б 0503020911-11

ISBN 978-9967-441-72-9

УДК 94(47)

ББК 63.3 (2Ки)

© Болпонова А.Б., 2011.

@:ИГУ им. К.Тыныстанова, 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ.....</i>	<i>4</i>
 <i>ГЛАВА 1. НАУЧНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. ТЫНЫСТАНОВА</i>	
<i>1.1. Формирование общественно-политических взглядов К.Тыныстанова.....</i>	
	<i>15</i>
<i>1.2. Вклад К. Тыныстанова в развитие науки республики. Деятельность на посту Наркома просвещения.....</i>	
	<i>44</i>
 <i>ГЛАВА 2. К.ТЫНЫСТАНОВ – ЖЕРТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ.</i>	
 <i>2.1. Политические репрессии и их последствия.....</i>	
	<i>86</i>
<i>2.3. Гибель и реабилитация. Возвращение имени народу.....</i>	
	<i>118</i>
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</i>	<i>152</i>
 <i>БИБЛИОГРАФИЯ.....</i>	 <i>160</i>

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря демократическим преобразованиям общественно-политической жизни республики появилась возможность исследования жизни и деятельности Касыма Тыныстанова – первого кыргызского профессора, видного государственного деятеля, реформатора в области народного образования в 1920-1930-е годы.

Изучение этой неординарной личности является велением времени, так как в силу сложившихся обстоятельств его имя было на долгое время исключено из исторической памяти народа. Помыслы и чаяния К. Тыныстанова, его борьба за суверенитет кыргызского народа, за построение гуманного общества нашли реальное воплощение на современном этапе развития Кыргызстана.

Процессы демократизации общества позволили переосмыслить многие прямые и косвенные первоисточники, дали возможность трактовать известные события с альтернативных позиций. Нельзя отрицать того факта, что в трудный для республики период, будучи на высоких и ответственных государственных постах, К. Тыныстанов способствовал ее общественно-политическому и культурному развитию, неоднократно отстаивая свое принципиальное мнение вопреки официальному. Именно он участвовал в осуществлении реформы в области кыргызского литературного языка, способствовал успешному переходу на латинский алфавит в 30-е годы XX столетия, открытию новых школ и вузов в республике.

Следовательно, личность К. Тыныстанова следует рассматривать в ракурсе ученого, сформировавшегося в условиях становления и развития кыргызской государственности. На характер его деятельности несомненно

повлияли конкретные исторические условия, интересы различных слоев общества с его социально-экономическим и духовным состоянием. В то же время, являясь государственным чиновником, он принимал активное участие в реформировании народного образования, все это дает основание рассматривать фигуру К. Тыныстанова в историческом контексте не только в комплексе, но и с учетом ее своеобразия.

Общеизвестно, что его посмертная реабилитация затянулась на десятки лет. Однако, переход в иную общественно-экономическую формацию, смена идеологии и соответствующие общественно-политические преобразования, дали возможность объективного исследования не только истории Кыргызстана, но и возвращения из исторического небытия выдающегося представителя кыргызского народа.

Несомненно, как государственный и общественный деятель К.Тыныстанов оставил будущим поколениям свой практический опыт, который может стать прочным фундаментом для дальнейшего развития Кыргызстана. Поэтому, актуальность постановки данной проблемы непосредственно связана со значимостью изучения этого опыта для решения современных насущных задач республики. Очевидно, что без обстоятельного изучения жизнедеятельности К. Тыныстанова может исчезнуть и весь феномен его личности, стиль и методы работы, а также другие атрибуты, характеризующие этого представителя столь сложной и трагической эпохи.

Актуальность темы и особенность ракурса исследования заключается также в том, что политическая портретистика, как составная часть истории, играет важнейшую, неопределимую роль, являясь формообразующим фактором персонификации истории народа.

При наличии минимума источников о личности К. Тыныстанова в исследуемый период, но при более углубленном его рассмотрении, обнаруживается, что эта проблема в историографии кыргызов и

Кыргызстана в целом почти не изучена. Общая историографическая база имеется, но разброс мнений и дискуссий по ряду актуальных вопросов требует их осмысления с новых методологических позиций. Жизнеописанию К.Тыныстанова посвящены в основном небольшие научные тезисы, статьи в периодических изданиях, а также художественная литература на кыргызском языке. Большинство из них, как правило, приурочивались к годовщинам его рождения. Их общая черта состоит в том, что, не прибегая к критическому анализу деятельности К.Тыныстанова на занимаемых постах, авторы в восторженно-повествовательном тоне излагали основные моменты, вехи его биографии и жизнедеятельности.

При исследовании деятельности К. Тыныстанова мы столкнулись с некоторыми трудностями, особенно с изучением его биографии в советский период. Как известно, ввиду того, что К. Тыныстанов в 1938 г. был репрессирован длительное время, вплоть до своей последней реабилитации в 1988 г., он относился к числу «ярких врагов народа». Соответственно, о серьезном изучении этой исторической личности не было и речи. В периодической печати и монографиях К. Тыныстанов характеризовался преимущественно с отрицательных сторон и это продолжалось вплоть до 50-60-х годов прошлого века. После XX съезда партии появились первые скупые статьи, которые стали оправдывать имя К. Тыныстанова, а также требовать изучения его наследия и творчества. В этом немалая заслуга принадлежала его соратникам и коллегам К.К. Юдахину и Б.М.Юнусалиеву. Однако, несмотря на его частичную реабилитацию в это время большинство монографий так и не смогли отойти от старых оценок. Даже в поздней исторической литературе, в 70-80-е годы, при упоминании организаций и государственных структур, возглавляемых К. Тыныстановым, а также мероприятий, где он принимал

активное участие, его имя попросту замалчивалось. Конечно же, нельзя допустить и мысли, что историками преднамеренно допускалось умалчивание имени и деятельности К. Тыныстанова. Общеизвестно, что в годы Советской власти насаждаемая ею идеология способствовала блокаде достоверных источников.

Поэтому подлинное раскрепощение научной мысли началось в Кыргызстане в 90-е годы, когда историческая наука накопила определенный опыт переосмысления новых проблем.

Это время характеризуется появлением в печати большого количества трудов и выступлений историков, журналистов, филологов, политиков, публицистов и других, в которых поднимались еще не изученные или малоисследованные пласты советской истории. Значительный прорыв был сделан в таком направлении как политическая портретистика. В этой и сопредельных областях исторического познания, известны такие кыргызские исследователи, как В. Плоских, Дж. Джунушалиев, Э.Ж. Маанаев, З. Курманов, И. Семенов, К. Каракеев, С. Бегалиев, А. Тузов, А. Джуманалиев, С. Жумалиев, Н. Тунтеев, а также литераторы и филологи – А. Эркебаев, Ж. Жусаев, К. Абакиров, С. Жигитов, С. Байгазиев, Ш. Бейшеналиев, М. Байджиев, М. Рудов и многие другие. Эти работы позволили создать новую галерею портретов одаренных, способных партийно-советских работников республики, и деятелей культуры, чьи имена получили неполное освещение в предшествующие периоды отечественной истории. В этом ряду следует особо выделить политические портреты Э. Арабаева, Е.Д. Поливанова, С. Карачева, К. Тыныстанова, Т. Жолдошева, О. Алиева, а также таких партийных и государственных деятелей Кыргызстана, как Ю. Абдрахманова, А. Сыдыкова, И. Тойчинова, Б. Исакеева и др. Тем не менее нельзя утверждать, что в этих отраслях

исторического познания ликвидированы все пробелы. До сих пор нет капитальных работ, анализирующих деятельность многих известных личностей, внесших существенный вклад в политическое и культурное развитие страны в 20-30-е годы. Речь идет, например, о таких видных деятелях, как Э. Эсенаманов, К. Шоруков, Т. Айтматов, А. Орозбеков, Х.Карасаев и др.

Однако не только достижения отечественной историографии (90-е годы) в плане портретистики позволили автору избрать тему своего исследования и реализовать ее на практике. Эта работа не могла бы состояться, если бы в своих изысканиях автор не опирался на труды своих предшественников. Хотелось бы выделить работы, написанные в духе нового исторического мышления в годы перестройки. Среди них мало капитальных трудов, главным образом это газетные и журнальные публикации, и скорее всего это не выражение интеллектуального кризиса нашего общества, а следствие затянувшихся экономических трудностей, вызванных распадом СССР и обретением Кыргызстаном своего суверенитета.

Нельзя не отметить огромного позитивного влияния на результаты диссертационного исследования и трудов таких известных зарубежных историков, как Э. Карр, А. Тойнби, Л. Шапиро, а также работ философско-психологической направленности.

Поскольку тема научного исследования была неразрывно связана с формированием и становлением системы национальной культуры и образования, автор вынужден был обратиться к исторической литературе, характеризующей состояние этих сфер жизни общества в советский период истории Кыргызстана. Следует отметить, что абсолютное большинство этих источников было идеологизировано. Выпущенные

монографии, очерки и курсы лекций были во многом не свободны от ошибок и не отвечают современному историческому видению, в основе которого научный историзм и объективизм. Тем не менее, необходимо признать существенный вклад, внесенный в изучение исследуемой проблематики такими советскими и отечественными учеными, как В.В. Бартольд, И.А. Соктоев, С.С. Данияров, В.Т. Кочаров, В.В. Миртов, Г.Карымшакова, С.А. Токтогонов, А.Э. Измайлов и другие.

С обретением государственной независимости историография данной проблемы существенно обогатилась новыми фундаментальными работами. Произошли важные политические изменения в жизни самой республики, круто изменившие прежние представления о многих личностях, некогда осужденных в обществе. Увековечены имена таких видных деятелей культуры и политики 20-30-х годов, как Э. Арабаев, Ю. Абдрахманов, А. Сыдыков и других. Историческая справедливость была восстановлена и по отношению к таким не заслуженно забытым политическим деятелям, как К. Тыныстанов, О. Тынаев, Т. Худайбергенов, С. Чонбашев, И.Текеев, Д. Зульфибаев и другие.

Следовательно, перед учеными-обществоведами стоит задача изучения жизнедеятельности этих выдающихся представителей кыргызского общества, тщательного, объективного анализа и переосмысления. Поэтому при написании научной работы автор руководствовался вышеупомянутыми принципами, стараясь максимально точно излагать исторические факты. Избегая при этом субъективных их оценок. Данное исследование в определенной мере восполняет пробел в этой области исторической науки.

Целью нашего исследования является анализ государственной и политической деятельности К. Тыныстанова в 20-30-е годы XX века, а также эволюции его общественно-политических взглядов. Исходя из

10

намеченной цели, автор комплексно и на уровне современных требований пытался решить следующие задачи:

- охарактеризовать историческую эпоху, в которой К. Тыныстанов формировался как личность, политик и ученый;
- исследовать биографию К. Тыныстанова, еще не ставшую предметом специального изучения;
- определить основные вехи жизнедеятельности К. Тыныстанова;
- осветить вклад К. Тыныстанова в развитие науки республики;
- раскрыть роль К. Тыныстанова в осуществлении преобразований в области народного образования и культуры Кыргызстана в период его работы на посту народного комиссара Киргизской АССР;
- показать какими принципами и идеями он руководствовался в своей политической деятельности;
- охарактеризовать личность К. Тыныстанова, дать анализ реализации идей его оппонентов;
- объяснить мотивацию и противоречивый характер его противостояния оппонентам и официальным властям;
- вскрыть суть политических репрессий и их последствий для личной судьбы К. Тыныстанова;
- дать обоснование политической реабилитации К. Тыныстанова и возвращения его имени народу;
- проанализировать богатый опыт К. Тыныстанова, определив его место в системе общественно-политических отношений демократического Кыргызстана.

Хронологические рамки исследования охватывают 20-30-е года XX в. Как того требует методология исторической науки, рамки исследования были определены в соответствии с качественными особенностями

различных этапов, как по содержанию, так и по эволюции его деятельности в качестве государственного и общественного деятеля.

Методологической основой диссертации явился цивилизационный подход в основе которого лежит признание примата уникальности, самобытности, разнообразия, особенностей любой цивилизации, национальной культуры, создаваемой или созданной тем или иным народом, отрицание приоритета материального производства в историческом процессе. Такой подход позволяет исследователю избегать чрезмерной идеологизации, но в то же время следовать принципам объективности и историзма. При написании работы были использованы также методы эмпирического, биографического, логического, психологического, источниковедческого и сравнительно-исторического анализа.

Основной источниковой базой работы явились архивные источники. Эти материалы извлечены главным образом из фондов ЦГА политической документации Кыргызской Республики - №10 (Киробком ВКП(б), №56 (ЦК КП Киргизии), ЦГА Кыргызской Республики - № 647 (Областной отдел народного образования КАО), № 688 (Народный комиссариат просвещения), № 869 (КГУ), №20 (Ревком ККАО), №21 (Кироблисполком КАО), архива ГКНБ КР (ф. Су, архивно-следственное дело № 7692), периодической печати того времени – газет «Кызыл Кыргызстан», «Советская Киргизия», журналов – «Коммунист» (на кырг. и рус. яз.), «Жаңы маданият жолунда» и т.д. В работе также широко использованы устные и опубликованные воспоминания родственников и соратников К.Тыныстанова, которые внесли большой вклад в понимание всех тонкостей и деталей изучаемой проблемы: академика К. Карасаева, профессора, доктора физико-математических наук Ч.Джаныбекова,

Б. Тыныстанова, кандидата медицинских наук Э.К. Тыныстанова (ныне покойного, сына К. Тыныстанова).

Большинство из названных источников требуют особого подхода. В них содержится немало домыслов, фальсификаций, клеветы, а следовательно полученную информацию необходимо пропускать через внутреннего цензора, привлекая для анализа другие вспомогательные материалы. Важнейшим резервом расширения источниковедческой базы исследования стала скрытая информация, содержащаяся в каждом из анализируемых источников. Обращение к ней создавала возможность для умозаключения на основе логических процедур анализа. Этот метод особенно важен при расшифровке политических интриг и обвинений в преступлениях, которые столь характерны для периода командно-административной системы.

Научная новизна исследования заключается в попытке изучения личности К. Тыныстанова в историческом контексте с позиций нового политического и исторического видения исследуемой проблемы. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что в уже опубликованных статьях и исследованиях о нем не были использованы архивные данные, которые свидетельствовали бы о его разносторонней деятельности. Следовательно, впервые в научный оборот вводится широкий круг архивных материалов, большинство из которых ранее не были доступны для исследователей. Личность К. Тыныстанова в них раскрыта более обстоятельно и в комплексе, всесторонне изучен его вклад в осуществлении реформ в области народного образования и культуры республики, дается оценка его деятельности в исторической перспективе.

Новизна данного исследования заключается еще и в том, что оно акцентирует внимание на конкретную сферу его деятельности, а именно на его государственную и политическую деятельность. В историческом

плане, это способствует обогащению источниковедческой базы по данной проблеме.

Научная новизна определяется и тем, что в долгие годы застоя в общественном сознании роль К. Тыныстанова была сознательно принижена, а в некоторых моментах истерта. Общественность воспринимала его только в негативном плане, что послужило появлению белых пятен в его жизнедеятельности. В данной работе впервые предпринята попытка анализа становления его как государственного деятеля, освещения роли этой личности в общественно-политических и культурных процессах Кыргызстана, что в значительной степени способствует устранению определенного пробела в исследовании данной проблемы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты полученные в ходе изучения, а также имеющиеся фактические материалы помогают более масштабно показать К. Тыныстанова в качестве государственного и политического деятеля. Освещение его общественно-политической и научной деятельности позволяет извлечь определенные уроки из опыта государственного строительства, осуществления реформ в области народного образования и культуры, а следовательно, определить рекомендации практического и воспитательного характера.

Кроме того междисциплинарный статус проблемы личности, затрагиваемый в исследовании, находится в поле зрения общественных и естественных наук. Поэтому, наметилась новая тенденция, т.е. к ее комплексному изучению в рамках таких дисциплин, как историческая и социальная психология, философия личности и др. Более того, практически нет учебников и учебных пособий по профильным

дисциплинам. Следовательно, материалы диссертации могут использоваться в практике преподавания специальных курсов на гуманитарных факультетах вузов Кыргызстана, а также при создании обобщающих трудов по отечественной истории.

Процессы демократических преобразований в Кыргызстане в 90-е годы XX столетия дали возможность исследования жизнедеятельности видных государственных и научных представителей советского периода истории кыргызского народа. Это происходит в рамках политической портретистики, возврата из исторического небытия колоритных фигур, внесших значительный вклад в той или иной сферах жизни общества. К ним относится и К. Тыныстанов, научная и государственная деятельность которого впервые рассматривается с позиций объективизма и историзма на основе введения в научный оборот новых, ранее недоступных материалов.

Характерной особенностью исследования является доказательство жестокости тоталитарного режима по отношению к инакомыслию, его репрессивный характер, жертвой которого стал и К. Тыныстанов, а также анализ причин затяжного процесса его посмертной реабилитации.

Основные выводы и положения диссертации изложены в следующих конференциях: «Гуманитарные проблемы современности» / Бишкек, 2000/; «Современность: философские и правовые проблемы» / Бишкек, 2000/; «60 лет образования Иссык-Кульской области» / Каракол, 2000/. Некоторые разделы работы были опубликованы в периодической печати и в материалах научных журналов.

Научная работа была обсуждена на заседании Экспертной комиссии межведомственного диссертационного совета при Институте истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики. Работа была представлена на степень кандидата исторических наук и защищена в 2002 году.

ГЛАВА I. НАУЧНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К. ТЫНЫСТАНОВА

1.1. Формирование общественно-политических взглядов К. Тыныстанова

Жизнеописание каждой значительной личности начинается с изучения биографии, поэтому необходимо учитывать особенности сознания каждого индивида для более адекватного объяснения его общественного поведения на любом историческом этапе. Жизненный и творческий путь такого неординарного человека как К. Тыныстанов интересен не только в научно-историческом плане, но и с точки зрения общегуманных ценностей.

Касым Тыныстанов родился 10 сентября 1901 года в с. Чырпыкты Чокतालской волости Пржевальского уезда Семиреченской области (ныне Иссык-Кульский район Кыргызской Республики). Его отец Тыныстан Маркатаев по социальному положению был малоземельным дехканином. Тем не менее, нужно отметить его важную роль в приобщении сына к первым азам образования: отец лично научил его арабской грамоте. После неудачной попытки поступить в русскую школу, Касым стал учиться в Каракольской новометодной узбекской школе, где после занятий работал чернорабочим. В 1915 г., дав заведующему интернатом в качестве взятки 6 рублей, что составляло годовую прибыль отца, Касым был принят в школу-интернат с. Сазановка (ныне с. Ананьево).¹

Приобщение индивида к обществу способствует процессу социализации человека. На ее начальном этапе это неразрывно связано с получением среднего образования, которое оказывает большое влияние на процесс становления любой личности. Оно способствует воспитанию

¹ Личное дело Тыныстанова Касыма: ЦГА ПД, ф. 10, оп.15, д. 2743, л.7.

культуры человека, формированию самостоятельного мышления и определенных взглядов на происходящие вокруг события. Немаловажное значение оказывает и качество полученного образования. Поэтому будет уместно, прежде чем перейти непосредственно к характеристике биографических данных К. Тыныстанова, дать справку об общем положении народного образования в Кыргызстане как в досоветский, так и в первый советский период.

До Октябрьской революции на территории республики существовали различные типы образовательных школ. Среди них можно отметить старометодные, новометодные, русско-туземные, русские начальные, двухклассные училища, прогимназии и др. Преподавание в них велось на русском, татарском и узбекском языках. Татарские и узбекские торговые круги, опираясь на поддержку духовенства, активно прививали свой язык, привлекали при этом туда сыновей состоятельных кыргызов. «В эти духовные школы, организуемые при мечетях, шло и трудящееся население в силу своей забитости и, таким образом, бессознательно попадало в духовный плен Корана».¹

В духовных старометодных школах учащиеся мектеба заучивали арабский алфавит. На втором году обучения переходили к изучению Корана. Учителя, не говоря уже об учениках, полностью не понимали содержания изложенных строк. Методика обучения в старометодных школах опиралась на изучение основных канонов Корана.

Новометодные школы обучали и светским наукам. Из 25-ти учебных часов недельной нагрузки 20 часов было отведено изучению Корана, других религиозных книг и 5 часов – на изучение арифметики, географии и других общеобразовательных предметов. Обучение в конфессиональных

¹ Личное дело Тыныстанова Касыма: ЦГА ПД, ф. 10, оп.15, д. 2743, л.7.

школах было платное. Учащиеся приносили приношения (саадаке) деньгами и продуктами. По окончании курса обучения, родители вручали учителям солидные подарки. Кроме того, в свободное от занятий время учащиеся привлекались к выполнению различных хозяйственных работ по школе и в домах религиозных служащих.

Самыми прогрессивными, из всех существующих на территории Кыргызстана школ, были русские и русско-туземные школы. Метод их обучения больше склонялся к изучению светских дисциплин, что намного расширяло кругозор учеников.

Прогрессивная часть русской интеллигенции и демократически настроенные представители местной национальности настойчиво требовали создания, в целях ознакомления с русской культурой, необходимых условий для овладения местного населения русским языком. Известный историк В.В. Бартольд по этому поводу писал: «От совместного обучения туземцев и русских ожидалось благодетельные результаты для тех и других. Туземцы сближаются через это с русскими своими товарищами и осваиваются с разговорным русским языком; русские ученики школ также сближаются с туземцами и привыкают смотреть на них без предупреждения, т.е. те и другие забывают племенную рознь и перестают не доверять друг другу».¹ Однако к такой политике русской администрации можно подойти и с другой стороны. Русская интеллигенция способствовала воспитанию такой прослойки среди местного населения, которая в будущем послужила бы связующим звеном между ними и коренным населением. Национальные управленческие кадры, прекрасно разбиравшиеся в местных условиях и при этом обученные русской грамоте, способствовали бы управлению ими как

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Ленинград, 1927. – С. 129.

марионетками на местах. К тому же, закономерно было для того периода, что росло число общеобразовательных школ, но никак не ссузов или вузов. Это говорит о том, что местная русская администрация была заинтересована в сохранении общеобразовательного уровня местного населения на уровне средних школ и не способствовала продвижению его дальше. Таким образом, русской администрации были нужны только нижние, но никак не высшие управленческие кадры из представителей местных национальностей, главным образом для волостного и уездного звена.

Впервые предложение обучать узбекских, туркменских, кыргызских ребят в русских школах поступило в начале 80-х гг. XX в. из г. Коканда. Инициатива открытия таких школ относится еще ко времени правления Туркестанского генерал-губернатора К. Кауфмана (1867 – 1881 гг.) и приписывается ташкентскому купцу Сеид-Азимбаеву.¹ Мысль, задуманная им, имела мало общего с осуществленным впоследствии проектом. Ташкентский купец предлагал преобразовать одно из ташкентских медресе введением в него преподавания русской грамоты, российских законов, арифметики и ремесел, но при этом сохранить преподавание шариата. Русскую грамоту предлагалось приспособить к туземному языку.² Фактически же открытие первой русско-туземной школы или, как ее называли приходского училища для детей туземцев, состоялось 19 декабря 1884 г. в доме Сеид-Гани, сына Сеид-Азима. Несмотря на то, что школа была открыта в доме богатого узбека, отчасти усвоившего европейский образ жизни, в ней нарочно не ставили никакой классной мебели, чтобы не смущать туземцев непривычной обстановкой. «Дети (38 мальчиков)

¹ Кочаров В.Т. Из истории организации народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865 – 1917 гг.). – Ташкент, 1966. – С.90.

² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана... – С. 129.

сидели на разостланных коврах и ватных одеялах с книгами в руках».¹ После письменного разрешения от 20 июня 1886 г., т.е. через полтора года после фактического открытия первой русско-туземной школы, вслед было сразу открыто еще 14 карликовых по масштабности школ.²

На территории Кыргызстана, по данным обзора Семиречья за 1882-1889 гг., первая русско-туземная школа открылась в с. Каракунуз Токмакского уезда. В ней обучалось 23 мальчика, в том числе 20 дунган и 3 кыргыза.³ В дооктябрьский период на территории Кыргызстана численность школ европейского типа уже составила 107, в них обучалось 7041 человек, в том числе 574 кыргыз. В школах работало 216 учителей, то есть по 2 в каждой. При этом на одного учителя приходилось менее 30 учеников. Это значит, что в дореволюционном Кыргызстане школой современного типа было охвачено менее 4% детей школьного возраста.⁴ В целях избегания межнациональных столкновений и для предотвращения враждебной агитации исламских реакционеров в русско-туземных школах было введено преподавание основ мусульманской религии.

В свое время через русско-туземную школу прошли такие известные в будущем кыргызские политические деятели как Ю.Абдрахманов, К.Тыныстанов, Х. Джиенбаев, Д. Иманов и др.

Основной формой организации учебного процесса в русско-туземных школах была классно-урочная система. Учебные занятия осуществлялись в форме собеседования учителя с учениками. Согласно программе по русскому языку на первом году обучения предусматривалось устное изучение слов, относившихся к окружающей учащих обстановке, -

¹ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана... – С.131.

² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана... – С.133.

³ Измайлов А.И. Просвещение в республиках Советского Востока. – М.: Педагогика, 1973.- С. 39.

⁴ Токтогунов С.А. Становление и развитие социалистической культуры Советского Кыргызстана (1917 – 1958 гг.). – Фрунзе, 1972. – С. 22.

письмо, элементов строчных и прописных букв, запись и изучение русских слов. По арифметике было предусмотрено изучить счет до 100 и выполнить упражнения в вычислениях до 20. На втором году обучения велась работа по развитию речи, в частности, по описанию окрестностей, по чтению и пересказу статей на изученные слова; по арифметике – вычисления в пределах 100 и решение простейших задач. На третьем году – описание в связном рассказе обстановки города, аула, диктант на важнейшие правописания; по арифметике – счет до миллиона и решение задач в пределах 100. На четвертом году – чтение и пересказ более обширных рассказов; по арифметике – цифры любой величины, ознакомление с простейшими дробями. Нормальный курс был рассчитан на 4 года.¹ В конце обучения предполагалось учить детей составлению деловых документов. Кроме того, учащимся давались начальные сведения по географии России и важнейшие сведения из русской истории. Позже по методу обучения в русско-туземных школах выскажет свое мнение К. Тыныстанов в своем последнем произведении «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии»: «Русские миссионеры пропагандировали для киргиз русский язык через русско-туземные школы, выковывая в этих школах из эксплуататорской верхушки киргизского населения верных слуг российского империализма. Эти русско-туземные школы, где исключительно проводились «божественные права великорусской нации» и преимущество русского языка считались основными приводными ремнями русификаторской политики царизма».²

Однако нельзя полностью согласиться с данным мнением К. Тыныстанова. В тот период люди кыргызской или другой национальности,

¹ Кочаров В.Т. Указ. работа. – С. 92; Измайлов А.И. Указ. работа. – С. 43.

² Тыныстанов К. Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 143.

понимающие русский язык, а также могли свободно изъясняться на нем, были очень редким явлением. Поэтому русско-туземные школы, на фоне конфессиональных школ (старометодных и новометодных), были более прогрессивными. Была также усовершенствованна программа обучения учащихся в этих школах, где в их составлении участвовали видные русские педагоги и общественные деятели. Ученики, обучаясь в школе, приобретали необходимые знания по русскому языку, арифметике, географии, истории и иностранным языкам, что повышало общий уровень образованности населения. По окончании обучения ученики могли составлять деловую документацию на русском языке. В период революционных событий и утверждения Советской власти лица, закончившие стационарные школы, при их лояльности к новой власти, активно привлекались в ее органы и получали возможность сделать свою карьеру. К. Тыныстанов, Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев и многие другие относились к их числу. И нельзя не согласиться, что для Касыма – это была вторая и очень важная ступень после мусульманской школы в познании окружающего мира.

В автобиографии, датированной 1926 г., когда он занимал должность председателя Научной комиссии, Касым несколько раз упоминает, что в детстве у него было огромное желание учиться в русской школе.¹ Здесь хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, стремление к изучению русского языка свидетельствует о юном Касыме как о прагматике. Он понимал, что будущее кыргызского народа, его развитие будет непосредственно связано с достижениями русской общественной мысли, науки, техники и его языком. Во-вторых, у юного подростка в процессе социализации уже сформировалась определенная система взглядов на

¹ Личное дело Тыныстанова Касыма: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 7.

окружающий мир, происходящие события и перемены. Он уже был способен анализировать и выбрать из всего существующего потока информации именно ту, которая была приемлема для него и позволяла сделать соответствующие выводы. Столкнувшись с традиционными моментами обучения в конфессиональных школах, где приобретенные знания не выходили за рамки исламской религии и местечковой жизни, он сделал свой выбор в пользу европейского образования.¹

В связи с тем, что учеба в русско-туземных школах была дорогим удовольствием, возникает вопрос о достоверности социальной принадлежности Касыма? Во-первых, отец Касыма был не в состоянии оплатить учебу своему сыну; во-вторых, кроме Касыма у Тыныстана было еще двое детей: Куламбаева Батмахан и Тыныстанов Боталы.² Согласно архивным данным и по сведениям сына Касыма – Эркина, Тыныстан был бедным дехканином.³ Факт, приведенный в автобиографии К. Тыныстанова, так же достоверен, т.к. неоднократно подтверждалось и младшим братом Тыныстана Жаныбеком Маркатаевым.⁴ Однако Касым получает образование в платной конфессиональной школе, а затем в русско-туземной школе, что было доступно только детям из состоятельных семей, а это противоречит архивным сведениям о его бедном происхождении. Кроме того, нельзя исключать и того, что были известны случаи, когда религиозно-настроенные родители не желали отправлять своих детей обучать русской грамоте, что обязывала их российская госадминистрация, и взамен они посылали своих бедных сородичей.

К сожалению, Касыму не было суждено окончить курс обучения в школе. Через год в 1916 г., из-за начавшегося народного восстания против

¹ Измайлов А.И. Указ. работа. – С. 30.

² Протокол допроса Тыныстанова К.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 32.

³ Тыныстанов Э. Сын за отца отвечает // Слово Кыргызстана. – 1995. – 19 авг.

⁴ Джаныбеков Ч. Касым Тыныстанов: жизнь и творчество. – Бишкек: «Бийиктик», 2003. - С. 14.

царизма, Касым был вынужден вместе со своими родителями бежать в Восточный Туркестан (Китай). В окрестностях г. Кульджи он батрачил у различных людей и после долгих и тяжелых испытаний снова в 1918 г. вернулся на родину.¹

Восстание 1916 г. осталось в памяти у многих народов Средней Азии. Оно вызвало сильнейшую духовно-национальную встряску. Позже – как вспоминал К. Тыныстанов, - «Царское правительство, руководимое самыми реакционнейшими из реакционных сил всего мира, проводило столь зверскую политику в Киргизии, что в результате нее кыргызский народ перед Октябрьской революцией стоял на грани исчезновения как нация».²

Через два года после восстания, возвращаясь из Восточного Туркестана, Касым на год задерживается у братьев своей матери в с. Тепке (север Иссык-Кульской области).³ По сведениям наших современников, ближайших родственников К. Тыныстанова, в этом селе жили братья его матери (Маркатаевой Арпабек – Минке кызы Арпабек) – Осмонбек Минкеев и двоюродный брат Касыма – Кашимбек Минкеев.⁴ Возвратившись на родину до сентября 1919 г. он снова подрабатывает у разных людей. С помощью брата матери Садыбакаса Султангазиева, - бывшего уездного начальника милиции г. Каракол – Касым пешком через Каркыра-Кеген уходит в г. Алматы, а оттуда в г. Ташкент.⁵

К. Тыныстанов, несмотря на свой молодой возраст, уже успел пройти через многие тернии и ступени жизни – от курсанта русско-туземной школы до чернорабочего – батрака. Будучи еще подростком Касым

¹ Личное дело Тыныстанова Касыма: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 7.

² Тыныстанов К. Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т.2, л. 143.

³ Бектенов З. Замандаштарым жөнүндө эскерүү: адабий эскерүүлөр. - Бишкек, 1996. – С. 31.

⁴ Протокол допроса Тыныстанова К: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т.1, л. 32.

⁵ Джаныбеков Ч. Указ. работа. – С.15.

отличался от своих сверстников любознательностью, настырностью и упорством, тягой к знаниям. Получив образование в конфессиональной и частично в русско-туземной школе, Тыныстанов достигает новой ступени в познании жизни – поступает в Ташкентский институт просвещения, где начинается новая полоса в его биографии.

До национально-государственного размежевания Средней Азии дети кыргызов, избравшие профессию педагога, главным образом учились в Ташкентском, либо в Аулие-Атинском институтах просвещения (Инпросах). Это были специальные учебные заведения, которые, главным образом, готовили национальные кадры для органов народного образования.¹ В один из этих институтов, а именно – в Ташкентский Казахский институт просвещения – и поступил К. Тыныстанов. Как вспоминал его соратник и коллега, известный филолог-лингвист, почетный академик НАН КР Х. Карасаев, именно здесь, в творческом плане, Касым стал проявлять незаурядные способности. Будучи студентом, он начинает активно публиковаться в казахских газетах и журналах, так как собственной кыргызской печати в это время еще не было. В мае 1920 г. он был приглашен в редакцию газеты «Жана Урис» («Новые просторы») в качестве заведующего отделом. Через год, в мае из-за болезни, Касым уезжает домой в Каракольский уезд. Там он впервые пробует себя в качестве драматурга, организовав, чего у кыргызов и в помине не было – кыргызскую театральную труппу. Можно сказать, что он стоял у истоков национального театра. Впоследствии его первый опыт в познании театрального мастерства пригодился ему при постановке циклов пьесы «Академические вечера» в 1932 г., которые затем губительно отразились на его дальнейшей судьбе. Несмотря на большую нагрузку в «театре»,

¹ Токтогонов С.А. Становление и развитие... - С. 57.

плохое самочувствие, Тыныстанов «углубленно изучает киргизский язык и киргизское народное творчество», работает сотрудником газеты «Ак жол», журналов «Жас-Кайрат» и «Сана». С 1923 г. Касым также работал сотрудником киргизского отделения Научной комиссии.

После окончания института в июне 1924 г. Касым был командирован Научной комиссией ККАО в г. Каракол на педагогические курсы по переподготовке учителей из кыргызского населения в качестве лектора по общеобразовательным предметам. В его жизни это был уже не первый опыт преподавания. Будучи еще студентом института просвещения К. Тыныстанов в 1920 г. преподавал в интернате г. Ташкента.¹ Отметим, что в 20-е годы молодая Советская власть для перестройки школьного образования очень нуждалась в опытных педагогах с новым советским мышлением. В таких условиях наиболее приемлемой формой быстрой подготовки и переподготовки советских учителей были краткосрочные курсы. Первая партия учителей для кыргызских школ была подготовлена на курсах, открытых в г. Верном. Обучение велось на казахском языке. Окончили курсы 63 кыргыз. Позднее, там же в конце 1919-1920 гг., около 300 кыргызских учителей Пишпекского, Пржевальского и Нарынского уездов прошли 3-х месячную переподготовку.²

На территории Кыргызстана первые педагогические курсы открылись летом в 1919 г. в городах Пишпек и Пржевальске. В Пишпек, например, организовывались 6-ти месячные подготовительные курсы по окончании которых слушателям выдавалось специальное свидетельство, дающее право работать в школах первой ступени.³ Занятия в основном носили методический характер. Основной задачей данных курсов было поднятие

¹ ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 32, л. 16.

² Токтогонов С.А. Указ. работа. – С. 25 - 26.

³ Данияров С.С. Культурное строительство в Советской Киргизии (1919 – 1930 гг.). – Фрунзе, 1963. – С. 49.

квалификации учителей, посредством ознакомления курсантов с программой ГУСа (Государственный ученый совет Народного комиссариата просвещения Туркестанской республики). В результате переподготовки учителя приобретали минимум педагогических навыков и знаний, необходимых для работы в школе по этим новым программам. Восемнадцать часов в неделю курсанты слушали лекции по педагогике, методике, русскому языку и математике. Всего за 1921 – 1925 гг. на краткосрочных курсах было подготовлено и переподготовлено 750 учителей.¹

В 20-х годах произошло еще одно немаловажное событие в жизни К. Тыныстанова. 28 августа 1924 г. он был принят в ряды Каракольской организации ВКП(б). Впоследствии, К. Тыныстанова будут трижды исключать, и снова восстанавливать в рядах партии. Одной из причин исключения из партии большевиков послужили обвинения в причастности К. Тыныстанова к «буржуазно-демократической партии Алаш-Орда».

Таким образом, несмотря на свое крестьянское происхождение, К. Тыныстанов сумел получить хорошее образование. Именно такой контраст – от мусульманской конфессиональной школы до Института просвещения – только способствовали его дальнейшему росту и реализации его творческой природы. Помимо этого, полученное им образование, которое всегда играло определяющую роль в формировании личности, дало возможность ему выделиться и выйти за рамки своего непосредственного окружения. К тому же, существенную роль при формировании К. Тыныстанова как личности сыграли и окружающая среда (традиции, нравы, общественный строй), неустойчивое состояние того общества, в котором он жил, что требовало от людей проявления максимума своей

¹ Токтогонов С.А. Указ. работа. – С. 2.

инициативы и творчества, а также его индивидуальные качества, которые определили его существенные потребности. Одним из показателей его дальнейшего формирования и реализации возможностей, явились сформировавшиеся идеи под влиянием национальной партии «Алаш».

Формирование этих взглядов у местного населения напрямую связано с восстанием 1916 г., которое явилось кульминационным моментом национально-освободительного движения в Средней Азии. Кыргызский, казахский, узбекский и туркменские народы поднялись на борьбу с русским царизмом и колониализмом. В результате жестокой расправы была уничтожена часть коренного местного населения. Это кровавое побоище оставило неизгладимый след в исторической памяти народов Туркестана.

Конкретным поводом для восстания послужил указ царя о привлечении «инородцев» на тыловые фронтовые работы первой мировой войны. По этому поводу очень хорошо отозвалась передовица газеты алашординцев «Казах»: «В разрез всему этому ныне объявленный приказ о мобилизации на тыловую работу загнал нас в тупик. Следовало бы выйти на защиту государства с оружием в руках наравне с другими. Навязанную нам черную работу считаем унижением. ...Но приказ царя – истина, и ему возражений быть не может, подобно тому, как говорится «приказ тверд – душа сладка», приказа мы не можем не выполнять».¹ Однако причины восстания в действительности лежали намного глубже. Прежде всего они стали следствием грабительской по отношению к населению Средней Азии аграрной и переселенческой политики царизма. Начиная с начала XX в. плодородные земли местных народов, стали изыматься и передаваться

¹ Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. - Алма-Ата, Москва: Казахское краевое изд-во, 1935. – С. 101.

русскому переселенческому крестьянству. Проводя такую политику, русский царизм пытался разрешить аграрный кризис в России и создать в лице этих переселенцев опорную базу для своего господства на окраинах. Процесс массового изъятия земель, при котором русские крестьяне беззастенчиво притесняли местное население, до крайней степени осложнил межнациональные отношения, вследствие чего идеи национальной свободы в виде автономии стали наиболее актуальными среди коренного населения, в особенности среди представителей интеллигенции.

После февраля 1917 г. на территории Туркестана образуются также многочисленные национальные партии и союзы, как «Шуро-Исламия», «Улема», «Туран», «Милли-Шуро», «Уш-Жуз», «Алаш». Несмотря на свои различные названия и «разношерстность», их объединили общие идеи самоопределения на принципах панисламизма и пантюркизма.

Самой популярной, особенно среди национальной интеллигенции, была единственная в Туркестане партия советского толка, так называемая «Алаш». Вот как о ней отзывался один из ее идейных основателей и вождей член ЦК партии кадетов и депутат Государственной думы России А. Букейханов: «В ближайшем будущем в степи, вероятно, организуются две политические партии, соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской среде. Одно из них может быть названо национально-религиозным, и идеалом его является религиозное единение казаков с прочими мусульманами. Другое, западническое направление. Первое, вероятно, возьмет на образец мусульманские татарские партии, второе – оппозиционные русские, в

частности, партию народной свободы».¹

За ее организацию взялась группа казахских интеллигентов во главе с А. Букейхановым, Ж. Сейдалиным, М. Дулатовым, М. Тынышпаевым и др. В конце 1905 г. в г. Уральске состоялся «делегатский съезд пяти областей», на котором образовалось «киргизская конституционно-демократическая партия» - предшественница партии «Алаш». Этот съезд целиком взял на вооружение платформу кадетов, принял их программу и выбрал Центральный комитет.² Однако, ни русское самодержавие, ни кадетов, на состоявшемся их II съезде в 1906 г., не устроила платформа алашевцев на создание автономного государственного образования в составе России. К тому же, это могло послужить развалу Российской империи. Поэтому, вплоть до Февральской буржуазной революции партия «Алаш» так и не смогла оформиться организованно. Официальное оформление этой партии произошло только в декабре 1917 г.³ Фактически же она сложилась уже к маю 1917 г. на базе так называемых «киргизских национальных комитетов». На первом «общекиргизском съезде», который проходил с 21 по 28 июля 1917 г. в г. Оренбурге, было оформлено образование партии, избранно ее руководство (комитеты, актив).⁴ За апрель-май на уездных съездах делегаты и члены комитетов составили около 5000 человек. В «Алаш» не велся списочный учет членов, не оформлялась даже запись их в партию. Но за спиной 5000 активистов, по существу, стояла вся национальная интеллигенция, байство, служащие, учащиеся.⁵ На съездах были приняты решения о поддержке Временного

¹ Брайнин С., Шафиро Ш. Указ. работа. – С. 11.

² Брайнин С., Шафиро Ш. Указ. работа. – С. 18.

³ Григорьев В.К. Противостояние. Большевики и непролетарские партии в Казахстане 1917 – 1920 гг. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – С. 54.

⁴ Мартыненко Н.И. Алаш-Орда (Сб. документов с предисловием У. Исаева). – Кызыл-Орда: Казиздат, 1929. – С. 34.

⁵ Григорьев В.К. Указ. работа. – С. 54.

правительства. Октябрьскую революцию партия встретила в штыки. С 5 по 13 декабря 1917 г. в г. Оренбурге проходил II съезд партии «Алаш». В советской исторической литературе съезд необоснованно обвинили в крайнем антисоветизме. Однако ее руководители совсем не чурались искать союзников в советском лагере. У партии были разные фракции, то есть те, которые были против Советов, и те которые выступали за сотрудничество с ними. Кроме того, среди них можно было встретить и тех, которые колебались и не могли определиться – к какой из этих сторон примкнуть.

В работе этого съезда также участвовали и кыргызские делегаты А. Сыдыков и Т. Худайбергенов.¹ Главной задачей созываемого съезда стала организация вооруженных сил «для спасения свободы от всеобщей анархии». Эти политические задачи отразились во всех решениях съезда, постановившего образовать национально-территориальную автономию Алаш-Орды и сформировать ее правительство. Тон в резолюциях съезда, в работе 80 делегатов и 130 гостей, задавали члены ЦК партии кадетов – А. Букейханов, ставший лидером партии «Алаш», редактор газеты «Казах» - М. Дулатов, а также М. Тынышпаев, Г. Карашев и др.

Немаловажное значение партия «Алаш» придавала средствам пропаганды своих идей: ее политическим и духовно-просветительным органам являлась газета «Казах». В ней, впервые, 21 ноября 1917 г. была опубликована программа партии «Алаш». Согласно ей алашевцы были сторонниками правового государства, где вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках Государственной Думы, которой принадлежало право контроля над правительством. В программе ясно говорилось, что единая государственная власть должна быть поделена на законодательную,

¹ Плоских В.М. Манас не признал себя виновным (К следственному делу № 5630). – Бишкек: Илим, МП «Табылга», 1993. – С. 8.

исполнительную и судебную. Правом выбора пользуются все граждане страны, без различия происхождения, вероисповедания и пола. Выборы депутатов производятся прямым, равноправным и тайным голосованием. Гарантировались права национальным меньшинствам, а также культурная и экстерриториальная автономия. Объявлялись равноправие, неприкосновенность личности, свобода слова, печати, союзов. Взимание налогов должно было проходить дифференцированно – в зависимости от имущественного благосостояния. Народное образование должно было стать достоянием всех. Учитывая восточные нюансы, где в связи с географическим положением Средней Азии, народ нуждался не только в земле, но и в водных источниках, алашевцы предлагали в своей программе право каждого иметь не только надел земли, но и надел воды. Продажа земли категорически запрещалась.¹

Программа «Алаш» была невелика по объему, поэтому она не охватывала всех деталей общественного развития. Впрочем, для партийной программы это было вовсе необязательным. Важнее было очертить круг общих вопросов и принципов решения наиболее существенных и значимых задач.

Идея создания демократического, правового государства не оставила в стороне и кыргызскую интеллигенцию. В тот период, летом 1917 г. А. Сыдыков, Н. Тулин, Э.Арабаев, Д. Сооронбаев, С. Чукин создают пишпекскую организацию прокадетской партии «Алаш-Орда», куда вошли в основном представители имущих классов. Дополним, что активное участие в становлении партии «Алаш» с 1913 по 1918 годы принял Э.Арабаев, который являлся постоянным автором газеты «Казах», а впоследствии председателем Семиреченского областного, а затем и ее

¹ Мартыненко Н.И. Указ. работа. – С.73 - 76.

Пишпекского уездного филиала. Отношение советской идеологии к этой партии, как и ко всем некоммунистическим организациям, всегда было негативным. В советское время ее характеризовали как исключительно националистическую партию крупной и средней буржуазии, на совести которой было предательство своего народа в 1916 г., «двурушничество, подготовка антисоветских и кулацких мятежей, слезы и страдания бедноты».¹ Это была слишком упрощенная оценка, ибо в ней, как и в любой другой партии, были свои левые, правые и центристы.

Покушение на В. Ленина повлекло за собой преследование национальных партий. Летом 1918 г. Пишпекский комитет «Алаш» был разогнан, а в сентябре закрыты организации «Шура-Исламии», «Иттифак» и «Совет кыргызских пролетариев».² В этом же году в России перестало существовать 7 партий, в 1919 – 3, в 1920 – 9, а в 1921 – 1923 гг. – еще 6 партий.³ Аналогичная участь постигла и такие туркестанские партии, объединения и общества, как «Туран», «Кыргызское общество», «Совет ислама» и другие филиалы, которые существовали в Пишпеке, Оше, Джалал-Абаде и уездных центрах Кыргызстана.⁴

После их роспуска, часть членов этих партий и организаций, разочаровавшись в революции, с ее ожесточенностью и насилием, ушла в зарубежную эмиграцию, другая – в басмачество и контрреволюцию, а третья – пошла на сотрудничество с Советской властью.

Как было сказано выше, партию «Алаш» и отдельно ее лидеров обвиняли в предательстве интересов своего народа в 1916 г., в репрессиях

¹ Курманов З.К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа (1917 -1927 гг.): Дис. ...док. ист. наук. - Бишкек, 1996.- С. 62 – 63.

² История Киргизской ССР. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма (1917 - 1937). - Фрунзе: Кыргызстан, 1967. – Т. 2, Кн. 1. – С. 518.

³ Курманов З. Борьба политических элит... - С. 63.

⁴ Макаров Е.Л., Миртов В.В. Из истории партийного строительства в Киргизии (1918 -1924 гг.). - Фрунзе: Кыргызстан, 1988. – С. 26.

против восставших. Это была явная идеологическая натяжка, ибо в то время такой партии как таковой, в Кыргызстане просто не существовало. Члены будущей партии – последовательные сторонники мирных реформ, не восторгались восстанием. Они считали, что путь вооруженной борьбы с царизмом – самоубийственен.¹ Информации о фактическом участии алашевцев в расправах нет, а потому, не будем считать их участниками этих кровавых событий. В чем они проявили себя, так это в помощи возвратившимся из Китая повстанцам и беженцам.

Что же стало с руководителями партии «Алаш» и её кыргызским филиалом? После Октябрьской революции к власти пришли левые экстремисты, отвергшие идею созыва Учредительного собрания. Была забыта идея создания автономии «Алаш». Алашевцы Э. Арабаев, А. Сыдыков, С. Чукин и другие считали возможным вхождение кыргызов в состав Семиреченской области и автономию Алаш. Они же первыми были против присоединения кыргызов к Советскому Казахстану, сделав все возможное, вплоть до попытки образования Кыргызской горной области в 1922 году.² В 1937 г. были расстреляны А. Букейханов, А. Байтурсунов и М. Тынышпаев.³ Что же касается кыргызского филиала, то Д. Сооронбаев был расстрелян ЧК в 1921 г., Э. Арабаев таинственно погиб в тюрьме в 1933 г. В 1938 г. были расстреляны А. Сыдыков, И. Айдарбеков, С. Чукин, Н. Тулин, а также К. Тыныстанов.⁴

Причастность К. Тыныстанова к партии «Алаш» пока не подтверждается никакими архивными материалами, но и отрицать его членство тоже нельзя, ведь в тот период идеями «Алаш-Орды» «переболели» почти все молодые представители национальной

¹ Курманов З.К. Борьба политических элит... – С. 66.

² Курманов З.К. Дело «тридцатки»: правда и замыслы // Res Publica.- 1995.- 18 июля.

³ Курманов З.К. Борьба политических элит... - С. 69.

⁴ Ногойбаева Ч., Курманов З. Школа партии «Алаш» // Свободные горы. – 1993. – 18 – 30 декабря.

интеллигенции. Идеи пантюркизма «витали в воздухе», имели своих ярких лидеров, поэтому можно предположить, что К. Тыныстанов, олицетворяющий собой интеллигентную прослойку, не был из этого ряда исключением. О причастности К. Тыныстанова к партии «Алаш» прежде всего, доказывает его раннее творчество. Будучи студентом, он печатался и редактировал некоторые казахские газеты и журналы, где и прослеживается его связь с алашординцами. В феврале 1925 г. он работает секретарем Академического центра Облоно (Координационный центр научно-исследовательской работы). В этот период центральное издательство народов СССР в Москве выпускает его первый «Сборник стихов Касыма» общим тиражом в 10000 экземпляров.¹

В этом произведении было помещено 12 стихотворений на казахском языке, 21 стихотворение и поэма «Джаныл-Мырза» на кыргызском. Предисловие к «Сборнику» написал ученый секретарь Научной комиссии, соратник и коллега К. Тыныстанова, Б. Данияров. В «Сборнике», написанном по-казахски, было опубликовано стихотворение под названием «Алачу». Оно и сыграло роковую роль в судьбе Касыма. Его недруги, впоследствии, напрямую свяжут это стихотворение с идеологией казахской «буржуазно-националистической партией Алаш-Орда». В юношеском, абстрактно-романтическом представлении Касыма «Алач» - это легендарный общий предок казахов и кыргызов со времен «процветающего кочевья». Он являлся их покровителем, защитником и освободителем в тягостные для них времена. По мнению ведущих кыргызских манасоведов и, в частности, И.Молдобаева, в эпосе «Манас»

¹ Личное дело Тыныстанова Касыма: ЦГА, ф. 869, оп. 3, д. 199, л. 31.; Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 122.

по варианту Сагымбая Орозбакова, известного сказителя XX в., «алач» упоминается как этноним, который больше тяготел к казахским племенам.

Много сыновей и отцов здесь

Из алачев аргыны есть

Из алачев Кожо есть

Все мудрецы здесь.

Вышеуказанные названия племен являются казахскими. Как отмечает сам И. Молдобаев, эпос вобрал в свои строки то время, когда трудно было отделить казахские роды от кыргызских, а потому у этого рода было одно общее название «Алач».¹ В тот период образованный, молодой К. Тыныстанов, который был достаточно глубоко знаком не только с историей и культурой своего государства, но и сопредельных народов, использовал в своем произведении это нарицательное имя. Позже за это опозитизирование древней старины он был объявлен буржуазным националистом, многократно публично клеймен и подвергнут политическим гонениям.² Ему приходилось каяться и обличать себя на собраниях и на страницах печати, критиковать приписанные ему алашординские взгляды в покаянной статье «Мой путь, мое творчество, мое лицо».³

Следует отметить, что этому письму предшествовало постановление Киробкома ВКП(б) от 29 марта 1933 г., где К. Тыныстанову предложили выступить с критикой и осуждением своих ошибок.⁴ В этой статье он дает подробную характеристику всей своей творческой деятельности. Также нужно добавить, что его статья была написана в те годы, когда в стране

¹ Молдобаев И. Название народов и племен эпоса «Манас» // Мээрим. - 1999. - № 2 - с. 24.

² Рудов М. В те времена // Литературный Кыргызстан. - 1991. - № 7-8. - С. 80-85.

³ Тыныстанов К. Мой путь, мое творчество, мое лицо // Кызыл - Кыргызстан. - 1933. - 3 июня.

⁴ Протокол № 153 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 29 марта 1933 г.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, лл. 17-19.

начались массовые репрессии. Возможно, чтобы не попасть под эту волну, К. Тыныстанов вынужден был признать выдвинутые обвинения. Можно сказать, что с поставленной Киробкомом задачей К. Тыныстанов справился на «отлично». В частности, он писал: «До вступления в ряды партии мои художественные произведения (См.: сборник моих стихов) были насыщены антикоммунистической идеологией. До 1922 г. я воспевал идеи контрреволюционной партии Алаш-орды, призывая казаков и киргиз к национальному объединению и призывая развиваться по пути буржуазному вне Советского Союза, вне руководства пролетариата и его партии. В 1922 по 1924 гг., отмежевываясь от лозунга алаш-ординцев об объединении казаков и киргиз, я воспевал бай-манапскую, узконационалистическую идею о самостоятельном развитии киргизской нации, опять-таки по пути буржуазному, идеализируя при этом прошлые времена, времена военных феодалов».¹ В 1922 г. партии «Алаш» не существовало. Она была уничтожена в 1918 г., однако Касым утверждал, что якобы в студенческие годы распространял идеи партии «Алаш». Такая «ошибка», допущенная К. Тыныстановым, возможно была преднамеренна. Она прозвучала как насмешка над действиями тех людей, которые вынудили его «признаться». Очевидно, он надеялся на то, что допущенную оплошность своевременно увидят, возможно хотел довести до окружающих, что несет полнейший абсурд. Однако, не только действий, но и попыток понимания от окружающих не было. Обращает внимание и то, что в таком духе о причастности к партии «Алаш» будут составлены протоколы допросов в конце 30-х годов XX в.

Далее, в покаянной статье, он писал о неизбежности своего участия в «Алаш»: «Алаш-Ординская буржуазная интеллигенция, которая держала в то время в своих руках и школы и печать, и в среде, которой я

¹ Тыныстанов К. Мой путь, мое творчество, мое лицо // Кызыл-Кыргызстан. – 1932. – 3 июня.

воспитывался, не могла меня идейно не поработить». Причастность к «контрреволюционной партии» он объяснял своей неграмотностью как батрака, в сознании которого «крепко засели ужасы кулацкого басмачества», кровавые расправы 1916 г., что отдалили его от «правильного истинного пути». Идеи «Алаш-Орды» были настолько сильны, что, как признается сам К. Тыныстанов, он «был готов отдать свою личную жизнь за эту контрреволюционную идеологию». Только лишь при вступлении в партию большевиков К. Тыныстанов якобы «осознал свои ошибки».

Это было признание человека, который был первым кыргызским профессором, первым народным комиссаром просвещения Кыргызской автономной республики, которому подражали и брали в пример не только его соратники, коллеги, но и вся кыргызская общественность. Однако, осуждая поведение «первого» человека, следует учитывать те духовные ценности, на основе которых было воспитано общество, в котором он жил. Если следовать философской точки зрения, где частное порождает общее, а общее, в свою очередь, может породить частное, биосоциальный индивид является производным того общества, той идеологии, которая управляет обществом. Необходимо понимать, что идеология советского общества в 20-30-е годы заставляла менять свои ортодоксальные позиции, лавировать, искать компромиссные пути в угоду и во имя этого общества, во имя спасения себя и судеб своих близких. Это утверждение может считаться правильным и законченным, если при этом учесть относительно чего человек меняет свои позиции. Это же можно сказать и в отношении другого писателя, поэта, соратника и оппонента К. Тыныстанова на творческом и общественном поприще – А. Токомбаева. Нужно сказать, что он с охотой отозвался на статью К. Тыныстанова, где основательно и «убедительно» разобрал все тезисы, изложенные им. В письме, А.

38

Токомбаев обвиняет К. Тыныстанова в принадлежности к Алаш-Ординской партии (письмо А. Токомбаева было написано в 1933 г. – Б.А.). В конце своего выступления он пишет: «Его, Тыныстанова путь – путь «Алаша». Его путь, по которому он идет до последнего времени – путь несчастного алашского представителя. Этот представитель – сам Тыныстанов. Он ни на йоту не бросил свой старый путь и не вступил на путь Коммунистической партии. Он вместо того, чтобы порвать с позицией Алаша, каждым днем стал его углублять».¹ Эту причастность он аргументирует на примере отрывков из «Сборника стихов Касыма», в частности из стихов «Заря»:

Светлая с востока началась заря
Проснулись от сна всевозможные животные
От радости, что освободились от темной ночи
Животный мир поет песню. (перевод А. Токомбаева – Б.А.)

Разбирая вышеприведенное четверостишие, А. Токомбаев заключает: «Начинающаяся заря с Востока – заря Алаш-Орды. Темная ночь – это господство Николая (и сам и Алаш-Ординцы это так понимают). После низвержении царя алаш-ординцы [национальные буржуа] приступили к созданию «Алашского ханства». Во времена Керенского было создано ханство Алаш-Орда (засветила долгожданная заря с востока). Ханство Алаш стало существовать и господствовать».² По словам А. Токомбаева, стихотворение К. Тыныстанова «Заря» вызвало у них чувство обиды и стыда перед государством «за поступки ее сынов».

Что касается самой партии, то, судя по изложению А. Токомбаева, партию «Алаш» можно сравнить со средневековым католическим «Орденом иезуитов», где основная их деятельность сводилась к

¹ Токомбаев А. О письме К. Тыныстанова [Его путь, его творчество, его лицо]: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, л. 109.

² Токомбаев А. О письме К. Тыныстанова...: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, лл. 104 – 105.

распространению своей идеологии. При этом они старались примкнуть в высшие органы власти: «знаменитый лидер алаш-ординцев Ахмет Байтурсунов, как нам известно, дал такое задание алаш-ординцам: «Молодые алаш-ординцы, когда-нибудь перебирайтесь в партию, занимая большие посты, поднимайте свой авторитет, сделайте так, чтобы под ваше влияние попала масса, без этого трудно осуществить интересы «Алаш».¹ В заключение своего выступления, А. Токомбаев призвал общественность окончательно избавиться от творчества К. Тыныстанова.

Нельзя сказать, что с такими критическими замечаниями выступал только А. Токомбаев. В качестве обвинителей были и другие критики. По поводу «Сборника» в архивах сохранилась литературная критика А. Убукеева, временно исполняющего редактора комсомольской газеты «Ленинчил Джаш». Он также обвинял К. Тыныстанова в призыве народа к возврату старины, ко времени феодальных отношений. Однако в его критике есть весьма неординарный подход к стихам К. Тыныстанова, что, на наш взгляд, не оправдывает профессиональные качества А. Убукеева, как редактора. При критике стихов К. Тыныстанова «К молодежи», он не смог распознать те классические литературные обороты, условности, принципы, которые используются во всех мировых литературных произведениях, что так успешно применил у себя К. Тыныстанов. Для подтверждения изложенной мысли приведем примеры. А. Убукеев пишет: «В начале стихов призывал молодежь к поднятию «Алача», а в середине уже отступает и ставит четыре точки и говорит «пусть будет таким народ». Каким же народом им стать или будут народом без названия, или народом «четыре точки».² Для большей убедительности приведем пример его критических замечаний на стихотворение «Заря»: «У нас есть Заря,

¹ Токомбаев А. О письме К. Тыныстанова.... – С. 110.

² Сборник - стихи Касыма. А. Убукеев [Критика]: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 123.

входящая с востока, - это заря природы. Есть «Заря» свободы, данная нам западными русскими рабочими. Но здесь не известно, о какой заре говорит автор. Дальше он говорит, что «взошла с востока заря свободы». Сначала говорил он лишь «о заре», теперь стал говорить о «заре свободы». Но заря свободы с запада от русских рабочих. Здесь автор не может разобраться в том, откуда всходит «заря» и «заря свободы». Что касается замечаний на остальные стихи К. Тыныстанова, А. Убукеев пишет: «...автор влюбляется не только в женщин, но и в землю и воду, и поля и ветер, он вспоминает бая... Он в них влюбляется».¹ Кроме того, автор критического замечания обвинял К. Тыныстанова в соблюдении и в восхвалении кыргызских обычаев, что по «по своей невежественности плачут за умершего, но никогда не могли воскресить, хотя одного мертвого, в то время как за него плакали целые аулы. Что же может сделать один человек. Разве он один сумеет вернуть старину своими воплями».² Здесь сказывается угодничество А. Убукеева в пользу существующего режима, а именно советской власти, что считали малейшее проявление традиционных укладов, как проявление антисоветизма и «бай-манапских вылазок».

Отдельные малограмотные начинающие молодые писатели, руководимые своими непомерными амбициями и субъективно оценивающие свои творческие возможности, с неприкрытым угодничеством перед политической властью начали выступать с так называемой литературной критикой. Для этого использовались различные приемы – от непрофессиональной низкопробной критики до манипулирования специально искаженной информацией, создания пасквилей и анонимных писем, адресованных партийным руководителям Обкомитета ВКП(б) и руководителям ОГПУ. Нередко в

¹ Сборник - стихи Касыма. А. Убукеев [Критика]:... лл. 122 – 124.

² Сборник - стихи Касыма. А. Убукеев [Критика]:... л. 125.

этих пасквилях специально вырывали из основного текста фрагмент критикуемого труда и снабжали его искажающим смысл переводом на русский язык. Подобных пасквилей и анонимок создано было много.

Еще раз убеждаемся в том, что это малограмотные «критические замечания» горе-критика А. Убукеева с точки зрения литературной критики, не представляют никакой ценности. Однако она интересна как наглядный пример существования подобного типа людей, которые «подстраивались» под веление времени, с учетом политической конъюнктуры и традиций родового общества. Кыргызский народ, с периода своего существования и консолидации, был прежде всего кочевник, который отличался высокой степенью зависимости от природной среды. Существенным принципом подобного типа являлось сохранение биологических и социальных условий жизни, верность сокращенной традиции. Кочевник с архаическим стилем мышления отдавал приоритет традициям и обычаям предков. Поведение людей, их отношения между собой, вся их жизнь регламентировалась традицией, которая не нуждалась в рациональном истолковании, не осмысливалась в категориях пользы и выгоды, а просто принималась за веру. Поэтому, сколько не прошло времени, с тех пор до настоящего периода, несмотря на влияние русской культуры, а в настоящее время «американского практицизма», такие патриархально-родовые пережитки, а в числе их, на наш взгляд, и такие негативные, как «кыргызчылык», «родовое деление», останутся и будут существовать в современном кыргызском обществе.

Нельзя сказать, что с выходом «Сборника стихов Касыма» в феврале 1925 г. пошел повальный шквал критических замечаний, писем, рецензий, осуждающих творчество молодого поэта; были и статьи положительного

характера.¹ Однако именно в силу этого они и не были допущены к печати. Но благо, что эти небольшие рецензии, комментарии, сохранились в архивах, где каждая статья в скобках была помечена словами: «Не допустить к печати». Авторы этих статей, довольно-таки солидные и образованные люди, работники Народного комиссариата просвещения и редакций ведущих республиканских газет, смело и объективно высказывали свое мнение, что было очень рискованно для них. Они сумели понять и отобразить душевное состояние К. Тыныстанова на момент написания сборника.

Отметим статью Убукеева – работника Наркомпроса, - который на наш взгляд, очень правильно заметил, что «в те времена не только народная масса, но и работники не понимали сущности советской власти. В то время у Касыма тоже не было такого сознания, как сейчас. Он пришел из аула и попал в среду «Алачевцев». Хотя он не поддался их влиянию, но все же ближе не рассмотрел диктатуру бедноты».² Убукеев считал, что содержание «Сборника» - это проявление смелости, где автор «находясь в таком течении эпохи», стремился распространить идеи коммунизма». Параллельно своим комментариям, Убукеев подчеркнул большую историческую ценность поэмы «Джаныл-Мырза», а именно агитацию за раскрепощение женщин, уравнивание их в правах с мужчинами. Заслуживает внимания статья Догдурова – работника редакции газеты «Кызыл-Кыргызстан». В защиту творчества К. Тыныстанова, на оправдательной ноте, он упомянул: «Вообще в те времена не обращали внимание на слово «Алач». После революции в наших школах пели алачевские песни. Никто им не воспрещал этого». За эту же мысль высказался и Б. Турузбеков – учащийся сельхозтехникума: «Она издана раньше времени и

¹ По поводу содержания сборника стихов Тыныстанова: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, лл. 105-106.

² По поводу содержания сборника стихов Тыныстанова: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, л. 105.

Касым не сумел проверить политическое значение стихов».¹

Отрадно, что кроме «Сборника стихов Касыма», нашлась небольшая «доля правды» в лице этих работников, которые наперекор всему удержались на своих позициях при защите своего соратника. Мизерность этих положительных рецензий объясняется малочисленностью тех людей, которые, несмотря на свой страх потерять работу, своих близких, выступили против надвигающейся волны. Однако и есть другая точка зрения, не будь таких критических замечаний А. Токомбаева, Б. Исакеева, А. Убукеева, К. Тыныстанов не достиг бы высоких результатов.

В последующем, даже после осуждения и критики «Сборника стихов Касыма», навешанных на К. Тыныстанова ярлык «алашевца» преследовал его до конца жизни. Сохранились протоколы допросов К. Тыныстанова, проходившие в стенах НКВД Киргизской ССР, где следователями организовывалось показное представление по заранее спланированному сценарию, согласно которому он упоминает людей, которые якобы «завербовывали» его.

Освоив идеи партии «Алаш», К. Тыныстанов, можно сказать, именно на этом этапе своей жизни окончательно сформировал свои основные жизненные принципы, которых он будет придерживаться в дальнейшем. С этого периода они сводились к сохранению чести и достоинства, а также честности по отношению к самому себе. Выработанные под влиянием идей партии принципы, положительно отразились и на его уже политической карьере. Благодаря тому, что он своевременно стал сотрудничать с Советской властью, в последующем, он стал активно привлекаться в ее органы. Следует отметить, что ярые активисты «Алаш-Орды» стали видными политиками и занимали ведущие места в иерархии партийной

¹ По поводу содержания... л. 106.

власти. Возвышение по номенклатурной пирамиде у К. Тыныстанова началось с первых дней образования государственности кыргызского народа.

1.2. Вклад К. Тыныстанова в развитие науки республики.

Деятельность на посту Наркома просвещения.

С обретением государственности в 1924 г. Кара-Киргизская автономная область, прежде всего, нуждалась в образованном населении, которое могло бы активно включиться в работу. Еще до национального размежевания, в апреле 1924 г. при Государственном ученом совете Наркомпроса Туркестанской Республики (ГУС) была создана Кара-Киргизская научно-методическая комиссия.¹ В её задачи входило проведение научных исследований в области истории, этнографии, литературы, издательского дела, а также координация всей научно-исследовательской работы на территории Киргизии. В этом же году, 20 декабря, Кара-Киргизская Научная комиссия была переименована в Академический центр отдела при Облгоне Кара-Киргизской автономной области с прежними функциями. Академический центр состоял из президиума, постоянных и нештатных административных работников.² Ввиду отсутствия в г. Пишпек достаточного количества научных кадров и методистов, Академический центр некоторое время был вынужден оставаться в г. Ташкенте.³ Среди первых организаторов Научной комиссии были руководители, которые впоследствии сыграли важную роль в развитии кыргызской государственности и нации. Следует назвать Э.

¹ Карымшакова Г. Становление и развитие культуры Советской Киргизии (1918 – 1929 гг.). – Фрунзе, 1960. – С.30.

² Выписка из протокола № 45 заседания Президиума Кара-Киргизского Облревкома 1 марта 1925 г.: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 19, л. 20.

³ Протокол № 3 заседания Кара-Киргизского Областного отдела Народного просвещения 24 декабря 1924 г.: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 14, л. 3[об].

Арабаева (председатель Академического центра), К. Тыныстанова (заместитель председателя), К. Юдахина (ученый секретарь), Б. Даниярова и др.

Существенную роль в работе Научной комиссии сыграл Э. Арабаев. Близкие друзья и современники, которые называли его «молдоке», отождествляли его имя с совестью национальной интеллигенции. На протяжении многих десятилетий коммунистическая система скрывала имя и деяния Э. Арабаева от своего народа, но утаить личность, внесшую богатейший вклад в историю и культуру кыргызского народа, так и не удалось.

Только с началом демократизации наше общество получило возможность заново открыть для себя его имя. На первых порах организации Академического центра секретарем Научной комиссии работал К.К. Юдахин. Это была незаурядная личность. Он внес большой вклад в изучение кыргызского языка и на протяжении многих лет добивался восстановления и реабилитации имени и творчества К. Тыныстанова. Немалую лепту в работу Научной комиссии внес и Базаркул Данияров. Большую часть своей деятельности он посвятил области народного образования, так же как и К. Тыныстанов находился у истоков реформы кыргызского языка.

Судя по ежеквартальным докладам председателя Академического центра, на начальном этапе своего существования, деятельность Научной комиссии базировалась на личном энтузиазме научных работников.¹ Такую организацию Научной комиссии председатель объяснял техническими причинами: отсутствием помещения, скудностью материалов и оборудования, нехваткой профессиональных кадров. Но следует отметить,

¹ Докладная записка пред. Академ. центра Облоно Арабаева: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 37, л. 1 – 1[об].

что Э. Арабаев не увлекался сетованием на плохие условия жизни первой научной организации Кара-Киргизии. Наряду с ними он отмечал и положительные стороны в ее работе. Вышли в свет кыргызские книги «Хрестоматия по кыргызскому языку», «Поэма о Ленине» и «Букварь», в котором были помещены переводы К. Тыныстанова на кыргызский язык гимна пролетариата «Интернационал» и басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей». Все эти издания были отпечатаны Туркгосиздатом в г. Ташкенте.¹ Из вышеперечисленных учебников «Поэма о Ленине» была издана бесплатно. В ходе работы над учебником Научной комиссией было разработано около 300 географических терминов.² Кроме того, ею было организовано и осуществлено издание кыргызской газеты «Эркин-Тоо», первый номер которой вышел к седьмой годовщине Октябрьской революции – 7 ноября 1924 г. Это было одно из самых знаменательных событий в республике после образования кыргызской государственности. Выход первой национальной 4-х полосной газеты на кыргызском языке общим тиражом в 3000 экземпляров был осуществлен в г. Ташкенте на основе реформированной арабской графике. Это свидетельствовало о первых успехах кыргызского народа на культурном фронте и открывало перед ним перспективы для ознакомления с достижениями мирового уровня. Первая кыргызская газета стала наставником и учителем для коренного населения, на её страницах можно было встретить разнообразную информацию общекультурного и просветительского рода. Кыргызский язык и литература, терминология находились на стадии своего формирования и становления. Поэтому на начальном этапе ликвидации неграмотности газета сумела духовно сплотить вокруг себя

¹ Личное дело К. Тыныстанова: ЦГА, ф.869, оп. 3, д. 199, л. 11.; Эркебаев А. Требуется правда истории (возвращая имена) // Советская Киргизия. – 1988. – 6 октября.

² Протокол № 24 заседания коллегии ОблОИП 5 сентября 1925 г: ЦГА, ф.647, оп. 1, д. 14, л. 48[об].

кыргызское население, став одним из важных факторов становления национальной письменности и воздействия на массы. Первым редактором газеты «Эркин-Тоо» (с 1928 г. она стала именоваться «Кызыл-Кыргызстан») стал Осмонкул Алиев, сокурсник К. Тыныстанова по Казахскому институту просвещения, впоследствии видный государственный и политический деятель Кыргызстана. В июле 1925 г. К. Тыныстанов сменил О. Алиева на посту главного редактора. Редактирование им газеты «Эркин-Тоо» совпало с его пребыванием на посту председателя Научной комиссии.

Как упоминал Э. Арабаев в своем отчетном докладе о работе Научной комиссии, она приложила немало усилий для подготовки местных педагогических кадров. В связи с отсутствием в Киргизии в начале 20-х гг. педагогических учебных заведений, подготовка учителей осуществлялась через краткосрочные курсы. Большое внимание уделялось воспитанию педагогических кадров из коренного населения.¹ Как сообщал Э. Арабаев, в г. Джалал-Абаде педагогические краткосрочные курсы были открыты в мае 1924 г., где за два выпуска было подготовлено до 40 специалистов. Однако этого было недостаточно, поэтому потребовалось открытие новых курсов. Об образовательном уровне школьных работников в Киргизии можно было судить по Пишпекскому уезду.² Здесь в 1924 г. работало всего 326 учителей (199 – коренной и 127 – русской национальностей), из них 9 имели высшее образование, 97 – среднее, а остальные (в основном кыргызы) – окончили краткосрочные курсы и начальные школы. Поэтому, необходимо было уделить особое внимание подготовке педагогических работников из числа коренного населения.² В связи с этим, в 1924 г.

¹ Докладная записка...: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 37, л. 1.

² История Кыргызской ССР. [В 4-х тт.] Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в Киргизии (1917 – 1937 гг.). - Фрунзе: Кыргызстан, 1986. - Т. 3. - С.45.

Академический центр провел работу, связанную с организацией первого кыргызского Института просвещения.

Судя по ежеквартальным докладам Э. Арабаева, работа председателя Научной комиссии заслуживала всяческого одобрения. В своей деятельности, при поддержке своих коллег, он способствовал продвижению научной, исследовательской и издательской работы в Кыргызстане. К сказанному следует добавить, что Научная комиссия со времени образования стала впервые записывать кыргызское эпическое произведение «Манас» из уст народных сказителей. Однако, из-за причастности к делу «30-ки» Э. Арабаев был вынужден оставить работу в Научной комиссии. В итоге, можно сказать, что его деятельность в Научной комиссии стала последней вершиной в его политической карьере. Впоследствии он был занят на просветительской и преподавательской работе.

Рассмотрев заявление «30-ки», за участие в которой поплатился своей политической карьерой Э. Арабаев, невольно возникает вопрос, а как отнесся К. Тыныстанов к этому заявлению? Возможна ли была его причастность к одной из враждующих политических группировок? Отсутствие его в рядах враждующих свидетельствует о том, что скорее всего, он придерживался центристских позиций, хотя нельзя абсолютно утверждать, что он был равнодушен к борьбе между Киробкомом партии и группами Сыдыкова и Худайкулова. Время от времени он колебался, стараясь принципиально не примыкать ни к одной из враждующих сторон.¹

Таким образом, после снятия с должности Э. Арабаева, 25 августа 1925 г. – председателем Научной комиссии назначается К. Тыныстанов. За

¹ Курманов З. Борьба политических элит Кыргызстана... - С. 118 – 119.

время пребывания на этом посту он много сделал для процветания культуры Кыргызстана. Вся его деятельность была направлена на внедрение нового кыргызского алфавита. В своих отчетах о деятельности Научной комиссии за 1925-1927 гг. К. Тыныстанов дает характеристику ее работе, что дает нам возможность более объективно проанализировать его деятельность. В целом, доклады председателя Научной комиссии представляют большой научный интерес, так как все функции его деятельности освещены по отдельности. Кроме того, наряду с положительными сторонами, докладчик выделяет промахи и недочеты, допущенные в работе. Как и Э. Арабаев, К. Тыныстанов с первых же дней столкнулся с кадровой проблемой и нехваткой технического оборудования. Однако он признавал, что самой главной проблемой в научно-исследовательской работе «является отсутствие материалов».¹ Действительно, Кыргызстан до 1924 г. находился в составе Туркестанской АССР и поэтому материалы отдельных исследований его районов, были помещены в отдельных журналах и трудах, которых достать было очень трудно. Одним словом, результаты исследования были еще не изданы и нередко для восстановления этого пробела использовались предания местных жителей. Согласно докладу К. Тыныстанова Научной комиссией в 1925 - 1928 гг. была сделана следующая работа:

1) **В научно-исследовательской области.** Научная комиссия под председательством К. Тыныстанова уделила большое внимание всем типам советских учебных заведений, особенно школам I-й ступени, вела активную борьбу с устаревшими конфессиональными мусульманскими школами. Для этого было создано временное Методическое бюро из опытных педагогов в составе 5-ти человек, деятельность которого

¹ Тыныстанов К. Отчет о деятельности Научной комиссии при ОблОно КАО за I-й квартал 1926 – 1927 гг.: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 163, л. 35.

заключалось в выработке новых программ. Были разработаны и разосланы программы и учебные планы с методическими показаниями всем школам I - II ступени, профкомам среднего и низшего типа. Кроме того, были разработаны планы работ и программы с подробными методическими указаниями для профессиональной женской 3-х годичной школы, школы подростков, программы по обществоведению для бухгалтерских курсов и милиции.¹

2) **Изучение истории Кыргызстана.** Впервые в его истории Научная комиссия проводила мероприятия по охране памятников искусства старины, находящиеся в Киргизской области. Средняя Азия всегда была колыбелью различных памятников старины, откуда еще в довоенное время вывозились ценные экспонаты в гг. Ленинград и Москву. Для сбора различных материалов путем прессы и собеседований, а также добровольного пожертвования и на средства Научной комиссии, велась агитация среди местного населения в оказании помощи.² 5 декабря 1925 г. Президиум Облисполкома КАО принял постановление об открытии музея в г. Фрунзе.³ В целях исполнения постановления, Научная комиссия под руководством К. Тыныстанова приступила к централизации музейных экспонатов из округов и сопричастных учреждений. В этот период в Кыргызстане существовало 2 зоологических музея в г. Караколе и г. Джалал-Абаде, которые содержались на местные средства. Несмотря на все сомнения К. Тыныстанова, что «открытие музея ко дню Учредительного съезда остается под вопросом», он был открыт летом 1926 г. в маленьком доме, состоящем из двух комнат, в котором родился и жил

¹Тыныстанов К. Доклад об итогах проделанной работы по Научной комиссии: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 166, л. 19.

²Тыныстанов К. Перспективный план работ Научного комитета Облоно КАО на 1925 – 1926 гг.: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 98, лл.25 – 26 [об].

³ Данияров С.С. Культурное строительство в Советской Киргизии (1919 - 1930). – Фрунзе, 1963. – С. 150.

М.В. Фрунзе. Позднее, музей был переименован в Государственный музей Кыргызстана.¹ Для обогащения музейных экспонатов, Научная комиссия вела переговоры с Центральным бюро краеведения, Русским географическим обществом, Русским музеем, Музеем антропологии и этнографии, Зоологическим музеем. Для приобретения материалов по истории края, вела переговоры с известным историком, академиком В.В. Бартольдом, чьи труды до настоящего времени переиздаются и пользуются большим успехом в научном мире. Собирались также и материалы по восстаниям киргизов в 1898 и 1916 гг. Так как многие регионы Кыргызстана были не изучены и в целях пополнения Музея краеведения дополнительными материалами, Научная комиссия вела работу по подготовке экспедиций в малоисследованные районы.

3) **Просветительская работа.** При музее, в целях координации всей научной литературы, касающейся изучения истории Кыргызстана, была организована Научная библиотека. С этой целью Научная комиссия выделила необходимое количество литературы из своего фонда, а также выписывались книги из других городов. Таким образом, с периодическими изданиями к 1927 г. в Научной библиотеке насчитывалось около 2000 томов книг.

4) **Литературно-издательская работа.** Научной комиссией велась работа по изданию учебников и методических руководств, где к 1927 г. их было подготовлено в количестве 6-ти названий. Были подвергнуты методическому рассмотрению 10 учебников, в том числе 10% из них учебников методического характера на кыргызском языке, издаваемых комиссией. В печать были сданы учебники 5-ти названий. В тот период К. Тыныстанов, будучи председателем Научной комиссии, в г. Москве в

¹ Данияров С.С. Культурное строительство... – С. 150.

Центриздате издал «Сборник стихов Касыма» (1925 г.) и учебник на кыргызском языке – «Букварь для взрослых» (1926 г.). Тогда же он перевел с русского на кыргызский язык и выпустил сборник революционных песен «Өзгөрүш ырлары» («Песни революции»). Иначе говоря, как повествует академик А. Эркебаев, К. Тыныстанов являлся «зачинателем художественного кыргызского перевода».¹ Следует отметить, что Научной комиссией составлялась и библиография по изучению Кыргызстана.

5) **В области выработки научно-литературного языка.** Огромная работа в этом направлении и во введении нового кыргызского алфавита также принадлежит Научной комиссии. Нельзя сказать, что в Кыргызстане до этого не было своей письменности. Со времен существования еще Тюркского каганата на его территории были найдены орхоно-енисейские памятники, что говорит нам о раннем существовании письменности у кыргызов. С утверждением ислама в X в. кыргызский народ перенял арабскую графику. Однако сложность начертания букв, а также большие хлопоты с изданием литературы на арабском письме побудили государство к основательной её реформе. В первое время существования Советской власти делаются попытки приспособить арабский алфавит к культурным потребностям трудящихся. Как утверждал сам К. Тыныстанов, история киргизской письменности начинается именно с 1924 г., т.е. с момента национального размежевания Туркестанской АССР.²

Однако в тюркских государствах вопрос о замене арабской письменности латинским был поставлен ещё раньше. Впервые латинизация письменности была проведена в Турции, а на советских национальных окраинах в Азербайджане. Латинизация была предложена в

¹ Эркебаев А. Требуется правда истории (возвращая имена) // Советская Киргизия. – 1988. – 6 октября.

² Тыныстанов К. Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии (сжатый исторический очерк): Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 145.

двух формах. Сторонники первой предложили изменить коренным образом арабские буквы, подгоняя их к особенностям латинской системы шрифтов. Эту группу называли «сторонниками латинизации арабского шрифта». Вторая же группа, предложила принять латинский шрифт. Родоначальником той и другой группы был азербайджанский драматург, Министр просвещения (1812 - 1878 гг.) Фатх-Али Ахундов. Он был одним из первых, кто в 1857 г. выступил за латинизацию письменности тюркских народов.¹

Большой интерес вызывают мотивы его реформы. Он утверждал, что причины отсталости мусульманского Востока от Европы в экономическом, политическом и культурном отношениях заключается в системе письменности. Согласно его теории, замена арабской письменности на латинский поставит страны Востока на один уровень с европейскими государствами. Несмотря на наивный характер мотивов реформы, можно отчасти согласиться с этим утверждением. Действительно, из-за труднодоступности арабской письменности, во взаимоотношениях тюркских и европейских государств существовали определенные барьеры.

Латинское движение в Азербайджане охватило период с 1922 по 1929 гг. и завершилось полной латинизацией. В Турции же окончательно арабская письменность была заменена на два месяца раньше, чем в Азербайджане, то есть в ноябре 1928 г. Среди северных тюркских народностей, единственным шагом за принятие латинского шрифта, явилось выступление в 1911 г. в периодической печати татарского поэта-индивидуалиста и романтика Сагида-Рамеева.²

В республиках Средней Азии переход на латинизацию стало возможным только в период образования национальных советских

¹ Шараф Г. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта. Казань, 1926. – С. 55.

² Шараф Г.К. К вопросу о... – С. 61.

государств. Впервые в истории вопрос о латинском алфавите был предметом обсуждения на втором съезде работников просвещения в 1922 г. (по докладам одних из теоретиков латинской письменности Осман-Ходжаева и профессора Е. Поливанова). Реформа практического осуществления в Туркестане не получила.¹ Узбекские работники просвещения пришли к выводу о рационализации традиционной арабской письменности. В 1924 г. в Кыргызстане арабская письменность была реформирована с учетом специфики кыргызского языка. Однако такой вариант письменности не удовлетворял полностью все ее нюансы. Пришлось задуматься о ее втором варианте реформы, некогда предложенном ее теоретиком Ф. Ахундовым.

Вопрос о введении нового латинского алфавита в Кыргызстане официально обсуждался в мае 1925 г. на Научно-практическом съезде в г. Пишпек. До съезда было созвано совещание ответственных работников, где обсуждалось целесообразность постановки такого вопроса. По докладу К. Тыныстанова, совещание приняло протокол о переходе к латинскому алфавиту.²

В таком же духе К. Тыныстанов и выступил на Научно-педагогическом съезде. Впервые в истории горного края проводилась реформа кыргызской письменности, поэтому докладчик должен был подойти к этому вопросу очень осторожно, не обидев при этом интересы религиозных слоев населения, так как ислам, прежде всего опирался на арабскую графику. Он охарактеризовал объективные причины и предоставил аргументы реформирования старого алфавита. Прежде всего, он выделил все «неудобства» старого алфавита, в котором было 82 буквы,

¹ Поливанов Е.Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР. К Тюркологическому съезду II – 1926. – Ташкент: Узгиз, 1926. – С. 4.

² Тыныстанов К. Десять лет борьбы...: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 146.

где на каждую букву по 4 формы написания, что создавало сплошную пестроту письменности и загромождало типографию. Большое время затрачивалось на обучение арабской грамоте, в общем не менее чем 3 месяца. Как председатель Научной комиссии, К. Тыныстанов признавал, что устаревший арабский алфавит всячески тормозит её работу. Актуальность своего доклада К. Тыныстанов подчеркнул тем, что новый алфавит требует немедленного внедрения в массы. Такое положение дел он объяснял тем, что грамотное население Киргизии на старом алфавите составляло пока ничтожную цифру – около 2%, что позволяет при немедленном реформировании алфавита предотвратить обучение остального 98% населения арабскому алфавиту. Научно-педагогический съезд, заслушав доклад председателя Научной комиссии при Обл.ОНП К.Тыныстанова, единогласно вынес резолюцию: «Съезд, учитывая все недостатки арабского алфавита, находит необходимым и своевременным ликвидировать его в Кыргызстане и перейти к новому алфавиту на общей латинской основе. Съезд поручает Научной комиссии при Облоно выработать новый киргизский алфавит и провести среди населения КАО широкую агитацию за него».¹ Далее в резолюции давались конкретные указания о принципах построения латинского алфавита. Подвергся некоторым изменениям, на основе директив Областного съезда, заранее составленный проект реформирования алфавита, автором которого был К. Тыныстанов. В этом же 1925 г. Научная комиссия в порядке добровольности организывает летние учительские курсы по обучению латинского алфавита в гг. Пишпек и Ош. Переподготовку здесь прошло более 400 учителей.² Таким образом Педагогический съезд дал «добро» на дальнейшую разработку и внедрение в жизнь нового алфавита.

¹ Тыныстанов К. Краткая история возникновения нового алфавита: ЦГА, ф. 688, оп. 1, д. 18, л. 4.

² Данияров С.С. Культурное строительство... - С. 85.

Дальнейшим этапом реформы алфавита нужно считать Первый всесоюзный Тюркологический съезд, проходивший в г. Баку с 26 февраля по 5 марта 1926 г. Он стал в жизни тюркских народов событием исторического значения. В работе съезда приняли участие ученые из гг. Москвы, Ленинграда, Берлина и др. Среди делегатов были такие крупные ученые как В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, Б. Чобан-Заде, Ф. Керрюлю-Заде, С.Е. Малов, А.Н. Самойлович, Л.В. Щерба, Е.А. Крымский. Роль Бакинского съезда очень велика, так как здесь принимался единый для всех тюрков алфавит, что в последующем укрепит и консолидирует все тюркоязычные народы. На съезде велись горячие споры, относительно реформирования арабского алфавита или же принятия новой латинской графики.

Следует отметить, что кыргызская делегация основательно подготовилась к Тюркологическому съезду. Еще в 1925 г. была организована комиссия для подготовки материалов к съезду.¹ В состав ее вошли О. Алиев, С. Карачев, Медянкин, К. Тыныстанов, А. Баишев, Б. Данияров, Э. Арабаев. Согласно протоколу заседания коллегии Обл.ОНП КАО в декабре 1925 г. Э. Арабаев должен был отправиться на Тюркологический съезд.² Однако, из-за его причастности к делу «30-ки» и последующего исключения из партии и снятия с должности, он не был задействован в этом. Вместо него Исполбюро Киробкома ВКП(б) командировал Б. Даниярова, К. Тыныстанова. Вызывает интерес то обстоятельство, что приглашение делегатов Киргизии на съезд по некоторым причинам было отправлено сначала в г.Самарканд, а оттуда

¹ Протокол № 4 заседания коллегии Научной комиссии при Обл.ОНП 24 декабря 1925 г: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 92, л. 2.

² Протокол № 40 заседания Коллегии Обл.ОНП КАО 27 декабря 1925 г: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д.14, л. 85 – 85[об].

переправлено в г. Пишпек.¹ На Бакинском съезде от Киргизии вступил К. Тыныстанов. В материалах съезда фамилия К. Тыныстанова, написанная как «Тынстанов», в списке делегатов значилась под номером 107.² К.Тыныстанов выступил на 12-м заседании съезда. В докладе он отметил, что долгое время тюркские народы, несмотря на общую этническую историю и язык в силу исторических процессов были отдалены друг от друга. По экономическим, культурным и политическим причинам им приходилось общаться, соприкасаться с другими народами. Чтобы избежать дальнейшей ошибки, нужно было выработать и принять новый единый алфавит, что у каждого народа является главным остовом культуры. В данном случае речь идет о замене арабской письменности латинским алфавитом.

В своем выступлении, выделив недостатки старого алфавита и подчеркнув перспективные стороны латинского, докладчик проинформировал делегатов о своих методах и способах внедрения, в которых требовал, с учетом опыта других тюркских государств первыми проводивших реформу, осторожного и деликатного подхода к этому вопросу.

Однако если заглянуть вглубь проводимой реформы, то выступают абсолютно другие причины. Исходя из принципов марксизма, который был злейшим врагом религии, реформа языка осуществлялась только из стремления искоренить ислам как основную догму местного среднеазиатского населения. Так как марксизм более лояльно подходил ко всем происходящим историческим процессам, то религия, согласно ему, во-первых, не укладывалось ни в какие рамки. Каждое божество в религии

¹ Письмо комиссии по созыву Тюркологического съезда 24 декабря 1925 г: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д.89, л.13.

² Султанов В.С., Мирзоев А.Б. К. Тыныстанов - делегат первого Тюркологического съезда. - Б., 1991.- Т. 1. – С. 15 – 17.

выдавалось своим мирянам за подлинного носителя истин, моральных и деятельных начал, а учение каждого из них преподносилось как единственно верный кодекс жизни. Во-вторых, согласно идеям марксизма, в религии была распространена идея об абсолютной безучастности бога к земным людским делам. Общеизвестно, что мощным оружием религии являлся язык. Изучая арабский язык, местное население приобщилось к реализованному в нем складу мышления, строю умственных действий, что в итоге составило выработку среди этого народа наиболее общих принципов мыслительной деятельности. Это существенно мешало проводить реформы Советской власти, которые основывались на идеях марксизма. Поэтому, одной из первых реформ Советского правительства и было полнейшее искоренение местной арабской письменности. Ее сторонники, а именно глубоко религиозные люди, воспитанные в свою очередь в конфессиональных школах, были категорически против нового алфавита, который по их мнению под корень урезал исламскую религию. Но, тем не менее прогрессивное население тюркских республик проголосовало за новый латинизированный алфавит. Бакинский съезд был следующим шагом в деле завоевания позиций новым алфавитом.

Как известно, тюркские государства, которые первыми внедрили реформированный латинский алфавит, соприкоснулись со многими трудностями. Одна из них заключалась в намеченном разном в предложенных проектах реформирования. Еще в 1926 г., после Бакинского съезда, известный языковед Е.Д. Поливанов выпустил книгу: «Проекты латинизации турецких письменностей СССР. К Тюркологическому съезду – II 1926.» (Ташкент.: Узгиз, 1926). В ней он сетовал, что в каждой тюркской республике в будущем возникнут своеобразные латинские алфавиты, которые будут во многом отличаться друг от друга. По его утверждению это привело бы к «вавилонскому столпотворению», что

заставит «пожалеть о старом арабском алфавите».¹ Таким образом, Е. Поливанов, еще изначально, предупреждал о тех промахах на начальном этапе принятия латинской письменности, которым были подвергнуты все тюркские государства.

По прибытии делегации в г. Пишпек на состоявшемся заседании Коллегии областного отдела Народного просвещения КАО К. Тыныстанов отчитался о поездке в г. Баку.² Здесь же было принято решение организовать комитет по проведению в жизнь нового латинского алфавита. Относительно этого вопроса было много дискуссий. Секретарь Караколо-Нарынского и Джалал-Абадского кантонных комитетов ВКП(б) Т.Айтматов отмечал, что экономическая и культурная отсталость Киргизии, где грамотное население составляет 95%, пока не позволяет организовать такой комитет, поэтому он должен быть заменен обществом «Друзей нового алфавита».³ Однако К. Тыныстанов был другого мнения. Сославшись на опыт тюркских республик, а также на решение Тюркологического съезда. К. Тыныстанов требовал создание именно Комитета нового алфавита, который координировал бы все мероприятия, связанные с реформой. Диапазон его функций, в отличие от общества «Друзей нового алфавита» был более обширен и соответственно нес большую ответственность. В результате обсуждения этого вопроса мнение К. Тыныстанова было учтено. Первый областной комитет нового алфавита по переводу кыргызской письменности с арабского на латинский алфавит был образован 14 октября 1926 г.⁴ Этому комитету было предложено провести ряд организационных мероприятий по практическому введению

¹ Поливанов Е.Д. Проекты латинизации... - С. 5.

² Протокол № 54 заседания коллегии Обл.ОНП КАО 4 апреля 1926 г: ЦГА, ф. 647, оп. 1, д. 14, лл. 144 [об] – 115.

³ Тыныстанов К. Об организации Комитета нового алфавита: ЦГА, ф.647, оп. 1, д. 166, лл. 34 – 35 [об].

⁴ ЦГА, ф. 21, оп. 3, д. 169, лл.150 – 152.

нового алфавита до созыва Первого Учредительного съезда Советов. V пленум Облисполкома КАО 2 декабря 1926 г. определил состав комитета: Ю. Абдрахманов, Ю. Алиев, И. Айдарбеков, А. Баишев, Бирюбаев, Ю. Булатов, Б. Данияров, Х. Джиенбаев, Д. Зульфигаев, С. Карачев, Дж. Садаев, Т. Худайбергенов, И. Якумбаев, Т. Токбаев, М. Воробьев. Председателем комитета и заместителем были избраны председатель Кироблисполкома А. Орозбеков и К. Тыныстанов.

Таким образом, новоиспеченному кыргызскому комитету 5-й пленум Облисполкома КАО поручил «разработать план практического введения нового алфавита и установить срок окончательной ликвидации арабского алфавита».¹

В ноябре того же года состоялось первое организационное заседание этого комитета.² Следует отметить, что работать на первых порах в Терминологической комиссии было очень трудно. Как отмечал председатель Научной комиссии К. Тыныстанов, главной проблемой как всегда, было отсутствие материальных средств. Но, несмотря на это, полагаясь на энтузиазм членов комитета, за 1926 - 1927 гг., Терминологической комиссией было выработано 1500 терминов научного и технического характера.

Как видно работа председателя Научной комиссии требовала приложения массу усилий и энергии. На первых порах основная деятельность Академического центра была направлена на выработку и принятие новой кыргызской письменности. Это была новая конструктивная реформа письменности, поэтому она приобрела значимость не только областного масштаба, но и всесоюзного. В

¹ Протокол № 4 заседания V-го пленума Облисполкома КАО I-го созыва 2 декабря 1926 г: ЦГА, ф. 20, оп. 1, д. 207, л. 5[об].

² Тыныстанов К. Десять лет борьбы...: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 147.

успешности ее проведения была заинтересована вся прогрессивно мыслящая интеллигенция.

Работа по внедрению нового алфавита и в последующем займет много времени, но и при этом важно понять, что у истоков этой реформы стояла первая кыргызская Научная комиссия, в деятельность которой внес К.Тыныстанов. В итоге, можно констатировать что, побывав на посту председателя Научной комиссии, К. Тыныстанов сделал все для подъема культурного уровня своей страны.

Середина 20-х – начало 30-х годов XX в. застали страну за важнейшими мероприятиями, проводимыми советским руководством в экономическом и культурном строительстве. В этот период было ускоренно развитие народного хозяйства, созданы новые отрасли производства. Большие мероприятия были осуществлены в области культуры. Именно на начало 30-х гг. пришлось осуществление культурной революции. При ее реализации, прежде всего, ликвидировалась всеобщая неграмотность населения, разрабатывались и внедрялись новые методы обучения и воспитания учеников, формировалась новая интеллигенция. В общеобразовательных школах была отменена плата за обучение. В высших и специальных учебных заведениях учащиеся обеспечивались стипендией. В 1930 г. в стране было введено обязательное начальное обучение. Громадное значение для культурного развития национальных республик имело создание письменности на основе родного языка. Таким образом, культурная революция включала в себя процесс духовного преобразования всего общества в целом. В осуществлении этих мероприятий не остались в стороне и национальные окраины России.

Существенные реформы в области народного образования в Киргизии совпали с пребыванием К. Тыныстанова на посту народного комиссара

просвещения Киргизстана. На эту должность он был выдвинут на I Учредительном съезде Советов КирАССР, который работал с 7 по 12 марта 1927 г. во Дворце Советов (ныне здание Дворца дружбы народов). На повестку дня 11 марта 6-го Пленарного заседания съезда был поставлен доклад председателя Комитета ново-киргизского алфавита К.Тыныстанова.¹ Это было одно из первых и очень важных культурных мероприятий, проводимых Кыргызстаном в рамках культурной революции. Задача эта была весьма сложной, ведь предстояло определить пути реализации реформы арабского алфавита и любая оплошность и неосторожность со стороны докладчика могла оскорбить религиозные чувства людей, вызвать негативную реакцию. С первых же слов своего выступления К. Тыныстанов обозначил, что этот вопрос предрешен еще «2 года тому назад», тем самым, он хотел довести до присутствующих депутатов, что преимущество нового алфавита уже доказано и вся сложность в организации и проведении реформы позади; остается только сообщить, как будет проводиться реформа в республике и очертить конкретные рамки ее проведения. Так же, как и на V пленуме Облисполкома, К. Тыныстанов еще раз подтвердил мысль о правильности и своевременности введения в Кыргызстане нового алфавита, что и побудило реформаторов перейти к новому, латинскому. При этом, он сослался на опыт тюркских республик, в частности на Турцию и Азербайджан. Чтобы сгладить остроту поднимаемого вопроса, докладчик совершил небольшой экскурс в историческое прошлое, в котором показал, что попытки замены арабского алфавита предпринимались задолго до Октябрьской революции, например, в Турции, Иране и даже в царской России.

¹ Стенографический отчет I Учредительного съезда Советов Киргизской АССР 7 марта 1927 г.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 125, лл. 172 – 181.

Однако его заявление, что победа Советской власти открыла народам Востока путь к латинскому алфавиту выглядело неубедительно, ибо это была вынужденная мера, ведь ученый знал, что Кемалевская Турция первая перешла на латинский алфавит без необходимости совершения социальной революции.

Акцентируя внимание съезда на том, что смена алфавита не ставит своей целью уничтожение ислама, в чем он искренне ошибался, оратор мотивировал эту необходимость потребностями скорейшей ликвидации массовой неграмотности строителей социализма.¹ Арабский алфавит тормозил этот процесс, как доказывал докладчик, по двум причинам – ввиду своей сверх сложности (82 знака и 4 формы написания букв) и неудобства в полиграфическом плане. Он убеждал, что для кыргызского народа, не имевшего глубоких письменных традиций, переход к новому алфавиту произойдет безболезненно. В заключение оратор представил съезду конкретную программу перевода письменности на латинскую графику до 1931 г. в реализации которой должны были участвовать все интеллектуальные силы общества.

К сожалению, переход к новому алфавиту, приобретший впоследствии острую политическую окраску, сразу не дал ожидаемых результатов. По существу заново пришлось начинать борьбу с неграмотностью, возникли новые проблемы, связанные с бойкотом религиозной части населения изучения латинского алфавита.

Съезд образовал комиссию в составе К. Тыныстанова, Ю. Абдрахманова, М. Воробьева, Т. Айтматова и О.Алиева. Было принято и

¹ Курманов З.К. Всекиргизские съезды Советов: подготовка, состав, работа (1925 -1927 гг.): Дис. канд. ист. наук. - Бишкек, 1991. – С. 79.

постановление о переходе на новый латинский алфавит. Своими идейными корнями оно тоже восходило к решениям III сессии ВЦИК 12-го созыва, которая поддержала работу по созданию латинской письменности мусульманских народов. В постановлении намечались меры по изданию литературы на новом алфавите, подготовке кадров и другие мероприятия. Окончательная дата поэтапного перехода была определена на осень 1931 г. К тому же, Первый Учредительный съезд переименовал Областной комитет нового кыргызского алфавита в Центральный комитет ново-кыргызского алфавита при ЦИК Кир.АССР.

Назначенный на пост Комиссара народного просвещения Кир.АССР К. Тыныстанов, в последующем, приложил приобретенные навыки и профессионализм для общекультурного подъема своей республики. Он участвовал в подъеме школьной, технической и вузовской сети образования республики. Следует подчеркнуть также, что вся его деятельность на этом посту будет тесно связана с активным внедрением нового латинского алфавита.

Большим тормозом в ликвидации неграмотности среди населения, а также при внедрении нового алфавита были старометодные, новометодные и религиозные школы. Так они являлись платными учебными заведениями, большинство бедного населения Туркестана не могли получить хорошего образования. К тому же, старые типы школ категорически уклонялись от новшеств, которые предложила Советская власть. При этом методика преподавания в этих школах была намного устаревшей. Главной же причиной ликвидации этих школ было, конечно же, искоренение арабской письменности. Большинство созданных в конце 20-х и 30-х годов XX в. школ в Киргизии проходило под эгидой

насаждения и внедрения латинской письменности. Состояние школьной сети на рассматриваемый период был следующим:

Таблица 1¹

Годы	Количество школ		Количество учеников		Всего	
	I ступени	Непол. ср. и средних	I ступени	Непол.ср. и средних	школ	учеников
1924/1925	423	9	30410	2058	432	32468
1926/1927	454	12	32182	3880	469	36182
1927/1928	493	18	36461	4993	511	41454
1929/1930	593	23	48026	5232	600	55110
1930/1931	959	31	90209	10270	990	100479
1932/1933	1492	65	122140	20295	1561	145234
1933/1934	1641	75	121626	23514	1716	145140
1935/ 1936	1614	169	174679	20775	1783	195454
1936/1937	1547	239	140542	86026	1786	224859

Таким образом, из выше приведенной таблицы 1 видно, что в годы культурной революции количество школ и учеников в них росло. В частности за десять лет образования Кир.АССР, с 1926 по 1936 года, количество школ возросло более чем в 3,8 раза, что составило 74% увеличение школ, из них количество неполных средних и средних школ (семилетки, десятилетки) - увеличилось на 95%. Соответственно, общее количество учеников возросло в 6,2 раза, что составляет 84%. С 1932/1933 гг. наметился спад количества школ первой ступени, но при этом

¹Отчет о работе правительства Кир.АССР за 2 г. (март 1927 – апрель 1929 гг.) II-му Всекиргызскому Республиканскому съезду Советов рабочих, дехкан, крестьянских и красноармейских депутатов. - Фрунзе. - 1929. - С.182.

Отчет о работе правительства Кир.АССР за 2 г. (март 1929 – февраль 1931 гг.) III-му Всекиргызскому Республиканскому съезду Советов рабочих, дехкан, крестьянских и красноармейских депутатов. - Фрунзе. - 1931. - С. 131.

Культурное строительство в Киргизии (1918 -1929). Сб. документов и материалов. - Фрунзе, 1957.- Т.1.- С. 177.

Культурное строительство... - Т.2. – С. 11, 31, 46, 115, 188, 198, 271.

увеличилось количество неполных средних и средних школ. В цифровом исчислении это выглядело следующим образом: на 6% уменьшилось количество школ I ступени, а количество неполных средних и средних школ увеличилось в 3,7 раза. Это объясняется постепенным слиянием школ I ступени со средними школами и создание на основе этого единой общеобразовательной школы со сроком обучения 10 лет.

За период с 1927 - 1930 гг., то есть, когда Наркомом просвещения был К.Тыныстанов, тоже наблюдалось существенное увеличение общеобразовательных школ. В частности, за три года увеличение общего количества школ и учеников составило соответственно 48% и 64%. Сравним эти показатели с количеством школьных учреждений и учеников за 1932-1935 гг. В эти годы Наркомами просвещения были назначены А. Бабашалин (январь 1932 - январь 1933 гг.) и Т. Джолдошев (январь 1933 - октябрь 1935 гг.). При них за три года увеличение общего количества школ и учеников составило соответственно: 12% и 26%.

Особый интерес представляло положение педагогических кадров. Ведь ликвидация безграмотности началась именно с подготовки и переподготовки кадров учителей. Советская власть понимала, что от педагогических кадров в целом зависит успех всей политики латинизации и массовой ликвидации неграмотности. Положение учительства в начале 30-х гг. было следующим:

Таблица 2

Годы	Количество учителей	Количество учеников	Количество учеников на 1 учителя
1927/1928	1143	41454	36
1929/1930	1322	55110	42
1930/1931	1360	100479	74
1932/1933	3815	145234	38

1934/1935	4252	156260	37
1935/1936 ¹	5238	195457	37

Как видно из таблицы 2, количество учеников на одного преподавателя за годы культурной революции варьировалось от 36 до 74 человек. Конечно, это создавало для них определенные трудности. Не было речи и об усовершенствовании методики преподавания в школах, так как большее внимание уделялось скорее количеству учеников, чем качеству их образования.

Заработная плата учителей была низкой, поэтому приходилось получать ассигнования из местного бюджета.

Таблица 3

Годы	Средняя ставка учителя (руб.)	
	по гос. бюджету	по местному бюджету
1923/1924	-	От 5 до 20 пудов пшеницы
1924/1925	30	37,80
1925/1926	42,0	46,0
1926/1927	44,0	50,60
1927/1928	44,0	52,60
1928/1929	55	-
1930/1931 ²	90	-

Судя по приведенным фактам, заработная плата учителей с 1927 по 1930 гг. увеличилась в 2 раза. Причем, в конце 20-х начале 30-х годов школьное образование полностью перешло на государственное обеспечение.

Наркомпрос учитывал, что большинство местных учителей были

¹ Отчет о работе правительства Кир.АССР за 2 г. (март 1927 - апрель 1929 гг.) - С. 182.
Отчет о работе правительства Кир.АССР за 2 г. (апрель 1929 - февраль 1931 гг.) - С. 131.
Культурное строительство в Киргизии (1918 - 1929)... - Т.1. - С. 14, 177.

Культурное строительство в Киргизии (1918 - 1929)... - Т.2. - С. 11, 31, 115, 198, 271.

История Киргизской ССР... - Т. 3. - С. 447.

² Отчет о работе правительства КирАССР за 2 г. (март 1927 - апрель 1929 гг.) - С. 182-184.

Отчет о работе правительства КирАССР за 2 г. (апрель 1929 - февраль 1931 гг.) - С. 130-131.

Культурное строительство... - Т. 1. - С. 14, 177; Т. 2. - С. 115, 198. 271.

Баишев А. Краткая историческая справка о работе Наркомпроса 1927 г. ЦГА КР, ф. 688, оп. 1, д. 15, л. 249, 252.

грамотны только на арабском алфавите, поэтому Наркомпрос КирАССР организовывал различные краткосрочные и долгосрочные курсы по обучению педагогического персонала, а также повышал его образовательный уровень и за пределами Киргизии. Местные кадры обучались во многих городах РСФСР: Москвы, Ленинграда, Ташкента, Томска и т.д. К примеру, в 1930 г. вне Киргизии было обучено 929 человек, по сравнению с 1926 г. количество учеников увеличилось на 44%.

Таким образом, на основе цифровых показателей процесса увеличения общеобразовательных школ и учеников можно сделать следующие выводы. За три года работы К. Тыныстанова в Наркомате просвещения КирАССР он добился более существенных сдвигов в области постройки образовательной школьной сети. Именно на его период пребывания в Наркомате просвещения приходились все лучшие показатели социально-культурных мероприятий. Однако, в его работе, конечно же, были и некоторые просчеты, которые были связаны с социально-экономическим положением страны. Большинство же расходов из государственного бюджета было направлено на подъем народного хозяйства. Наглядно, ассигнования государственных средств на образование, учитывая общее количество населения, выглядит следующим образом:

Таблица 4

Годы	Количество населения	Ассигнование на Н.О. (в руб.)	Приходится на душу населения (в руб.)
1924/1925	936900	680000	0,73
1926/1927	1 001 700	1 914 100	1,91
1928/1929	1036200	4313700	4,16
1929/1930	1 072 400	6 736000	6,28
1930/1931	1111900	6591100	5,92
1934/1935 ¹	1 353 700	28 581 200	21,11

¹Данные о количестве населения, ежегодные демографические подсчеты взяты из Национального статистического комитета КР.

Отчет о работе правительства КирАССР за 2 г. (март 1927 - апрель 1929 гг.). – С. 31, 186.

Отчет о работе правительства КирАССР за 2 г. (апрель 1929 – февраль 1931 гг.). – С. 32

Культурное строительство... - Т. 1. – С. 14; Т.2. – С.11, 31,194.

Как мы видим, сумма государственных ассигнований на народное просвещение на душу населения за десять лет увеличилась всего лишь в 29 раз.

Объемную работу Наркомпрос провел по уничтожению дореволюционных видов школ: старометодных, новометодных, конфессиональных. При этом пристальное внимание стали уделять социальному происхождению учеников и учителей. Таким образом, Коммунистическая партия боролась со старыми пережитками дореволюционной Киргизии. В конечном итоге, к 1927 г. эта компания вылилась в “борьбу с манапством” и приняла политический характер”¹

Еще в резолюции I Учредительного съезда Советов КирАССР в 1927 г. указывалось, что манапы «парализуют нормальную работу органов Советской власти, подрывают доверие к ней масс, и чтобы изолировать это влияние необходимо их выслать”.² Можно сказать, что с этого времени уже легально оформилась борьба против злостных врагов ликвидации неграмотности. Уже к осени 1927 г., из Киргизии было выслано примерно 20 «врагов». «Борьба с манапством» охватила и деятельность новоиспеченного Народного комиссара просвещения. Исполняя волю всемогущего Киробкома ВКП(б) и руководствуясь его директивами, Тыныстанов старательным образом действовал по установленным “эталонам поведения”. Отделам народного образования во все округа республики были разосланы секретные циркуляры, которые требовали от начальников окружных отделов образования взять на учет все имеющиеся у них религиозные школы и предоставить Наркомпросу точные сведения и подробные письменные доклады о школах. В них нужно было сообщать

¹ Болджурова И. С. Восток – дело тонкое «правда о манапах» // Республика. – 1992. – 28 июля.

² Болджурова И. С. Восток

данные о месте и времени образования школы, количестве и возрасте учащихся и учителей, численности советских школ.¹ Таким образом, Наркомпрос вел учет наличия и ликвидации старых религиозных школ, а также уровень латинизации в округах, включая города, айлы и кыштаки. Хотелось бы заметить и негативную сторону в методах ликвидации духовных школ, которая вылилась в более чем изощренную систему доноительства и карьеризма. В частности, на имя заведующего облоно поступило письмо от зав. обл. вакуфуправлением т. Мирзаджанова, который утверждал, что “бывший зав.ошского вакуфотдела т. Бабачалов, будучи склонным к стороне духовенства, злобно скрывал точные цифры существующих старометодных школ и не давал точных сведений”. Далее, на этом фоне автор письма старался подчеркнуть благополучное, служебное рвение: «Лично я сам не то, что скрывать число существующих старометодных школ с какой-либо целью, а наоборот во время поездки моей в Сокулукский район, я сам лично выявил 12 старометодных школ и из них было закрыто 10».² Нужно заметить, что это далеко не единичные случаи из истории внедрения нового алфавита. Централизованный и “скрупулезный” труд Наркомпроса в последующем способствовал ускоренному упразднению старометодных и религиозных школ, а также быстрому внедрению алфавита раньше установленного срока. Как утверждал сам К. Тыныстанов, “до революции имелось всего 99 школ (русские, русско-туземные, татарские, духовные) с количеством учащихся 5091, из которых всего 574 киргиз, то со дня ликвидации арабского алфавита, т.е. в 1930 г. число школ было 990 с количеством учащихся 104800, из которых киргиз 44370».³

¹ Циркулярное письмо Наркомпроса КирАССР в Каракольской окружной ОНО 24 февраля 1927 г.: ЦГА ф. 688, оп 2(с). д.1, л. 4.

²Рапорт Мирзаджанова М. : ЦГА, ф. 688, оп. 2(с), д. 72, л. 48.

³Тыныстанов К. Десять лет борьбы...: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 15.

Такой же тенденции придерживался Наркомпрос и в отношении профессиональных училищ. В 1928 г. Киргизский институт просвещения переименовался в Киргизский педагогический техникум республиканского значения, где с каждым годом увеличивалось число студентов. К примеру, к концу 1930 г. оно уже достигло 345 человек.¹ В 1929 г. состоялся первый выпуск киргизского педтехникума, где его окончило 21 человек. Среди первого выпуска педтехникума были представители киргизской интеллигенции, сыгравшие впоследствии большую роль в становлении и развитии национальной культуры.²

Киробком ВКП(б) при поступлении студентов в педтехникум и в другие средние учебные заведения большое внимание уделял национальному и социальному составу учащихся. Так, при докладе А. Баишева “О состоянии средних и специальных учебных заведений” на заседании Агитпропколлегии, он постановил: “2. Создать особую комиссию и провести проверку социального состава учащихся. В дальнейшем при наборе обратить особое внимание на социальный состав принимаемых учащихся, в первую очередь вербовать из рабочих и батраков”.³ При отборе же в коммунистические вузы, помимо их социального состава, учитывалось и социальное положение родителей, большее предпочтение отдавалось местному коренному населению.⁴

Не только в школах, но и в специализированных учебных заведениях. Советская власть активно боролась с остатками «байства и манапства». Неудобные “социальные элементы” беспрекословно исключались из состава слушателей учебных заведений. В помощь им, для выявления баев

¹ Данияров С. С. Культурное строительство... - С. 96.

² История Киргизской ССР. - Т. 3. - С. 449.

³ Выписка из протокола №48 заседания Агитпропколлегии Киробкома ВКП(б) от 31 января 1928 г.: ЦГА, ф. 68, оп. 2(с), д. 14, л. 162.

⁴ Выписка из протокола №13 заседания Агитпропколлегии Киробкома ВКП(б) от 24 апреля 1929 г.: ЦГА, ф. 688, оп. 2(с), л. 9, л. 42.

и манапов среди учащихся, призывались партийные и комсомольские организации. Наркомпрос только успевал отправлять циркуляры специализированным учреждениям, где по-фамильно требовал исключать неугодных слушателей. Каждая “весточка” с Наркомпроса заканчивалось традиционно: “Об исполнении сообщить”.¹

Такая же компания по ускорению остатков “байства и манапства” осуществлялась и среди педагогических кадров. Наркомпрос требовал, под грифом «Совершенно секретно», от всех кантонных, городских и районных отделов народного образования постепенно приступить к “проверке и изучению работающих в учебных заведениях педагогического персонала, проверяя их работу на месте при обследовании и затребуя (так в тексте – А.Б.) отзывы от местных партийных и советских органов о каждом учителе”.² Далее в документе указывается, что “особо следует обратить внимание на социальное происхождение и на политическую благонадежность всех учителей”. В противном случае за “связь с социально- чуждыми элементами... необходимо без стеснения освободить вовсе от педагогической работы”.³ В документе отмечалось, что это следует продумать со всех сторон так, чтобы не превратить в стихийную компанию по выбрасыванию и увольнению учителей. Документ был подписан Наркомом просвещения К. Тыныстановым и Начальником главного управления соцвоса и профобра А. Баишевым. В качестве объяснения вышеуказанных действий со стороны Наркомпроса в документе подчеркивал, что «эти лица для нас и для судьбы нашей школы и молодого поколения являются опасными, поэтому в отношении их

¹Циркулярные письма Наркомпроса 1929 г.: ЦГА, ф. 688, оп. 2(с), д. 22, л. 5, 29, 37-39.

²Циркулярные письма Наркомпроса КирАССР кантонным, городским, районным о.н.о.: ЦГА, ф. 688, оп. 2(с), д. 3, л. 26.

³Циркулярные письма Наркомпроса... л. 26.

нужно быть очень осторожными”. Таким образом, устранялись те элементы, которые по мнению Советской власти, могли тормозить культурное строительство в республике.

Огромную, титаническую работу Наркомпрос проделал в области внедрения нового кыргызского алфавита, тем более, что на Первом Учредительного съезде Советов КирАССР окончательным сроком его внедрения был определен конец 1931 г. В целях реализации этого решения на местах создавались Кантонные комитеты ново-киргызского алфавита, которые организовывали кружки и курсы по его изучению. В 1926-1928 гг. их окончили 3 тыс. человек, то есть уже был создан костяк учительских кадров. С 1928-1929 гг. латинский алфавит был введен во всех кыргызских общеобразовательных школах, а 12 декабря 1927 г. он был провозглашен государственным. Процесс ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения Кыргызстана, а также ассигнование государственных средств на его обучение, выглядело следующим образом:

Таблица 5.¹

Годы	Ассигнование по бюджету	Рост ассигнования в процентах	Количество обучающихся	На обучение одного ученика (в руб.)
1926	31000	+ 55,0	4500	6,88
1927	32000	+ 3,0	5 628	5,68
1928	45000	+41,0	12000	3,75
1929	76000	+61,0	54707	1,38
1930	102000	+26,0	95000	1,07
1931	251000	+59,0	96251	2,60
1932	161 000	- 36,0	40000	4,02
1933	140000	- 13,0	88775	1,57

Как видно, ассигнования на это важное мероприятие увеличились в

¹ Культурное строительство... - Т. 2. - С. 335.

1928 г. в 1,6 раза. Скорее всего это было связано с решением Первого Учредительного съезда Советов КирАССР о ликвидации неграмотности на новом алфавите вплоть до конца 1931 г. Однако, решения, принятые на съезде, в силу объективных причин, не всегда были выполнимы. Выделенные государственные средства на ликвидацию неграмотности были мизерными, а порою их и вовсе не хватало. Так, обучение одного ученика за первую пятилетку (1929-1932 гг.) упало на 2,64 рубля. В период же правления Наркомпросом К. Тыныстановым объем затраченной суммы на одного ученика упал в 5 раз, что составило 81% от общей суммы.

Следует отметить, что большую роль в организации перехода на новый алфавит, а также в ликвидации всеобщей неграмотности среди населения Кыргызстана сыграли республиканские газеты и журналы. На них была возложена задача приобщения граждан республики к повышению образовательного и культурного уровня. Еще с ноября 1926 г. стал выпускаться периодический политический журнал «Коммунист».¹ В его редколлегию входили работники Киробкома ВКП(б): «т.т. Тынаев, Исакеев, Рахматуллин, Тыныстанов, Саадаев, Джумабаев, Абдрахманов». В первые годы он издавался тиражом 500 экземпляров, объемом в 3 печатных листа.² «Коммунист» освещал материалы современных событий, много места уделял национальному вопросу, пропагандировал учение марксистов. С начала 1931 г. он стал печататься на латинском алфавите. В 1927 г. главным редактором политико-просветительного журнала стал К. Тыныстанов.

Важная роль во внедрении нового латинского алфавита в республике принадлежит литературному журналу “Джаны маданият жолунда”. Это

¹Выписка из протокола №12 заседания Исполбюро Коробкома ВКП(б) 9 июня 1927 г.: ЦГА РК, ф. 688, оп.2(с), д. 2, л. 9.

²Культурное строительство... - Т. 1. - С. 357.

был журнал Народного комиссариата просвещения и Республиканского комитета нового кыргызского алфавита. В мае 1928 г. выходит его первый номер под редакцией К. Тыныстанова, поэтому с первых же дней издания этого журнала, ему приходилось вести большую работу в этом направлении. В нем также освещались важнейшие решения Коммунистической партии и Советского правительства, а также руководящие материалы по вопросам просвещения народного образования и культуры. Большое внимание в нем уделялось организационным и практическим вопросам, задачам Наркомпроса и его органов на местах, проблемам всеобщего обучения.¹

Большое значение журнал придавал одному из главных вопросов дня, который и определил одну из его рубрик - изучению нового кыргызского алфавита. В ней, в первом номере журнала, для придания большей важности проводимой реформы, давался полный перечень народов и народностей Советского Союза, перешедших на новый алфавит. За первый год существования научно-педагогического журнала в общей сложности вышло 7 номеров.² В последующем, с 1932 по 1935 гг. он стал выходить под названием “Маданий майдан” («Культурный фронт»), а в 1939 г. был переименован в “Окутуучуларга жардам” («В помощь читателю»), ныне известного как “Эл агартуу” (“Народное образование”).

Говоря о реформе арабского алфавита, нельзя не упомянуть еще об одном событии, где также немаловажная роль принадлежит Наркому просвещения К. Тыныстанову. Из воспоминаний ученика и продолжателя его творчества Х. Карасаева известно, что 28 мая 1928 г. в г. Самарканде состоялась Среднеазиатская научная конференция. На ней были рассмотрены различные варианты учебников, составленные на основе

¹ Выписка из протокола №51 заседания Агитпропколлегии Киробкома ВКП(б) 28 апреля 1928 г.: ЦГА РК, ф. 688, оп. 2(с), д. 14, л. 165.

² Шаймергенова Т.А. Развитие киргизской периодической печати и ее роль в социалистических преобразованиях республики (1924 - 1937 гг.): Дисс. ... канд.ист.наук. – Фрунзе, 1984. – С. 62.

новой латинской графики. Из них был принят и одобрен только кыргызский проект учебника, авторами которого являлись К. Тыныстанов и Х. Карасаев. В нем предлагалось:

1. Использовать в начертании только малые буквы в отличие от больших.
2. Использование прописных латинских букв.

На основе этого проекта в том же году был составлен букварь Х.Карасаева “Жаңылык” («Новость»), которым пользовались вплоть до 1929 г.

В этом же году, в процессе разработки деталей орфографии выяснилось, что латинский алфавит отвечал не всем требованиям и особенностям кыргызского произношения. Поэтому, постановлением специального заседания членов Центрального Комитета нового кыргызского алфавита, принятого с участием членов правительства и работников «культурного фронта» от 13 мая 1928 г., в его состав были введены дополнительные буквы «Ө», «Ү», «Ң». Приказом Наркомпроса КирАССР от 25 мая того же года новый, исправленный алфавит был введен в действие. Благодаря хорошо организованной разъяснительной работе подавляющее большинство кыргызов поняли полезность перехода к новому алфавиту и поддержали нововведение. Поэтому, в отличие от многих мероприятий Советской власти, переход на новый алфавит, несмотря на сопротивление мусульманского духовенства, был осуществлен за очень короткий срок. Ликвидация неграмотности проводилась не только по школьной, но и по партийной, комсомольской, профсоюзной линии. Начиная с 1928 г. в Кыргызстане стали проводиться месячники ликбеза, где в аилах, кыштаках и деревнях собирались общие собрания граждан, читались лекции о значении, целях и задачах работы по ликвидации неграмотности. Были созданы специальные комиссии, в

которых работали активисты-добровольцы из числа культурмейцев. Для этой работы подбирались подходящие для занятий помещения, организовывались субботники, собирались средства и книги в пользу ликбеза. В 1928 - 1929 гг. школы ликбеза действовали, в основном, при общеобразовательных школах. Обучение в них было возложено на учителей и комсомольцев. Практиковались индивидуально-групповые занятия по обучению неграмотных.

Несмотря на все сложности, переход на латинизированный алфавит, как и намечал К. Тыныстанов, был завершён раньше положенного срока в 1928 г. Вопросами его внедрения занимались почти все государственные структуры. При этом надо отметить, что реформированный алфавит по возможности был приближен к фонетическим особенностям кыргызского языка. При создании реформированного алфавита в основу был положен фонетический принцип орфографии, благодаря чему удалось несколько приблизить написание слов к кыргызскому произношению. При оценке в правильности реформы и своевременности введения нового алфавита, мнения раздваиваются. С одной стороны, Тыныстанов и ряд других реформаторов, не учли насколько пагубно могла отразиться эта реформа на культурной жизни кыргызского народа. Прежде всего, произошло разъединение мусульманской культуры, которая слагалась веками между центральными азиатскими народами, нарушилась культурная связь между ними, поддерживаемая местной религией и общим алфавитом. С другой же стороны, в отличие от других тюркоязычных народов, переход на новый алфавит не дал кыргызам откатиться назад в образовательном плане, в категорию развивающихся стран. Поэтому к оценке роли реформированного алфавита нельзя подойти однозначно.

Несмотря на попытку поголовного охвата реформой всего населения

Кыргызстана, латинский алфавит не укоренился. Тем не менее, в 1938-1939 гг. здесь был снова поставлен вопрос о замене латинского алфавита русским. Верховный Совет Киргизской ССР в декабре 1940 г. решил вопрос о переходе на новый алфавит, построенный на основе русской графики, и одобрил принципы построения предложенного проекта алфавита и орфографии. 12 сентября 1941 г. был утвержден свод правил новой орфографии кыргызского языка.

Подводя итоги за три года работы Народного комиссариата КирАССР, можно сделать следующие выводы. В этот период произошли большие изменения в содержании школьной работы. Наметились новые методические изыскания, направленные на установление связи обучения в школах с общественной деятельностью. Несмотря на определенные ошибки, школа неуклонно двигалась вперед: широко развернулось ознакомление учащихся с трудовой деятельностью, культурой; усилили свою деятельность пионерские, комсомольские организации; повысилась общая грамотность населения на новом кыргызском алфавите, что было неотъемлемой частью выполнения культурной революции на Востоке. Немалая заслуга в осуществлении этих реформ, конечно же, принадлежала К. Тыныстанову.

Однако пребывание К. Тыныстанова на посту Наркома просвещения было прервано в силу субъективных и объективных причин. В сентябре 1930 г., по просьбе К. Тыныстанова, его освобождают от занимаемой должности. Этому способствовала тяжелая болезнь, вызванная повальной критикой его деятельности со стороны недоброжелателей, которые всячески стремились обвинить его в проявлении «буржуазного национализма». После ухода с государственного поста, вплоть до своей

смерти, К. Тыныстанов вынужден был заниматься только научной и общественной работой.

Научная деятельность К. Тыныстанова касалась и кыргызской фольклористики, ведь именно в ней отражалась этническая история, психология, философия и география народа. По ним можно судить о ментальности народа, его моральных ценностях. Это и старался К. Тыныстанов использовать для подготовки, как научных докладов, так и литературных произведений. Естественно, что работа над кыргызской фольклористикой требовала огромного труда по ее переводу, редактированию и изданию, поэтому деятельность К. Тыныстанова в период 20-30-х гг. и заключалась в осуществлении этих трудных задач.

Наряду с историей издания эпоса «Манас», историков привлекает одна из его страниц. Удалось обнаружить часть стенограммы совещания по эпосу «Манас» от 27-28 декабря 1935 г. До 90-х годов прошлого века вся информация по этой конференции была предана забвению, так как многие ее участники были подвергнуты сталинским репрессиям.

Совещание было организовано Киробкомом партии в 1935 г. в г. Фрунзе. На нем выступили первый секретарь М. Белоцкий, председатель Совнаркома республики Б. Исакеев, основными же докладчиками были профессор Е.Д. Поливанов, казахский ученый и писатель М. Ауэзов и К. Тыныстанов. Из всех научных докладов сохранилась лишь стенограмма выступления К. Тыныстанова и М. Ауэзова. Незадолго до совещания в ноябре 1935 г. заседание Бюро Киробкома ВКП(б) обсудило доклад Джумабаева «О созыве расширенной редколлегии эпоса «Манас», в котором совещание редколлегии планировалось назначить на 15 декабря 1935 г. Согласно этому документу на нем планировалось обсудить 2 вопроса:

-
1. «О стилистических особенностях эпоса «Манас».
 2. О принципах перевода эпоса «Манас».

Все хлопоты по проведению совещания Киробком партии поручил А. Аильчинову. Было принято решение пригласить на совещание, кроме членов редколлегии и историков-фольклористов, литобработников (3 чел.), художников, оформляющих эпос «Манас» (2 чел.) и его певцов эпоса «Манас» - (5 чел.).¹ Однако совещание состоялось лишь в конце декабря 1935 г. На нем выступили многие ученые, исследователи эпоса, одним из основных был, по-видимому, доклад К. Тыныстанова. В нем он отметил художественную ценность кыргызского эпоса, являющегося одним из достижений культуры кыргызов.² Отмечая эпос как раритетное наследие, докладчик подчеркнул, что по “сравнению с другими эпическими произведениями кыргызского народа”, «Манас» имеет большую популярность среди кыргызского населения, так как “большинство имен героев стали нарицательными именами”.³

В докладе подробно освещена политическая среда, в которой сформировался и сложился эпос – период кочевого феодализма, в котором воспевалась идея военных походов, идеализировались неустрашимые богатыри. Как он упомянул об эпосе «один из главных источников его духа состоял, помимо эксплуатации трудящихся своей страны, и в грабеже соседних народностей, соседних стран, и мы по содержанию самого эпоса видим, что этот эпос внушал и внушает сейчас слушательской среде, прежде всего «низам», быть послушными исполнителями воли своих хозяев, т. е. феодалов, и агитирует за то, чтобы эти «низы» были отважными рыцарями, которые не пожалеют, когда надо, своей жизни для

¹ Протокол №22 заседания бюро Киробкома ВКП(б) 2 ноября 1935 г: ЦГА ПД, ф. 10, оп.1, д. 638, л. 162.

² Конференция по эпосу «Манас»: Архив ГКНБ КР, ф. Су, л. 7692, т. 2 [а], л. 48.

³ Конференция по эпосу... л. 48.

своих господ...».¹ Как видим, начав с эксплуатации завоеванных народов, К. Тыныстанов переходит к другому – к внутренней эксплуатации. Совершенно очевидно, что идея эксплуатации, отраженная в эпосе, интерпретируется как выполнение политического заказа сверху - «раскрыть классовый характер эпоса».

Видимо, на конференции была организована дискуссия, так как докладчик повествует: «...как исламизм проник, в какой форме и в каком объеме, в эпос «Манас», мы будем говорить, очевидно, еще ниже и будем говорить тогда, когда будут вопросы о некоторых спорных моментах имеющихся у нас вариантов».²

Согласно докладу К. Тыныстанова, следующий этап в складывании эпоса “Манаса” - это советский период, где по его мнению, произошло сочетание «буржуазного национализма и киргизского шовинизма».³ Здесь он выделил и отметил угодническую политику сказителей в зависимости от политической конъюнктуры. Представители байства и манапства, а в советский период буржуазные националисты, заново в угоду их запросам, заказывали сказителям пересмотреть “Манас”. К тому же эпос стал источником пропаганды несправедливого и антигуманного отношения к другим национальностям, так как «Манас» представлял собой источник и памятник культуры не только кыргызов, но и “китайцев, уйгуров, казахов, узбеков”. За проявление в эпосе «националистических» и «шовинистических» черт К. Тыныстанов винил представителей феодального общества - байство и манапство.⁴ В таком случае, певцы выступали только в качестве исполнителей. Но здесь же, в докладе К. Тыныстанов находит оправдание поведению манасчи, объясняя это тем, что сказители эпосов по своему происхождению были выходцами из

¹ Конференция по эпосу... л. 48 - 50.

² Конференция по эпосу... л. 49.

³ Конференция по эпосу... л. 49(а).

⁴ Конференция по эпосу... л. 52(а).

неимущих слоев, где невольно вынуждены были исполнять веления и прихоти своих заказчиков. Они превратились в придворных поэтов, аэдов, повышая качество «Манаса» посредством искусственного превозношения киргизской нации над другими.¹ В подтверждении своего мнения К.Тыныстанов приводит слова воспевателя «Манаса» Чоюке, смысл которых заключался в том, что угодничество было связано с экономической зависимостью сказителей от своих хозяев.² Можно предположить, что придворные певцы часто уходили, потерпев в состязаниях поражение от своего противника, если поэт не отстаивал «интересы» своего сюзерена. Как утверждал сам К. Тыныстанов, такое поведение манасчи отразилось и на художественном изложении эпоса «Манас», придав ему разночтение. В пример он привел один эпизод, который включил в себя несколько наслоений, искусственно созданных певцами при его исполнении.³ Впоследствии, как подчеркнул переводчик, из-за такого разночтения эпоса, при работе над его переводами, пришлось столкнуться со многими проблемами. В завершении К. Тыныстанов делает вывод, что переплетение всех различных композиций и стилей в одно произведение могло создаваться несколькими сказителями и поэтами, так как различными социальными группами один и тот же эпизод читался по-разному. Однако позже, как заметил сам Тыныстанов, «эта разнообразная композиция и стиль различных исторических эпох, но переплетенная в едином произведении, представляет огромный интерес для мировой литературы».⁴ Такое его мнение по этому поводу было охотно одобрено и председателем Совета народных комиссариатов Кирг.АССР Б. Исакеевым.

Далее докладчик коротко рассказал о событиях эпоса, красочно описывающего свадьбы, их изобилие, которые дают богатый

¹ Конференция по эпосу... л. 52.

² Конференция по эпосу... л.52.

³ Конференция по эпосу... л. 53(а).

⁴ Конференция по эпосу... л. 53.

этнографический материал. В ходе изложения материала К. Тыныстанов коснулся построения сюжета эпоса, упомянул о ритмах и музыкальных мотивах, образах и эпитетах эпоса.

Касаясь мирового значения «Манаса», К. Тыныстанов отметил, что несмотря на трудный период, в котором был сложен эпос, это был памятник высокого культурного наследия, «который не может не претендовать на одно из первых мест в сокровищнице мировой литературы».¹ Подчеркивая значимость этого произведения, К. Тыныстанов констатирует, что эпос может, хотя и в сыром виде, дать «массу интересных объектов для уточнения тех или иных моментов прошлых веков».² Кроме того, К. Тыныстанов обращает внимание на театрализованное исполнение эпоса, видя в этом большую заслугу сказителей, которые, перевоплощаясь в своих героев, артистически передавали внутреннее духовное состояние данного действующего лица. Этому способствовала и передаваемая сказителями окружающая среда сюжета. Отдавая дань искусству манасчи, К. Тыныстанов отметил, что «сказители при исполнении эпоса выступают и как дирижеры, где каждому герою, каждому пейзажу соответствует своя музыка». Действительно, по признанию ведущих кыргызских фольклористов, «Манас» в музыкальном отношении очень богат разнообразными ритмами. Каждое событие, согласно своему содержанию, строится на особом ритме. По словам К. Тыныстановой, у профессионалов и полупрофессионалов было обнаружено 21 мотива, что придали национальный колорит и своеобразность этому жанру.³

В заключение своего доклада, он как профессиональный филолог приводит сравнительный анализ стихотворных строк эпоса. Таким

¹ Конференция по эпосу «Манас»: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2[a], л. 50[a].

² Там же. л. 50[a].

³ Конференция по эпосу ... л. 55.

образом, докладчик продемонстрировал высокую степень информированности в области фольклорного жанра. При этом он не раз отмечал духовную, нравственную значимость «Манаса», подчеркивал, что в этом его отличие от других мировых эпосов. Основным смыслом доклада К. Тыныстанова заключался в том, что в этом эпическом произведении отразились исторические пласты народов всей Центральной Азии. Эпос, по мнению К. Тыныстанова, выступает как архивный исторический документ, под социальным наложением которого можно восстановить все общественные изменения и сдвиги, происходившие на различных этапах истории.

Стенограмма страдает существенными техническими недостатками. Она опубликована по оригиналу ее неисправленного машинописного текста, в котором много пропущенных мест, т.е. текст доклада неполный. Из текста видно, что докладчик выступал свободно, отрываясь от записи. Это дает основание утверждать, что по форме изложенный документ близок к свободному рассказу, в связи с чем ценность доклада в какой-то мере снижается.

Сам факт оказания доверия К. Тыныстанову руководством Киробкома ВКП(б) и назначения его основным докладчиком на всесоюзной конференции по «Манасу», по нашему мнению, было признанием его профессионализма.

Следующим с докладом выступил казахский писатель и исследователь эпоса М. Ауэзов.¹ Ввиду того, что его доклад полностью не сохранился, трудно детально представить контуры этого выступления. Известно, что на совещании М. Ауэзов изложил предварительные итоги своей будущей работы. Из всех выступивших, он отметил выступление К. Тыныстанова, в котором отметил несовпадение их взглядов по поводу драматизма эпоса и планирования его издания. После выступления М.

¹ Конференция по эпосу «Манас»: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2[a], 56.

Ауэзова участники заседания выслушали выступление акына-манасчи С. Каралаева.

Вполне можно сказать, что это совещание по «Манасу», - как пишет В. Плоских, - была “II-я, можно сказать, Всесоюзная конференция по манасоведению”. На нем впервые были подведены итоги проделанной работы. Обсуждались стилистические особенности эпоса. Ведущие манасоведы, переводчики, фольклористы делились опытом, навыком, принципами перевода эпоса. К сожалению, большинство докладчиков были репрессированы, что неминуемо отразилось на работе по изданию эпоса. Публикация его была сорвана, а К. Тыныстанов, С. Сейфулина, Е. Поливанова и других переводчиков арестуют в 1937 г.

Только после преодоления культа личности и глубоких изменений всех сторон общественной жизни, стало возможной полная реабилитация народного эпоса. С середины 50-х годов была вновь возобновлена работа по его всестороннему исследованию и изданию. Многие вопросы по эпосу обсуждались на правительственном уровне, где и был решен вопрос о праздновании тысячелетней годовщины народного эпоса.

Вспоминая трагическую судьбу эпоса “Манас” после Октября, можно вполне конкретно обвинить тех или иных государственных чиновников в причинах несвоевременного обращения внимания на это национальное достояние. Благодаря им эпос не был оценен по достоинству и не стал известен мировой общественности. Однако по существу жертвами были не только те, кто был “за”, но и те, кто был “против” «Манаса». Тоталитарный режим сметал на своем пути всех, кто так или иначе был причастен к гениальному наследию кыргызского народа, заставлял действовать всех по указке, не давая шансов на собственное мнение. Общеизвестно, все что не соответствовало установке, подвергалось сомнению, осуждению, наказанию, изъятию, уничтожению. В качестве этого примера, мы привели совещание по «Манасу» 1935 года, которое было предано забвению почти

на 50 с лишним лет.

ГЛАВА II. К. ТЫНЫСТАНОВ — ЖЕРТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

2.1. Политические репрессии и их последствия.

Начало 30-х годов XX в. ознаменовался процессом свертывания НЭПа по всей стране. По-прежнему продолжался процесс индустриализации. В ходе него окрепла административно-командная система, повсеместно усилился бюрократизм. Складывались соответствующие структуры управления и методы планирования. Успехи индустриализации породили уверенность в универсальной эффективности жесткой централизации, командных методов, которые стали рассматриваться лучшим средством решения любых задач. После убийства С.М. Кирова на новый виток поднялась репрессивная политика сталинского руководства. Все это сопровождалось усиленным насаждением культа “вождя народов”, который к этому времени сложился окончательно. Усилилась борьба против тех личностей, которых стали относить к категории «врагов народа». Репрессивная политика достигла своего апогея в конце 30-х годов. Такие же политические процессы проходили и в Кыргызстане.

Как показывают архивные материалы, Областная киргизская партийная конференция в первый год своей деятельности, примерно до 1927 г., главное острие своей идеологической работы направляла против проявлений родоплеменной и феодально-клерикальной идеологии. В отношении же проявлений буржуазной идеологии в различных партийных документах, выступлениях, лишь отмечается необходимость бескомпромиссной борьбы с ней.

Положение изменилось после принятия решения “Об оппозиции” XV съездом ВКП(б) (декабрь 1927 г.) исключением из партии 75 активных троцкистов и 23 членов группы Сапронова. В ноябре 1928 г. Киробком

партии получает директивное письмо от Средазбюро ЦК ВКП(б) на основе которого принимается постановление Исполбюро обкома «О работе троцкистской оппозиции». Постановлением определялись задачи кантонных и районных комитетов партии по разоблачению троцкистских элементов, а сбор и систематизация сведений о них поручались информационному подотделу обкома партии. Через 3 месяца, то есть к марту 1928 г., выявляются уже 16 «оппозиционеров».¹ В дальнейшем, по нарастающей линии, начинают исключать из партии не только за инакомыслие, сомнения или оппозиционные действия, но и за родственные или дружественные связи с объявленными троцкистами. Масштабы и степень политических гонений возрастали по мере нарастания сталинской репрессивной машины. Так, на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 г. троцкистская оппозиция была определена как «мелкобуржуазный уклон», а на XV партийной конференции (октябрь-ноябрь 1927 г.) уже названа «отходящим от классовой линии, социал-демократическим уклоном». В 1931 г. в своем письме «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованном в 6-м номере журнала «Пролетарская революция», Сталин отказал троцкизму в праве быть даже одним из течений международного рабочего движения, то есть «фракций коммунизма». Таким образом, троцкизм становился отрядом контрреволюционной буржуазии в мировом масштабе».²

В марксистской литературе до сих пор считается, что национализм - один из принципов национальной идеологии и политики, заключающийся в проведении национальной обособленности и исключительности, межнациональная вражда и недоверия к другим нациям. Национализм же

¹ Джунушалиев Д. Д. Кыргызстан - преобразовательные процессы 20 - 30-х гг. (исторический анализ проблем созиданий и трагедий): Дис. ... док.ист.наук. – Бишкек, 1993. - С. 285.

² Там же, С. 286.

возник в процессе образования наций и обусловлен спецификой развития капитализма. Он выступает в двух формах: великодержавного шовинизма, которому свойственно пренебрежительное отношение к другим нациям, и местного национализма, отличающегося стремлением к национальной замкнутости и недоверием к другим нациям.

В Кыргызстане 30-е и более поздние годы называли чаще как стремление к национальной ограниченности и замкнутости, под которое легко могли, когда надо, подвести любое действие, направленное на защиту национальных интересов, поскольку не было четких критериев для такой оценки.

Анализ архивных материалов показывает, что толчком к усилению разоблачительной кампании в Кыргызстане, послужили статьи и речи Сталина, или же просто критические материалы о республике, опубликованные в центральной прессе. На страницах печати И. Сталин информировал народ о сохранившихся националистических проявлениях на окраине страны, которые с помощью сохранения местного национального колорита, фольклора и быта, протаскивались в издания учебников и художественной литературы. Например, в 1927 г. Киргосиздатом в г. Фрунзе была выпущена «Грамматика кыргызского языка» (на кыргызском языке, ч. 1) К. Тыныстанова, которая в последующем (в 1929 г.) будет переиздаваться.¹

Учебник являлся ценным источником, положившим основу теоретического и методического изучения кыргызского языка. В то же время, в него были включены отрывки из старой поэзии Тыныстанова, которые носили, по утверждению местных властей, “буржуазно-националистический характер”. Также возьмем к примеру другой учебник Тыныстанова, - “Наш родной язык” (на киргизском языке, ч.2),

¹ Личное дело К. Тыныстанова.: ЦГА, ф. 869, оп. 3, д. 199. д. 199, л. 11.

составленного в 1927 году и выпущенного в 1931 г.¹ Он тоже обвинялся в протаскивании “бай-манапской идеологии”, так как среди включенных в учебник материалов была одна поговорка, переведенная «врагами» Тыныстанова не по смыслу, а дословно, то есть по приему, использованному им же в отношении А. Токомбаева в 1927 г. Сборник стихотворений А. Токомбаева «О Ленине» был издан в г. Ташкенте на 73-х страницах тиражом в 2500 экземпляров.² По признанию его рецензента К. Тыныстанова, - «сборник, кроме извращения ленинизма, абсолютно в себе ничего не содержит”. Смысл стихов А. Токомбаева, посвященных памяти В.И. Ленина (написанных в стиле “кошоктор”, то есть традиций народного фольклора), означали следующее: «смерть безжалостно поступила в отношении вождя, в связи с чем пролетариат лишился своей опоры». При дословном переводе рецензента К. Тыныстанова получалось, что «смерть потащила Ленина за грудки, согнулась нога пролетариата, опирающегося на него». К. Тыныстанов в заключении подвел итог, что считает “необходимым принять меры к прекращению распространению данного сборника”.³

С осуждением рецензии на сборник стихотворений А. Токомбаева выступили в печати. Критика исходила от не менее известного писателя К. Рахматуллина. В своей публикации в газете «Кызыл-Кыргызстан», он возможно из личной симпатии и солидарности к А. Токомбаеву, а возможно из-за “не популярности” К. Тыныстанова, обвинял его в том, что стихи К. Тыныстанова, «имеющие яркие националистические и алаш-ординские содержания”, находились в обращении в “момент появления в свет этого сборника тов. Токомбаева”.⁴

¹ Личное дело К. Тыныстанова.: ЦГА, ф. 869, оп. 3, д. 199, л.11.

² Тыныстанов Д. Касым, Боталы, Далил – Тыныстанов. – Б.: ОсОО «Дакс», 2005. – С. 80 - 82.

³ Рецензия К. Тыныстанова на сборник стихотворений А. Токомбаева “О Ленине”.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2[а], л. 59-60.

⁴ Критика К. Рахматуллина на сборник стихов т. Токомбаева «О Ленине». : Кызыл-Кыргызстан. - 1933. - 6 июня.

Через неделю, после выхода статьи К. Рахматуллина, К. Тыныстанов написал заявление в Бюро Киробкома ВКП(б), где описывал произошедший инцидент со своей точки зрения.¹ Он яростно отстаивал свое мнение по поводу сборника А. Токомбаева. Критику К. Рахматуллина К. Тыныстанов старался преподнести как критику руководства самого “областного комитета партии”. Он обвинял его как ответственного редактора газеты “Кызыл-Кыргызстан” в полной сопричастности с деятельностью А. Токомбаева, в разделении и в протаскивании его идей. В заключении, К. Тыныстанов, для успешности своего обвинения и придания большей степени важности допущенной К. Рахматуллином ошибки, не только на уровне Киробкома ВКП(б), но и на уровне “всеобщего пролетариата и Ленинизма” писал, что К. Рахматуллин «выступил после всех тех неоднократных указаний партии и ее вождя тов. Сталина об усилении охраны чистоты Ленинизма».²

Поговорка же, включенная в учебник К. Тыныстанова, гласила “Ороодо даның болсо, короодо малың болот”. Пословица призывала дехкан, ведущих натуральное хозяйство к рачительности. При смысловом переводе это означало: “Зерно в закроме - скот во дворе”. Слово “погреб” перевели как «яма» и при дословном переводе получилось, что “Зерно в яме - скот в загоне”.

В условиях хлебного кризиса, который по мнению Сталина был вызван вредительством кулаков, закапывающих зерно в землю, включение такой пословицы в учебник, безусловно, оценивалось как враждебная пропаганда и не имело никаких идеологических шансов на оправдание. Тот же, кто составлял документ и решал дальнейшую судьбу

¹ Заявление К. Тыныстанова в Бюро Киробкома ВКП(б) 13 июня 1933 г.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, л. 63.

² Заявление К. Тыныстанова в Бюро Киробкома ВКП(б) 13 июня 1933 г.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, л. 61.

Тыныстанова, не учел или не хотел учесть два важных момента: во-первых, учебник был составлен в 1927 г., то есть до хлебного кризиса; во-вторых, кыргызы, ведя кочевой образ жизни, “хлеб хранили всегда в ороо”, то есть в устланной соломой яме.¹

После отставки с должности Наркома просвещения республики в 1930 г. К. Тыныстанов тяжело заболел и получил возможность отдохнуть и подлечиться. В связи с этим на целый год он был вынужден оставить преподавательскую и научную деятельность. В этот же период только что созданный Киргизский национальный драматический театр, преобразованный из киргизской национальной студии, испытывал на себе так называемый острый «литературный голод».² В то время К. Тыныстанов, имевший склонность к драматургии еще со студенческих времен, пишет пьесу “Академические вечера”. К тому же, со стороны руководства ЦК было изъявлено желание увидеть на сцене первого национального театра историю кыргызского народа, в которой отразились бы его тяжелое прошлое и изменения к лучшему в связи с приходом Советской власти. Более того, как правильно замечает литературовед С. Жигитов, у Тыныстанова было большое желание оправдаться, написать “чистое” в идейном плане произведение, ведь он так несправедливо был подвергнут мощному идеологическому прессу за свои учебники 20-30-х годов. Как упоминает С. Жигитов, именно «художественные достоинства сделали “Академические вечера” пьесами, которые переросли рамку ученичества и стали первым серьезным вкладом в кыргызскую драматургию».³

¹ Джунушалиев Д. Д. Кыргызстан - преобразовательные процессы... - С. 307.

² Токтогонов С.А. Борьба Компартии Киргизии за становление и развитие социалистической культуры кыргызского народа (1918-1930 гг.). - Фрунзе: Мектеп, 1966. - С. 232.

³ Каракеев К., Акматалиев А., Пайзуллаева К. «Академические вечера К. Тыныстанова. // Кут билим. – 1998. - 17 апреля.

Цикл “Академических вечеров” состоял из трех пьес: “Манас”, “Эпоха капитализма” и “К новому обществу”. До нас дошла только вторая пьеса, состоящая из двух действий, - “Шабдан” и “Из того, что видели глаза”. О других пьесах мы узнаем из комментариев К. Тыныстанова к пьесам, а также из его критических замечаний и статей, стенограмм пленумов и конференций тех лет, довольно подробно дающих содержание “Академических вечеров”. В написании и в постановке пьесы, кроме К. Тыныстанова, принимали участие поэты К. Джантошев и А. Сапиев.

В 1932 году, за исключением третьей пьесы, “Академические вечера” были поставлены на сцене Кыргызского государственного театра. В этот период К. Тыныстанову пришлось совмещать обязанности преподавателя института, научного работника КНИИКСа с должностью директора театра. О целях этой постановки сам драматург писал следующее: “В этих “Академических вечерах” я намечал три основные задачи:

- показать в художественной форме абсолютную верность материалистического взгляда на искусство как важнейшего оружия в борьбе классов;

- ознакомить трудящихся с основными моментами исторического развития классовой борьбы в кыргызском обществе, хотя бы в грубых штрихах;

- организовать трудящихся вокруг вопроса пролетарского искусства как важнейшего оружия пролетариата в борьбе за социализм”.¹

Таким образом, К. Тыныстанов цель своих постановок видел в изложении истории кыргызов в живых художественных образах, в показе классовой борьбы кыргызского народа до советского периода и, проявлении «верности» советской идеологии. В соответствии с этими

¹ Тыныстанов К. Мой путь, мое творчество...: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, л. 3.

целями и задачами он каждый «вечер» представил, как определенную историческую эпоху:

1-й вечер - военно-феодальный;

2-й вечер - колониально-капиталистический;

3-й вечер - пролетарская эпоха и социалистическое строительство.

На основе второй пьесы из цикла, а также по высказываниям ведущих филологов, можно сделать вывод, что это было сложное синкретическое произведение. Оно включало в себя народные сказания и песни, которые сплелись в показе тяжелого положения бедняков, бесчинства баев и манапов, ущемленных прав восточных женщин и нарастания в Средней Азии процесса острой классовой борьбы. В этой пьесе имелись и сквозные сюжеты, и напряженный конфликт. Все преподносилось на фоне яркого национального колорита, что придавало сюжету особую необычайность и остроту. О К.Тыныстанове сложилось впечатление, как о незаурядном национальном драматурге.

Однако и в этом произведении К. Тыныстанова правящие органы и недоброжелатели умудрились усмотреть “контрреволюционные, националистические вылазки”, которые якобы тенью ложились на репутацию не только местных партийных властей, но и на киргизское советское государство в целом. С этого момента К. Тыныстанов становится символом «позора», «брезгливости» и «отчуждения» со стороны “массовой общественности”, которая во главе с Киробкомом ВКП(б), требовала «справедливого» наказания виновника через искупление “своих” грехов, посредством личного самобичевания и покаяния. Требуемую покорность К. Тыныстанов впоследствии выразил через признание своих ошибок в личном творчестве. После на шумевшего скандала вокруг “Академических вечеров” К. Тыныстанов был вынужден признаться в их идейной невыдержанности. Как директор Кыргызского

национального театра, он собственноручно снял из репертуара.¹ Но оказывается личных признаний перед Киробкомом и своим народом посредством выступлений на пленумах и в печати, было недостаточно.

В марте 1932 г. значительно обновленный состав секретариата Киробкома партии принял резолюцию “по докладу т. Джаманкулова “О киргизской литературе”, в которой констатировал, что “письмо Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” послужило сигналом для широкого наступления партии на идеологическом фронте, усилило бдительность парторганизаций в борьбе на два фронта, в борьбе с гнилым либерализмом”.² Далее подчеркивалось, что сущность идеологической борьбы в литературе состоит в противодействии “протаскиваниям контрреволюционных националистических идей Алаш-Орды в киргизской литературе (Тыныстанов); отражению бай-манапской идеологии, направленной против интересов пролетариата и его авангарда (Карачев, Кокенов, Кененсариев и т.п.); в отсутствии марксистско-ленинского анализа при издании так называемого народного творчества (малые формы эпоса “Манас” и т.д.)”.³

Через год, в марте 1933 г. в центральной газете «Правда» развязавшей компанию по разоблачению “буржуазного национализма”, вышла статья т. Мануйлова - “Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма”, которая крайне трагически отразилась на последующей жизни К. Тыныстанова и послужила поводом к исключению его из рядов партии. В ней всячески осуждалась деятельность манапско-кулацких слоев и «оппортунистов всех мастей» в Средней Азии. В передовой приводились примеры этих классово-враждебных “вылазок”, а также “заветные мысли и чаяния контрреволюционного национализма” в Туркмении, Узбекистане и

¹ Байджиев М. Но истина дороже! // Коммунист Кыргызстана. - 1989. - №5. - С. 91.

² Личное дело Тыныстанова К.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 15.

³ Личное дело Тыныстанова К... л. 16.

Киргизии. В частности, говоря о Киргизии, автор дал «пищу размышлений», приводя в пример пьесу «Академические вечера» К. Тыныстанова, которая «ставилась на сцене театра столицы Киргизии несколько раз».¹ С целью искоренения «извращения национальной политики партии» «Правда» обращалась в Средазбюро ЦК ВКП(б) с просьбой рассмотреть вышеизложенные факты и своевременно поставить об этом в известность. Надо сказать, что пресса киргизской партийной организации незамедлительно отреагировала на статью. Главный объект был уже обозначен центральным органом ЦК ВКП(б), тогда как выбор средств для осуществления этих нападок уже был определен местным Киробкомом партии. Вскоре, 29 марта того же года, было созвано заседание Бюро Киробкома ВКП(б) с целью обсуждения статьи т. Мануйлова. Киробком партии полностью подтвердил правильность оценки передовой «Правды», что «т. Тыныстанов (в соавторстве с тт. Кокеновым, Сапиевым, Джантошевым) со сцены Кыргызского национального театра вел открытую пропаганду национализма, открыто реставрируя «идеологию байства и манапства, феодального строя».² В заключение, Бюро Киробкома ВКП(б) вынесло решение, заверенное секретарем Киробкома А.О. Шахраем, в котором предложило «тт. Тыныстанову и Кокену выступить с критикой и осуждением своих ошибок». В противном случае оно предупреждало, что их отказ повлечет «за собой немедленное исключение из рядов партии».³ Понимая всю серьезность ситуации, в которой он оказался, К. Тыныстанов позже, в письменной форме, просил секретаря Киробкома А. Шахрая прочесть пьесу «Академические вечера» и помочь ему «своими товарищескими указаниями в деле разоблачения мною

¹ Мануйлов Т. Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма // Правда, 1933. - 6 марта.

² Личное дело Тыныстанова К.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 17.

³ Протокол № 153 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 29 марта 1933 г.: ЦГА ПД, ф.10, оп. 1, д. 453, л. 21-24.

допущенных ошибок».¹ Но, тем не менее шквал обвинений против него продолжался.

Незамедлительно, на просьбу центрального печатного органа ЦК ВКБ(б) отреагировал и принял обвинительное решение Союз советских писателей Киргизии (ССП). Он был образован еще в 1932 г. в составе 34 человек, из которых 9 - стали членами Оргкомитета.² Председателем оргкомитета ССР Киргизии стал небезызвестный уже в тот период поэт А. Токомбаев (Балка). Спустя одиннадцать дней после выхода статьи Мануйлова, ССП организовал литературную бригаду из 6 человек по рассмотрению репертуара “Академических вечеров”. Более того, обсуждение творчества К. Тыныстанова прошло и на заседании коммунистической фракции ССП Киргизии, где помимо осуждения его скандальных “Академических вечеров”, ему припомнили и его прошлые “алаш-ординские грехи”. Комфракция ССП Киргизии поручила К. Тыныстанову выступить в периодической печати с осуждением своей деятельности, а под пунктом 4, она настойчиво попросила Обком ВКП(б) “исключить Тыныстанова из рядов партии”.³

Очень оживленное осуждение “Академических вечеров “ состоялось также на VII пленуме Киробкома в июне 1933 г. и на VII областной партконференции в январе 1934 г. Почти вся когорта местной кыргызской партийной номенклатуры и творческой интеллигенции, как по команде выступила с резким осуждением политических ошибок К. Тыныстанова. Среди них были Нарком просвещения Кир АССР Т.Джолдошев, председатель оргкомитета кыргызских писателей А. Токомбаев, зав.

¹ Письмо К. Тыныстанова т. Шахраю 13 апреля 1933 г. : ЦГА ПД, ф. 10, оп.1, д.514, л. 12.

² Сведения о состоянии писателей Киргизии.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, л. 76-80.

³ Протокол №3 заседания Комфракции ССП Киргизии 25 июля 1933 г.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 514, лл. 73-74.

отделом по работе в деревне Киробкома О. Тынаев и другие.

На пленуме, в прениях по докладу К. Тыныстанова, выступил О. Тынаев, еще недавно сам обвиненный на пленуме обкома в “правом уклоне”. Он назвал творчество К. Тыныстанова “ложным”, направленным на обман партии и подчеркнул, что допущенные им “ошибки” можно расценивать как покушение на генеральную линию партии. Правда, в конце своего выступления, он несколько смягчил свой гневный протест, не забыв упомянуть, что «партия незлопамятна».¹

В числе обвинителей был и давний соратник и коллега К. Тыныстанова, - Нарком просвещения Т. Джолдошев. В отличие от своих предыдущих “коллег по критике”, он предложил ограничиться лишь его “перевоспитанием”. В противном случае, заверил он, - “партия” сама вынесет решение. В вину ему, оратор также вменял «национализм» и связь с сыдыковской организацией. Его выступление было выдержано в духе того времени, когда вождь, а с ней и вся партия, однозначно принимало решение “за всех и вся”.

На конференции было устроено своеобразное соревнование в том, кто крепче, ярче и разнообразнее осудит К. Тыныстанова и его произведения. Люди быстро усвоили, что трибуна - это прекрасная возможность для саморекламы и один из способов обезопасить себя от угрозы возможных репрессий. Вот так, не больше и не меньше, вчерашние друзья, коллеги нападали друг на друга, волею интриг и случая становясь жертвами преступных политических игр. Читая свои выступления, сами докладчики, вероятно не подозревали, что завтра наступит их черед и уже другие на всевозможных собраниях и трибунах также будут шельмовать и их.

¹ Стенограмма VII пленума Киробкома ВКП(б) 19 июня 1933 г.: ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, л. 449, Т. 3, лл. 35 -36.

Прозвучала на областной партконференции и речь А. Токомбаева большую часть которой он потратил на бичевание самого Тыныстанова. При этом он не скупился на краски: “Тыныстанов - это есть оформленный контрреволюционер, алаш-ординец, Тыныстанов есть... двурушник и последователь Сыдыкова. Он есть разрушитель пролетарской культуры. Тыныстанов есть боец за восстановление феодального строя... Вот, товарищи лицо Тыныстанова на сегодняшний день и я не могу его иначе оценить”.¹ Оратор дал резкую оценку работе Наркомпроса за 1926-1927 гг., при этом утверждая, что при помощи Абдрахманова, Тыныстанов пришел к руководству этой организации. Довольно подробно (дважды перечислял фамилии) он останавливался на осуждении ошибок тех людей из Наркомпроса, которые были непосредственно рядом с Тыныстановым. В их причастности к контрреволюционерам А. Токомбаев также обвинял Касыма. В заключение, осудив «Академические вечера», он призвал всех к исключению К. Тыныстанова из рядов партии.

В наше время тягостно читать эти откровения народного поэта Кыргызстана, Героя Соцтруда А. Токомбаева, ведь многие из названных им людей были его учителями, коллегами, помогли ему состояться на поэтическом поприще. Но таковы были нравы и условия выживания в тот период. Большевики активно занимались самобичеванием и учили других яростно и беспощадно уничтожать друг друга, всеми правдами и неправдами прокладывая путь к вершине власти - партийной, государственной, литературной. Люди старались спастись и уберечь своих близких от набравшего силу молоха репрессий. В настоящее время все критикуемые А. Токомбаевым писатели и их творческое наследие уже полностью реабилитированы.

¹ Стенограмма VII пленума Киробкома ВКП(б) 19 июня 1933 г.: ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, л. 449, Т. 3, л. 36.

Ярая критика А. Токомбаева против своего оппонента будет продолжаться и после смерти К. Тыныстанова - в период его посмертной реабилитации. И не секрет, что этот процесс намного затянулся благодаря его своевременному вмешательству. Такое поведение А. Токомбаева наводит на различные домыслы, что не дает возможности оправдать его поведение. Конечно же, все в этом продолжительном инциденте между двумя поэтами сводится к профессиональной зависти. А. Токомбаеву было в тягость видеть на своем пути более перспективного и преуспевающего, талантливого молодого поэта, который претендовал на место “патриарха”, основателя кыргызской советской литературы. А. Токомбаеву, у которого не так удачно складывалось литературное творчество, оставалось только публично, с трибуны принижать достоинства своего соперника.

В ответ с покаянной речью 13 января 1934 г. на этой же партконференции выступил сам К. Тыныстанов.¹ “Мой политический путь был неодинаков, - сказал он, - мой путь менялся, был зигзагами”. Как человек, которому внушили, что он переступил порог «закона», он был вынужден сознаться в своих несуществующих грехах: “Находясь в рядах партии и в большом доверии у партии, занимал ответственные, руководящие посты. Я натворил громадные политические ошибки в своей работе”. Нет сомнения, что долгое преследование со стороны партии за его произведения, в конце концов, вынудили его выступить с покаянной речью, признаться в приписанных ему алаш-ординских, буржуазно-националистических взглядах. Таким образом, К. Тыныстанов стремился избежать трагической участи Ю. Абдрахманова, А. Сыдыкова и других своих товарищей, которые к этому времени или были исключены из

¹ Стенограмма VII пленума Киробкома ВКП(б) 13 января 1934 г.: ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 527, Т.2, лл. 177- 185.

партии, или уже сидели в тюрьмах. Отдавая дань сложившейся политической “моды”, одев на себя “маску” разоблачителя, оратор потратил немало времени осуждению и разоблачению “буржуазных националистов” в лице Сыдыкова, Абдрахманова и других политических деятелей. Его речь была пропитана духом разоблачительства и выявления “классовых врагов”. Все чаще и чаще из его уст вырывались слова, которые в то время были так часто употребимы, - «я разоблачал контрреволюционную сущность его взглядов», «мною была обнаружена контрреволюционная точка зрения Сыдыкова», «в области художественной литературы мною разоблачен буржуазный писатель Кененсариев» и т.д.

Поведение К. Тыныстанова на партконференции было вполне объяснимо, если окунуться в 30-е гг., когда ради коммунистической идеологии в человеке отбрасывалось все самое ценное и гуманное. В период культа личности Сталина, разгула ежовщины, а затем и бериевщины, создавалась нездоровая обстановка в партии, процветали подозрительность и доносы. Партия, в лице Сталина и его окружения, манипулировала общественным сознанием людей, направляло его в репрессивное русло. Это отчетливо было видно на различного рода собраниях, где была развита практика прославления руководителей партии и государства, а культ Сталина достигал своего наивысшего предела. После каждой фамилии делегаты дружно вскакивали с мест, аплодировали, пели гимны, кричали и прославляли своих вождей. Вследствие, партийного террора, всеобщей атмосферы клеветы и доносов, под давлением окружающей среды, люди были вынуждены обличать своих товарищей, идти против совести и чести, оговаривать себя. И поэтому Тыныстанов как государственный чиновник, политик, ученый мог это предвидеть и вел себя соответствующим образом.

В заключение своего выступления оратор поклялся, что сумеет доказать на практической работе свою преданность партии и Советской власти. Вместе с тем, Тыныстанов изо всех сил также старался доказать и свою правоту. Свои самые сокровенные мысли он пытался изложить в письме к великому русскому пролетарскому писателю М. Горькому. Признавая его великий авторитет и через призму его рекомендаций, К. Тыныстанов хотел оценить свои возможности на литературном поприще. Академику К.К.Юдахину, работавшему над реабилитацией К. Тыныстанова, в архивах Института мировой литературы удалось найти письмо К. Тыныстанова от 8 октября 1933 г., адресованное М. Горькому.¹ Дав краткую характеристику и выслая подстрочный перевод “Академических вечеров”, К. Тыныстанов писал: “...рассматривается вопрос о моем пребывании в рядах ВКП(б), я уже изгнан из рядов писательской организации. Эти обстоятельства в условиях культурной отсталой Киргизии поставили меня объективно в такие рамки, в которых я морально лишен возможности успешно вести борьбу за пролетарскую культуру, как вел раньше. Скажу честно, по-большевистски, что я до сего времени не могу уяснить себе то, в чем конкретно выразились в данном произведении мои преступления перед пролетариатом, за которые так крепко осудили меня. А этот момент не дает мне как молодому художнику возможности гарантировать дальнейший рост своей творческой работы от политических ошибок”.² Это письмо К. Тыныстанова свидетельствует о его высокой моральной ответственности, о развитом чувстве долга и патриотизма. Судя по этому документу, он считал себя преданным делу социализма человеком и был уверен, что не совершал никаких политических ошибок и не считал себя виновным. Также стало известно,

¹ Байджиев М. Но истина дороже! // Коммунист Кыргызстана. - 1989. - №5. – С. 91.

² Байджиев М. Но истина дороже! // Коммунист Кыргызстана. - 1989. - №5. – С. 91.

что К. Тыныстанов писал письмо Л. Кагановичу, однако содержание этого документа так и осталось неизвестным.

По воспоминаниям профессора Х. Карасаева, в мае 1934 г. по Киргизии прошла первая волна массовых арестов, связанных с делом так называемой «Социал-Туранской партии». По обвинению в принадлежности к ней, в последующих 37-38-х годах было арестовано и уничтожено большинство национальной интеллигенции. В 1934 г. по этому же обвинению было арестовано около 60 человек.¹ Знакомясь со списком арестованных, М. Белоцкий на Бюро Киробкома настоял на исключении из него К. Тыныстанова, С. Карачева, Т. Айтматова и некоторых других людей, которых он охарактеризовал как лучших работников. Х. Карасаев в список «избранных» не попал и отсидел под арестом около 3-х месяцев. Такое покровительское отношение первого секретаря Киробкома К. Тыныстанову объясняется предшествующей его аресту встречей с ним. В 1933 г. М. Белоцкого назначили секретарем Киробкома ВКП(б). В этот же год негодование по поводу постановки «Академических вечеров» находилось на пике осуждения, как со стороны партии и творческих кругов, так и со стороны прессы. В связи с этим К. Тыныстанов был вынужден встретиться с М. Белоцким. Эта встреча длилась три с половиной часа, где одной из главной тем обсуждения было внедрение нового латинизированного алфавита в Киргизии. По утверждению З. Бектенова, мнение М. Белоцкого о нем после этой встречи в корне изменилось, кроме того, пообещал помочь К. Тыныстанову.² Попутно отметим, что при М. Белоцком по ложному обвинению был арестован и другой талантливый литератор Нарком просвещения

¹ Курманов З. Тайна Мориса Белоцкого // Комсомолец Киргизии. - 1990. - 14 марта.

² Бектенов З. Замандаштарым жөнүндө эскерүү: адабий эскерүүлөр. – Бишкек, 1996. - С. 46 - 47.

Т.Джолдошев, но в этом случае он не предпринял никаких попыток спасения его от репрессий.

Размышляя над противоречивостью поступков М. Белоцкого, наверное, уместно сказать о фантоме сталинской идеологии, ради которого отбрасывался и здравый смысл и человеческая мораль; было дозволено все, вплоть до убийства. Идеология коммунистического общества действительно овладела огромной массой людей, их энтузиазм проникал во все поры советского общества. Но под лозунгом борьбы с «врагами народа» Коммунистическая партия шла и даже на самые крайние изощренные меры.

О том, как в Киргизии велась борьба с этими «врагами народа» очень наглядно и ярко демонстрирует V пленум Киробкома ВКП(б), состоявшийся в декабре 1935 года. С докладом на нем выступил второй секретарь обкома партии Х. Джиенбаев, который подвел итоги проверки партийных документов в Киргизской партийной организации. В целом, доклад носил разгромный характер. Речь шла об изгнании из партии всех ее врагов и наведении в собственном партийном доме «настоящего большевистского порядка». В докладе было больше огульных обвинений, чем трезвых рассуждений и поисков истины. Об этом свидетельствуют наиболее часто встречающиеся в выступлениях ярлыки как, «аферисты», «жулики», «националисты», «басмачи», «жандармы», «буржуазно-националистические элементы», «контрреволюционеры», «уголовные элементы» и «контрреволюционное отребье». Большинство этих обвинений предназначалось для бывших советских и партийных работников, занимавших некогда высшие номенклатурные посты, которые своей деятельностью неоднократно доказывали свою преданность Советской власти. В докладе шельмовались такие видные руководители

республики, как Ю. Абдрахманов, А. Сыдыков, Э. Арабаев, Х. Алимбеков и т.д. В личную вину Т. Джолдошеву вменялась связь с Социал-Туранской партией, версия о создании которой активно отрабатывалась в местном ОГПУ. В докладе говорилось, что при проверке партийных документов горком предоставил обкому список из 53 человек, которых невозможно было признать коммунистами. При первой же проверке партийных билетов в числе исключенных оказалось сразу 83 человека. Увеличение произошло за счет признанных обкомом “сомнительных” лиц. Когда этот вопрос был поставлен вторично, М. Белоцкий сам лично перечислил ряд лиц, большинство которых затем оказалось исключенными из партии. Из общего числа коммунистов, партийная принадлежность которых не вызывала сомнений, обкомом было отнесено к “сомнительным” 296 человек (33% всех исключенных). При повторной проверке из этого количества было исключено еще 115 человек. Была проявлена “большая придирчивость”, в результате чего из партии было изгнано еще 200 «врагов народа».¹ Общеизвестно, что после таких чисток подавляющее большинство исключенных из рядов ВКП(б) становились объектами пристального “внимания” со стороны органов НКВД.

Такое беспрекословное подчинение народа существующей идеологии объяснялось тем, что в период правления Сталина создавалась психологическая напряженность, дискомфорт в партии, что приводило к повальной подозрительности среди людей, недоверию их друг к другу. В этих условиях в киргизской партийной организации, как и в других парторганизациях страны, допускались серьезные ошибки в вопросах укрепления ее рядов. Тогда многие руководители, перестраховываясь, усиливали работу по очищению рядов партии от “чуждых элементов”.

¹ Курманов З. Тайна Мориса Белоцкого // Комсомолец Киргизии. - 1990. - 14 марта

Такая их деятельность рассматривалась, как проявление “бдительности” и “верности” идеалам Советской власти.

Все больше развивалось доноительство, ставшее одним из распространенных способов продвинуться вверх по номенклатурной лестнице или же поправить свое положение в партии и государстве. При этом с клеветой набрасывались не только на непосредственных начальников, но и на близких друзей, родственников, коллег, соседей, простых граждан. К примеру, в 1933 г. сотрудник Кыргызского научно-исследовательского института краеведения А. Шабданов сообщал, что разговоры антисоветского характера он вел на работе несколько раз с намерением узнать, как отнесутся к этому его слушатели. Из “собственноручных показаний” А. Шабданова, мы узнали о целях таких “бесед”: «во-первых, узнать, как отзовется на это Тыныстанов, а во-вторых, как на такие разговоры будет реагировать часть русской интеллигенции».¹

На наш взгляд, подход к развитию системы доноительства должен быть осторожным, с учетом двух точек зрения. С одной стороны, это анонимные письма и доносы из чувства зависти к достижениям своего коллеги, друга, соседа, с другой стороны, когда оно возникло под принуждением правоохранительных органов, славившихся своим мастерством “принудить” дать нужные показания любого, даже очень сильного духом человека.

К. Тыныстанов не был идеалом. В августе 1934 г., он пишет 4-х страничное письмо в Политическое управление ГПУ. В этом письме он постарался отречься от всех навешенных на него обвинений собственными коллегами и соратниками по КНИИКСу. Если верить изложенному в документе, то К. Тыныстанову вменялась организация группировки среди

¹ Протокол допроса Шабданова 11 декабря 1933 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 44.

литературных работников против А. Токомбаева, Б. Кененсариева и Идрисова.¹ Его также обвиняли в том, что в целях достижения личных корыстных целей, он всячески задерживал продвижение и рост молодых киргизских поэтов, посредством выдачи неодобрительных рецензий к их произведениям. Оправдываясь перед этими заявлениями, К. Тыныстанов переходил в наступление. Так он обвинил А. Токомбаева, Б. Кененсариева и Идрисова в их несостоятельности как поэтов, творчество которых обречено на осуждение не только со стороны литературных критиков, но и со стороны массовой общественности. Как заверял К. Тыныстанов, их произведения были направлены против советской идеологии и “ленинизма”, а такое поведение «троицы» он объяснял их “бай-манапским происхождением”.²

Читая это письмо, нельзя не отметить мелочный и скрупулезный подход Тыныстанова к изложению своих обид. Особенно впечатляет его критическое описание, вплоть до мельчайших подробностей, многих моментов литературно-издательской работы сотрудников КНИИКСа, которые, как не удивительно, но были достаточно начинены грубостью, жестокостью и предвзятостью. Если бы мы не осознавали, что К. Тыныстанов, А. Токомбаев, Б. Кененсариев и Идрисов были детьми своего страшного времени, то никому из них не было бы оправдания, в том числе и объекту нашего исследования.

Таким образом, вся предыдущая полемика и споры вокруг творчества К. Тыныстанова и его личной персоны, как и следовало ожидать, закончилось исключением его из рядов ВКП(б).

11-12 февраля 1935 г. К. Тыныстанов предстал перед Комиссией по чистке первичной парторганизации Наркомпроса. Комиссии была

¹ Письмо К. Тыныстанова в ГПУ 2 августа 1934 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 47-54.

² Письмо К. Тыныстанова в ГПУ... лл. 47-54.

представлена его биография, вызвавшая большой интерес у присутствующих лиц. Как и следовало ожидать, изобиловала и всякими домыслами и слухами как из творческой, так и из политической деятельности Тыныстанова. Как и ранее, он признавался в своей личной причастности к деятельности контрреволюционной партии “Алаш”, что и отразилось на его раннем творчестве (“Сборник стихов Касыма”). Это же обстоятельство якобы сказалось в высказывании националистических и буржуазных идей при составлении учебников по грамматике кыргызского языка, в попытке изолировать кыргызский литературный язык от других, в «засорении госаппарата чуждыми для партии большевиков элементами».¹ В конце своей биографии К. Тыныстанов заверял комиссию в том, что в дальнейшем он искоренит и исправит допущенные им ошибки. При изложении своей биографии К. Тыныстанов был подвергнут ряду вопросов со стороны комиссии.

Для придания важности и строгости происходящему событию к протоколу комиссии были приобщены высказывания 10-ти соратников и коллег К. Тыныстанова. Большинство этих мнений склонялось к банальным, избитым высказываниям, в которых он уже неоднократно обвинялся. Учитывая категорию людей, собранных на этой комиссии, главное обвинение против К. Тыныстанова состояло в проявлении им бюрократизма, что якобы в немалой степени отразилось на работе творческой молодежи. Единственно “положительным моментом в его адрес, прозвучал лишь разработанный им новый латинизированный алфавит, но и он не остался без неприятного осадка: К. Тыныстанов “пытается замкнуть кыргызский язык в узко-национальных

¹ Выписка из протокола № 7 заседания Комиссии по чистке первичной парторганизации Наркомпроса 11-12 февраля 1935 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 130-132;

рамках”.¹ Большинство обвинений были похожи друг на друга как капли воды, а некоторые словно переписаны друг у друга. Но порой обвинения были настолько аргументированы и отличны от других, что невольно начинаешь сомневаться в безупречности К. Тыныстанова.

Для убедительности в объективном ведении заседания Комиссии по чистке рядов партии среди высказываний литературных «инквизиторов» можно встретить и “смягчающие” стороны в характеристике К. Тыныстанова свидетелями. В этом плане очень справедливо выразился один из свидетелей комиссии, кыргызский писатель, член ССП - Б. Турусбеков, слова которого, на наш взгляд, полностью оправдывали поведение К. Тыныстанова в период его шельмования: “Мы создали Тыныстанову такое отношение, что изолировали его от себя, совершенно не интересовались его настроениями”.

Но, несмотря на представленные материалы оправдательного характера, Комиссия Наркомпроса по чистке рядов партии 27 февраля 1935 г. постановила: “как двурушника и буржуазного националиста, Тыныстанова из рядов ВКП(б) ИСКЛЮЧИТЬ”².

7 мая 1935 г. Выездная тройка комиссии Средазбюро слушает дело № 907 и подтверждает решение этой комиссии.³ Особое внимание привлекает характеристика, данная тройкой К. Тыныстанову. В ней констатировалось, что “он в Красной Армии не служил, состоял в контрреволюционной алаш-ординской партии, по происхождению из дехкан-бедняков, отец его раскулачен в 1931 г.”. Члены комиссии потрудились подсчитать, что в годы гражданской войны К. Тыныстанову было всего 15-16 лет, а по достижении 18 лет в армию не был призван по

¹ Выписка из протокола № 7...: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 128.

² Тыныстанов Д. Касым, Боталы, Далил – Тыныстанов. – Б.: ОсОО «Дакс», 2005. – С. 59 – 60.

³ Личное дело Тыныстанова К.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 22.

причине того, что являлся студентом ВУЗа. Никого не смутило, что согласно этой справке в 1931 г. был “раскулачен... дехканин-бедняк”. После раскулачивания, родители К. Тыныстанова были направлены на Украину, где отец Касыма умер от принятия сильнодействующего яда.¹

Для полного восприятия картины, происходившей на партийных чистках, хотелось бы привести некоторые данные. Еще VI объединенный пленум ОК и ОКК ВКП(б) в феврале 1933 г. одобрил решение Январского пленума ЦК и ЦКК «О чистке партии от буржуазных перерожденцев, оппортунистов, от жуликов с партийным билетом в кармане, от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся к партии элементов». В Киргизской парторганизации чистка, проверка и обмен партийных документов проводились с августа 1934 по ноябрь 1936 гг. В итоге, к марту 1935 г., она имела следующие результаты: «из рядов ВКП(б) было исключено 2991 человек».² Главными мотивами исключения являлись: нарушение партдисциплины (649 ч.), карьеризм и шкурничество (565 ч.), классово-чуждые и враждебные элементы (401 ч.), бытовое и моральное разложение (298 ч.) и пассивность (292 ч.).³ В их числе был и К. Тыныстанов. Но 3 апреля 1936 г. партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) восстановила его в своих рядах, рассмотрев апелляцию Тыныстанова и приняв во внимание, что он при вступлении в ВКП(б) не скрывал своей прежней принадлежности к алаш-ординской партии.⁴ На основании этого партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) отменила решение Комиссии по чистке рядов ВКП(б) и восстановила Тыныстанова в своих рядах, записав в решении: «Материалами дела и специальным расследованием

¹ Заявление Тыныстановой Т. от 7 августа 1956 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, Т. 2, л. 24.

² Миртов В.В. Идею и организационное укрепление областной парторганизации Киргизии (1925-1937). - Ф.:Кыргызстан, 1966. - С. 134.

³ Миртов В.В. Идею и организационное... - С. 134-135.

⁴ Сообщение Рысбаева А. о К. Тыныстанове 23 ноября 1959 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, л. 84.

установлено, что Тыныстанов в первые годы революции был в Алаш-Ординской партии, что при вступлении в ВКП(б) не скрывал, в дальнейшем же нет оснований обвинять Тыныстанова в том, что он буржуазный националист”.

Рассматривая деятельность К. Тыныстанова на политической арене, нельзя не затронуть вопрос о его творчестве. Постепенно отходя от политики он намного преуспел на этом поприще. И значительная часть этого успеха была связана с его работой в Научно-исследовательском институте краеведения, который был создан постановлением СНК Кир.АССР от 7 октября 1928 г. В состав института вошли Государственный музей Кир.АССР, часть Академического центра Наркомпроса, Почвенно-ботаническое бюро при Наркомземе и Сейсмическая станция.¹ Научно-исследовательский институт краеведения (КНИИКС) провел большую работу по составлению учебников и учебных пособий на киргизском языке, по исследованию его орфографии, морфологии и синтаксиса. Он также плодотворно работал по составлению - терминологических, кыргызско-русских, русско-кыргызских словарей, по оформлению научного и литературного языка коренного населения; изучал и готовил к изданию лексические и фольклорные материалы, способствовал переводу национальной письменности с латинского алфавита на кириллицу, созданию дунганской письменности и учебников на этом языке. Киргизский научно-исследовательский институт на первом этапе своей работы состоял из 3-х основных отделов с подсекциями:

- 1) Естественно-производительных сил;
- 2) Социально-экономический с двумя подсекциями: социологическим и языка и литературы;

¹ Отчет о деятельности КНИИКСа за период 1928 —1930 гг.: ЦГА, ф. 688, оп. 3, д. 1, л. 25.

3) Культурного строительства.¹

Задачей института являлось осуществление научно-исследовательских работ по изучению производительных сил Киргизской АССР. Над их решением трудились известный этнограф А. Абрамзон, директор КНИИКСа с 1929 по 1930 гг. археолог – М.Е. Массон, известные ученые-тюркологи К.К. Юдахин, Е.Д. Поливанов, И.А. Батманов, К. Тыныстанов, а также такие начинающие кыргызские ученые как Х. Карасаев и Дж. Шукуров. Штат научных сотрудников Института до конца 30-х годов увеличился вдвое.²

В апреле 1936 г. КНИИКС ввиду того, что он не справлялся со своими прямыми обязанностями, по постановлению Киробкома партии, был реорганизован и переименован в Научно-исследовательский институт кыргызского языка и письменности (КНИИ КЯиП).³

К. Тыныстанов работал в КНИИКСе не только в качестве научного сотрудника и лингвиста-переводчика, а также заведующим сектора языковедения. За время работы в институте он разработал ряд научных проблем в области кыргызского литературного языка, написав ряд работ научного, методического и педагогического характера: «Грамматика кыргызского языка» (на кыргызском языке — Центриздат: Москва, 1931. Часть II); “Книга по развитию детской речи” (на кыргызском языке САОГИЗ: Ташкент, 1932); Социально-экономические термины (терминологический словарь - Киргосиздат: Фрунзе, 1933); Проектная орфография кыргызского литературного языка (на русском и кыргызском языках, Киргосиздат: Фрунзе, 1934).⁴

¹ Проект положения о КНИИКСе при Наркомпросе Кир.АССР 22 декабря 1930 г.: ЦГА, ф. 688, оп. 3, д. 1, л.12.

² Отчет о деятельности КНИИКСа за период 1928 - 1930 гг.: ЦГА, ф. 688, оп. 3, д. 1, д. 25.

³ Личное дело Тыныстанова К.: ЦГА, ф. 869, оп. 3, д. 199, л. 11-11[об].

⁴ Личное дело Тыныстанова К.: ЦГА, ф. 869, оп. 3, д. 199, л.11 - 11[об].

Среди его заслуг по формированию кыргызской грамматики необходимо отметить, следующее:

- Установление принципов сочетания фонем в слогах и чередование слогов между собою;

- Техническая таблица по сбору лексических материалов. С ее помощью им было собрано около 100000 слов, из которых в Институт в систематизированном виде было сдано 56400 слов;

- Описание подражательных слов кыргызского языка и установление их грамматической функции;

- Установление исторических путей развития взаимоотношений гласных фонем в кыргызском языке.

Особо хотелось бы отметить работу К. Тыныстанова над таблицами лексических материалов. В августе 1931 г. состоялось совещание по вопросам технологии собирания лексических материалов, которое подчеркнуло эффективность и оригинальность подхода К. Тыныстанова в изучение грамматики кыргызского языка. Оно также отметило, что применение технических таблиц намного облегчило методику преподавания кыргызского языка и соответственно доступность для каждого грамотного человека. Через год, Экспертная комиссия во главе с Б. Данияровым заключила, что предоставленная К. Тыныстановым техника собирания лексических материалов считается фундаментальной.¹

По поручению Наркомпроса Кир.АССР, К. Тыныстанов проделал большую работу по рецензированию учебников кыргызского языка и переводу трудов В. Ленина и И. Сталина.² Уже как признанного специалиста, лингвиста-переводчика, его приглашают в Комиссию по редактированию кыргызского перевода международного гимна

¹ Личное дело Тыныстанова К.: ЦГА, ф. 869, оп. 3, д. 199, л. 19.

² Переписка т. Белоцкого за 1936 г.: ЦГА ПД, ф. 10. оп. 1, д. 751, л. 37-37[об].

“Интернационал”¹. В том же 1936 году, К. Тыныстанов был первым среди кыргызских ученых удостоен высокого ученого звания - профессора.

Работа К. Тыныстанова в КНИИКСе в 30-х годах совпала с процессом повального развертывания индустриализации. Во всех автономных республиках строились заводы и фабрики, главным образом легкой, добывающей и перерабатывающей промышленности. Тоже самое происходило и в Кыргызстане, хотя не было достаточных природных ресурсов. Так получилось, что именно в эти годы, 13 февраля 1933 г., К. Тыныстанов находился в г. Ленинграде на встрече с работниками завода «Красный химик». Слет работников завода был посвящен встрече представителей Академии наук СССР с членами правительства Киргизии. На собрании был избран президиум из 13 человек.

На повестке дня были рассмотрены два вопроса: 40-минутный доклад К. Тыныстанова о достижениях Киргизии за пять лет и содоклад профессора Щербакова из Академии наук СССР. Перед началом доклада выступил представитель рабочих Португальский, который подчеркнул, что киргизская делегация ознакомилась с достижениями завода, его успехами, а также недостатками в области промышленности. Он сообщил, что Киргизия была колониальной вотчиной царизма с примитивным кочевым хозяйством. Однако в последние годы, а именно за первую пятилетку, сумела полностью изменить свое экономическое, политическое и культурное положение в своей стране. Португальский заверил киргизскую делегацию, что на основе увиденного ими на заводе “Красный химик”, киргизские рабочие промышленных предприятий, переняв опыт ленинградских рабочих, сообща сумеют реализовать свои общие цели и

¹ Протокол № 232 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 1 ноября 1936 г.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 1, д. 715, л. 4.

задачи.¹ Свою речь докладчик, как это и было принято в тот период, закончил лозунгами и призывами в адрес рабочего класса Киргизии и Коммунистической партии большевиков.

Доклад К. Тыныстанова был большим по объему, что он не уложился в установленный регламент. Содержание его отличалось скрупулезностью и высокой степенью информированности обо всех направлениях развития Кыргызстана, включая экономику, политическое положение и культурную сферу. Доклад был насыщен цифровыми данными и аналитическими выдержками, что придавало ему большую значимость и весомость; в то же время он был прост по форме изложения. Докладчик понимал, что основные слушатели, присутствующие на данном собрании, это рабочие, бывшие колхозники, которым на доступном им языке нужно было как можно понятнее рассказать о своей республике, о которой многие просто не имели никакого представления.

Свое выступление К. Тыныстанов начал с братского приветствия от киргизского правительства всем рабочим ленинградского завода. Докладчик поблагодарил за теплый, дружеский прием, а также отметил их успехи и достижения в области строительства социализма. С особым восхищением он отозвался об использовании последних достижений науки и техники, об активном приобщении к этому молодых кадров. Достигнутые успехи он связывал лишь с успешной и упорной борьбой с классовым врагом.² Вводную часть доклада К. Тыныстанов завершил известным утверждением, что национальному росту Киргизии – от колониальной окраины до современной республики – способствовало

¹ Доклад К. Тыныстанова на собрании работников завода «Красный химик» 14 февраля 1933 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2[а], л. 105-107.

² Доклад К. Тыныстанова на собрании...: Архив ГКНБ КР, ф.Су, д. 7692, т.2[а], л. 109.

именно пролетарское руководство.

Докладчик отметил, что Киргизия является горной республикой, где многие высочайшие хребты известны всему миру. Затем он перешел к изложению истории своего края с 1955 года, то есть с присоединения Киргизии к Российскому государству. По идее, чтобы дать наиболее полную характеристику своей страны, докладчик должен был охватить историю с древнейших времен. Однако он решил ограничиться советским периодом истории Киргизии, возможно из-за ограниченности времени, не устоявшихся научных положений, либо из узких идеологических соображений, где любое смещение или вольное изложение исторических фактов могло быть понято как проявление национального шовинизма.

В своем докладе К. Тыныстанов дал анализ российскому империализму, длительное время колонизировавшем и эксплуатировавшем местное население, способствовавшем углублению социальной дифференциации кыргызского общества, из которого он поддерживал только зажиточные слои населения – байство и манапство. Завершая свой доклад, он подчеркнул, что непосильная двойная эксплуатация беднейшей части населения, с одной стороны – местными баями, а с другой – российским империализмом, привели к выступлению народа в 1916 г., подавление которого вызвало массовое бегство коренного населения в соседний Китай. К. Тыныстанов упоминал, что «Временное правительство, которое стояло во главе власти некоторый промежуток времени, не только не могло оказать помощи киргизским трудящимся, но и оно наоборот поощряло авторитет русского кулачества...».¹

В заслугу пролетарского большевизма докладчик вменял и обретенный суверенитет Киргизии в 1924 году. С этого же времени, как

¹ Доклад К. Тыныстанова на собрании работников завода «Красный химик» 14 февраля 1933 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2[а], л. 115.

подчеркивал К. Тыныстанов, здесь началась «жизнь абсолютно нового порядка», которую докладчик проиллюстрировал цифрами больших успехов в области земледелия и животноводства, являвшегося ведущей отраслью экономики. Докладчик, в частности, привел последние итоговые данные по развитию республики за первую пятилетку: о размерах посевных площадей, о численности образованных колхозов и совхозов, количестве поголовья скота. Кроме того, он подчеркнул успехи развития промышленности республики, среди которых особо выделил каменноугольную отрасль, на 95 % удовлетворявшую потребности населения Средней Азии.

Не забыл докладчик упомянуть и о достижениях в области подготовки национальных кадров, культуры, народного образования и здравоохранения. Он подчеркнул, что грамотное население республики составило свыше 58 %. За годы культурного строительства было построено 3 ВУЗа и свыше сотни школ повышенного типа.

В заключении, К. Тыныстанов посвятил присутствующих в дальнейшие планы республики, намеченные на вторую пятилетку. Главной стратегической целью пятилетки он считал - максимальное использование тех природных залежей, которые находятся в недрах республики, но еще не были освоены надлежащим образом. Тем самым он как бы хотел подчеркнуть, что у кыргызстанцев и рабочих г. Ленинграда есть общие интересы и перспективы для сотрудничества.

Доклад К. Тыныстанова был выслушан с большим вниманием и интересом, о чем свидетельствуют громкие реплики и фразы, которыми сопровождался из зала.

Затем, от Академии наук СССР с небольшим сообщением выступил профессор Щербаков. В своей краткой речи он остановился на проблеме освоения полезных ископаемых Киргизии, которые, по его мнению,

118

являлись не только общенациональным, но и мировым достоянием. Он подчеркнул, что эффективное их использование смогло бы поднять индустрию всего Советского Союза в целом. Были и другие выступления - рапорты, в которых отмечались успехи, достигнутые республикой за годы строительства социализма.

Выступление К. Тыныстанова на собрании завода г. Петербурга показало степень важности проводимых Советской властью мероприятий. Страна полностью окунулась в выполнение социалистических соревнований, всеобщих краткосрочных "4-х летних" пятилеток. Итоги таких соревнований торжественно объявлялись на съездах Советов. Однако, чем лучше были показатели в отчетных докладах на съездах, тем больше усиливались и крепились исполнительные органы власти. К концу 20-х началу 30-х гг. их значимость особо возросла, что и привело к административно-командной системе управления.

Проанализируем очевидные факты. Почему общественность того периода так яростно преследовала прогрессивно мыслящих личностей своей эпохи? Конечно, если учитывать сложившуюся политическую обстановку, то можно ли допустить, что в таком преследовании со стороны властей, а в последующем и в политическом гонении и физическом уничтожении, отчасти, по воле случая, были виноваты и сами эти личности? Ведь мы согласны и признаем, что К. Тыныстанов для своего времени был далеко разносторонним и эрудированным человеком. Он был блестящим ученым, драматургом, поэтом и хорошим оратором и в тоже время перспективным государственным деятелем. Вся его деятельность, будь она проявлена в творчестве или в политике, отличалась принципиальной новизной и оригинальностью подхода к решению проблем. Мы согласны, что К. Тыныстанов был талантливым человеком

своего времени. Однако у таких людей есть и отрицательные стороны, которые тоже могут отражаться на окружающих, на обществе в целом. Талант сопровождается своими амбициями, нетерпением и неприятием, а в некоторых случаях и игнорированием мнения других, стремлением к доминированию в обществе, к лидерству, высокой степенью конфликтности. Поэтому, не исключено, что поведение К. Тыныстанова в обществе тоже способствовало появлению конфликта, неприятия со стороны окружающих его персоны. При этом надо оговорить, что наличие негативных сторон у К. Тыныстанова не было определяющим и основным в обвинениях его со стороны окружающих.

2.2. Гибель и реабилитация.

Наше время оказалось связанным с лавинообразным переосмыслением советского этапа Отечественной истории. Вслед за попыткой ликвидировать “белые пятна” и перелистать “черные страницы” открылись проблемы, ранее не попадавшие в поле зрения обществоведов или сознательно искажавшиеся ими, но которые ведут к выработке фактически новой концепции послеоктябрьского развития общества. К числу крупномасштабных направлений, напрямую связанных с периодом демократического развития республики, принадлежит и утверждение командно-административной системы, которую нередко принято называть авторитарно-тоталитарным режимом.

Ведущие политологи, историки не раз задумывались над вопросами, связанными с причинами возникновения командно-административной системы, тоталитарного режима, а также над феноменом возникновения и длительного существования советского “сталинизма”. В ряду их можно обнаружить экономические, социальные, политические, гносеологические, исторические, личностные и другие корни. Первым и, возможно, главным

120

признаком административно-командной системы управления, во всяком случае по тяжести последствий, является постепенное отстранение от власти Советов. Крайне низкий культурный и политический уровень подавляющего большинства населения привел к усилению не выборных, а исполнительных, назначаемых органов власти. Законотворческая деятельность все более переносится в Президиум ЦИК СССР - узкую коллегию, которая все чаще издает от своего имени постановления, имевшие основополагающее значение для судьбы государства. С утверждением и упрочением административно-командной системы управления роль и функции Президиума ЦИК СССР все больше возрастают и приобретают законченный характер в 40-70-е годы XX в.

Административно-командная система управления удерживалась в значительной мере на номенклатурном принципе управления обществом, Номенклатурность как одна из ее черт, тесно была связана с непрофессионализмом и неквалифицированностью. Это благодаря ей в течение десятилетий падал авторитет квалифицированного труда во всех видах человеческой деятельности. Заметим, что особый урон от этого был в сфере управления, где господствовал номенклатурный принцип подбора кадров - не отбора в результате конкуренции знаний и талантов, а подбора, при котором на первое место всегда выдвигалось классовое происхождение, преданность партии и новому строю, а уж затем учитывались деловые качества человека.

Характерной чертой административно-командной системы управления являлось выдвижение на первые роли и быстрое увеличение государственного аппарата, а также сращивание его с партийным. Шел процесс чрезмерного огосударствления всей жизни, концентрации политической власти в руках центральных государственных и партийных

органов, централизации управления всеми отраслями экономики, культуры, общественной жизни, что привело к решению всех, даже сугубо местных вопросов, в так называемом центре. Такое расширение функций центральных органов предопределило и характер деятельности самого аппарата: вместо аналитической, экспертной, координационной и прогнозируемой деятельности аппарат занимался главным образом организацией исполнения принятых решений, оперативной работой и контролем над их выполнением.

С середины 20-х годов начинается стремительный рост всего управленческого аппарата, идет дробление и разукрупнение почти всех наркоматов с целью превращения крупных отраслевых центров в узкоспециализированные ведомства, которые было бы легче и контролировать.

Одновременно с этими процессами укрепляются позиции и карательных органов - ОГПУ, НКВД. Влияние их было настолько велико, что любое назначение и перемещение в органах госуправления на предмет политической благонадежности происходило только с их ведома и согласия. Они практически контролировали все области жизни общества. При таком подходе к осуществлению власти было вполне естественно, что любое инакомыслие или хотя бы намек на него и даже сама возможность его возникновения жестко подавлялись путем открытого террора при Сталине или скрытого насилия после его смерти. Именно благодаря им в 20-30-е годы в стране нагнеталась истерия выявления врагов и соответствующими материалами заполнялись газетные полосы. Обязательный сюжет о шпионах присутствовал почти в каждом кинофильме, не исключая и комедии. Многочисленные публикации прославляли деятельность силовых структур, способствовали выработке у населения беспрекословного доверия к ним. Однако эти доверительные

отношения порождали у населения абсолютный страх, что и двигало их сознанием в течение длительного времени.

1 августа 1937 г. К. Тыныстанова на основании ордера № 476, санкционированного прокурором Кир. ССР, арестовывают.¹ Протокол обыска был составлен помощником начальника III отдела УГБ НКВД Кир.ССР, лейтенантом государственной безопасности К.Титовым. Арест был произведен в присутствии 2-х понятых: гр. Е.А. Амельковой и Е.А. Байбайтырова.² Орден был подписан Наркомом внутренних дел Кир.ССР, капитаном госбезопасности В.Н. Четвертаковым. Через несколько дней после ареста К. Тыныстанова, в сентябре этого же года, В. Н. Четвертакова тоже арестуют и привлекут к уголовной ответственности. В графе опись вещей, ценностей и документов К. Тыныстанова по порядку было указано 17 пунктов изъятых при обыске вещей. Среди них были найдены личные документы на имя К. Тыныстанова и его жены, железнодорожные билеты, книги, оружие и прочие вещи. Несколько позже был также реквизирован рюкзак с книгами и рукописями.³ По некоторым сведениям, среди отобранных книг были сочинения И.В. Сталина “Вопросы ленинизма”, подаренные К. Тыныстанову секретарем Киробкома ВКП(б) М. Белоцким.⁴ Ничто из этого до сих пор не обнаружено.

Одновременно, из книжных магазинов и библиотек страны в тот период были изъяты все научные труды К. Тыныстанова, а в типографиях уничтожены уже набранные для печати его книги и учебники. При этом Киробком партии издал приказ о немедленном составлении учебника по

¹ Постановление НКВД Кир.ССР 1 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, лл. 1-2.

² Протокол обыска К. Тыныстанова 1 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 3.

³ Плоских В. Последний зигзаг судьбы //Литературный Киргизстан. - 1991. - № 9-10, - С. 182.

⁴ Заявление Тыныстановой Т. 7 августа 1956 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 1.

киргизскому языку.¹ Один из участников многочисленных комиссий 50-60-х годов по К. Тыныстанову приводил позже интересный эпизод. Предчувствуя роковой исход, а также уничтожение своего учебника, К. Тыныстанов умолял представителей власти, чтобы они убрали его фамилию, а “учебник оставили для народа”.² Это ли не доказательство высокого чувства гражданского долга и ответственности ученого перед своим народом. Однако учебник все же был уничтожен. Лишь в копии сохранилась последняя научная рукопись К. Тыныстанова - “Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии” (сжатый исторический очерк), датированная 10 мая 1937 г. Это было последнее научное исследование, проведенное К. Тыныстановым.³

Через 3 дня после ареста, Фрунзенский горком исключил К. Тыныстанова из партии без указания мотивов.⁴ Военной коллегией Верховного суда он обвинялся в принадлежности к социал-туранской партии (СТП) и ведении разлагающей деятельности на идеологическом фронте, посредством протаскивания контрреволюционных, националистических идей. Касыма Тыныстанова уже во второй раз исключали из партии. Начиная с первого дня заключения, он подвергался допросу сотрудников УГБ НКВД республики. Каждый день ему приходилось отвечать на вопросы, касающиеся его деятельности, социального происхождения и имущественного положения. Хотелось бы отметить, что при оформлении следственных материалов было допущено множество ошибок и опечаток в биографических данных о К. Тыныстанове. Такое поверхностно-пренебрежительное отношение

¹ Протокол № 15 заседания бюро ЦК КП(б) Киргизии 1 августа 1937 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 33, л. 144.; Протокол № 16 заседания бюро ЦК КП(б) Киргизии 4 августа 1937 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 31, л. 3.

² Плоских В. Манас не признал... - С. 68.

³ Тыныстанов К. Десять лет борьбы.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 141-158.

⁴ Тридцать седьмой год в Киргизии. - Бишкек: Кыргызстан, 1991. - С. 18.

сотрудников НКВД наблюдается не только к своим обязанностям, но и к самому подследственному.¹ Судя по форме ведения допроса, все больше склоняешься к мысли, о фиктивном характере следственных материалов, которые с каждым разом пополняли категорию «сфальсифицированных, отыгранных и липовых» дел. Здесь каждый ответ заключенного заранее был предначертан силовыми структурами. Справедливости ради отметим, что представленная информация и материалы допросов, доносов в стенах НКВД, не внушают никакого доверия в их правдивости и достоверности. По этому поводу правильно замечали, что в «тюрьме надо выполнять все требования, подписывать все, что предлагают подписать следователи, потому что и тюрьма и следователи советские».²

Читая протоколы допроса, изумляешься технике составления вопросов и методу изложения “мнимых” ответов. Для убедительности, приведем несколько выдержек из протокола допросов К. Тыныстанова и приобщенных к следственному делу “признаний свидетелей”. Напомним, что одно из предъявленных ему обвинений состояло в его причастности к «контрреволюционной и организационной деятельности в Киргизской ССР», поэтому первые допросы К. Тыныстанова начинались с “выбивания” его признания в причастности к Алаш-Ординской партии.³ Судя по логике и последовательности задаваемых следователями вопросов и “ответов” К. Тыныстанова, можно в общем представить официальную версию оценки деятельности «националистической» партии “Алаш”. А при анализе документов все больше склоняешься к мысли, что все это мифы, изобретенные самими карательными и партийными органами. Такие извращенные представления о контрреволюционных организациях

¹ Протоколы допроса К. Тыныстанова.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 4 - 4[об].

² Коробков Л. Третья страна (К психологии и диалектики сталинщины) // Подъем. - 1991.- №1. - С 158.

³ Постановление НКВД Кир.ССР 1 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 2.

использовались для целенаправленного создания в общественном мнении враждебного отношения к ним, а также к участникам и их любым деяниям, поступкам, жизни.

На допросах следственные органы интересовало все: от времени и места организации филиалов партии «Алаш» до количества членов организации. В протоколах приводились фамилии многих активных членов казахских, узбекских и киргизских филиалов партии, которые якобы были завербованы друг другом; в частности, из казахских “ответственных работников” - 12 чел., казахских студентов - 5 чел., киргизских - 5 чел.¹ Сам же К. Тыныстанов «признавался», что в контрреволюционную алашординскую организацию его завербовали “Алиев Осмонкул и Адылов Динмухамед”. При этом он пояснил, что “Алиев в свою очередь был завербован в нее Рыскуловым и Джанузаковым”, поэтому с первых строк протокола К. Тыныстанов подтвердил, что он «признает себя виновным в контрреволюционно-националистической деятельности Алаш-Ординской организации».² В этих источниках особо привлекает то, что в сфальсифицированных ответах все чаще можно было встретить предложения, обличающие его: “меня завербовали”, “от него я узнал о наличие в Ташкенте контрреволюционной... организации”, “в процессе обработки меня...”, “мне было уже прямо предложено вступить...” и т.д. Суть же допроса сводилась к тому, чтобы отразить в них не только «объективную» и «правдивую» информацию, но и натравить одного человека на другого, дать против него необходимые для следствия сведения компрометирующего характера.

Впоследствии эти материалы зачитывались перед теми подсудимыми

¹ Протокол допроса 2 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692. т. 2, лл. 35-35[об].

² Протокол допроса 2 августа 1937 г... л. 34.

на которых была направлена эта провокация, что нередко побуждало подследственных поступать также как и их предшественники. Как утверждают исследователи уголовных дел 30-х годов, среди работников НКВД существовал следующий метод: «человеку говорили - мы знаем, что вы честны, что вы коммунист и за Советскую власть, что вы ни в чем не виноваты, но нам надо изобличить Иванова, или Петрова, ...он враг, шпионский вредитель, только у нас улики нет. Помогите нам, признайте, что он вас завербовал и мы его, гада, по вашим показаниям осудим, а вы останетесь в стороне».¹

В материалах допроса по следственной версии также изложены цели и задачи организации “Алаш”. Как свидетельствуют “источники”, “программные установки”, как они были сформулированы Адыловым на неоднократных совещаниях, сводились к следующему:

1. «В условиях национальных республик Средней Азии классовые различия отсутствуют», существовать не может и «классовое расслоение в киргизской и казахской нации» - все это выдумка большевиков.²

Это близко к истине. Социальной дифференциации кыргызское общество не знало. Оно не достигло и не могло достичь революционной остроты в силу своей родовой организации.

2. «Разницы между русскими колонизаторами царского периода и большевиками нет никакой. Как те, так и другие, стремились к закабалению национальностей Средней Азии - освобождение от ига русских является первейшей задачей».

3. «Не вступать в ряды Красной армии. Под лозунгом “чем служить в Красной Армии и умереть за большевизм, лучше умереть в полной яме как собака».

¹ Рудин В. Слово правды (попытка нравственного анализа уголовного дела). //Сибирские огни. - 1990. - № 6. - С.136.

² Протокол допроса 2 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 35[а].

4. «Конечная цель - свержение Советской власти и организация буржуазного национального государства».

Обратим внимание на то, что в своих признаниях подследственные не только высказывали идеи, с подсказок следователей, но и свои настоящие мысли, в которых до последнего времени они сомневались. Однако их сомнения базировались на знании истории своего народа, обычаях, традиций, которые ни в какие рамки не входили с установками Советской власти. Новое общество, возникшее в ходе ее становления, разрушало устоявшиеся веками традиции кыргызов, что, естественно, вызывало недовольство и протест определенной части местного населения того периода. Это сопротивление и вылилось в возникновении ряда организаций, в которых участвовала молодая национальная интеллигенция, стремившаяся к созданию государства иного типа, нежели советского.

На вопрос: “Что Вам известно о практической деятельности Ташкентской Алаш-Ординской организации?” - К. Тыныстанов на допросе отвечал:

“Во-первых: в пропаганде идей национализма против Советов.

Во-вторых: в вербовке националистически настроенных кадров для увеличения состава организации и на этой базе создания филиалов организации на местах в Киргизии, Казахстане.

В-третьих: в использовании всех легальных возможностей для подготовки квалифицированных контрреволюционно настроенных кадров (учебные заведения, научные общества, печать и т.д.). Такие кадры готовились, главным образом по линии Казахского пединститута в Ташкенте и Педтехникума в Алма-Ате. Преподавательский состав в этих

учебных заведениях, во-избежании советских влияний, также был укомплектован исключительно из алаш-ординцев, под маркой преподавания на родном языке...

В-четвертых: в налаживании связи с видными национальными деятелями находящимися в эмиграции, за границей...

В-пятых: в организации басмаческого движения в целях вооруженной борьбы с советской властью в Средней Азии...

В-шестых: в изыскании материальных средств на нужды контрреволюционной деятельности».¹

Таким образом, преднамеренно создавалось определенное мнение о партии «Алаш» как о контрреволюционной националистической банде, которая активно вела антисоветскую подрывную работу, всеми средствами и методами старалась завербовать в свои ряды образованную и инакомысляще настроенную молодежь ВУЗов с целью свержения существующего советского режима и создания буржуазно-националистического государства. Средства для содержания этой организации под видом помощи кыргызским беженцам из Китая и сборов на поддержку народного творчества, якобы похищались из государственного бюджета.² Вышеприведенные домыслы и утверждения, конечно же, не соответствовали истинному облику либеральной партии «Алаш».

Участие К. Тыныстанова в ней, главным образом заключалось в его ранней литературной деятельности, ибо других фактов его причастности к партии не было. Даже вступление в ряды большевиков К. Тыныстановым в 1924 г. было истолковано следователем как политический маневр “в целях

¹ Протокол допроса 2 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 36-36[a].

² Протокол допроса 2 августа 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 36-36[a].

сохранения себя кожи националиста”.¹ В такой же форме доказывалась и причастность К. Тыныстанова к социал-туранской партии.

Анализируя его показания, составленные органами НКВД, нельзя не упомянуть о такой стороне следствия, как психическое и физическое давление, насилие. Не лишним было бы процитировать слова первого чекиста Ф. Э. Дзержинского, который требовал: “...пусть все те, которым поручено проводить обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям ...пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти”.² Существует слишком много доказательств, что органы следствия для получения нужных признаний у подследственных и заключенных, использовали силовые методы давления, пытки. Не скроем, что и К. Тыныстанов прошел все круги физического и морального ада.³ Тоже самое было и с его учителем Е. Д. Поливановым, арестованным с ним в один и тот же день. Сохранилось заявление, написанное им в октябре 1937 г. “начальству следователей, ведущих допросы: “Я обвиняюсь в шпионаже в пользу Японии по ст.58-1-а Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физического насилия), так как эти приемы заставляют меня лгать. Добавлю, что я близок к сумасшествию”.⁴

Следственное дело над К. Тыныстановым затягивалось. Заместителю начальника НКВД лейтенанту госбезопасности Машнину приходилось трижды возбуждать ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о продлении срока расследования «в связи с вновь поступившими

¹ Протокол допроса 2 августа 1937 г... л. 37.

² Рудин В. Слово правды (попытка нравственного анализа уголовного дела). // Сибирские огни. – 1990. - №6. – С.135.

³ Орокчиев Т. Турдубүбү эненин айткандарынан. // Кыргыз маданияты. - 1991. - 1 октября.

⁴ Плоских В. Манас не признал... - С. 69,71.

материалами и допросами обвиняемых».¹ К “поступившим материалам” можно отнести августовский Пленум ЦК КП Киргизии (1937), состоявшийся после ареста К. Тыныстанова. Его бывшие коллеги и соратники, спасаясь от репрессий, обвиняли во всех смертных грехах одного из самых талантливых родоначальников кыргызской письменной литературы: “Идеология Тыныстанова, - звучало на пленуме партии, - ясна давно. Он явный контрреволюционер, в этом нет никаких сомнений. Он был и есть и даже становится разрушителем социалистической культуры и социалистической литературы. Наконец, он есть и становится вдохновителем от начала до конца контрреволюционного националистического движения в Киргизии...».²

Реакцией на выводы пленума стало заявление в НКВД от коллектива сотрудников Научно-исследовательского института кыргызского языка и письменности (4 сентября 1937 г.). Отпечатанное на 10-ти страницах, оно было подписано пятью видными языковедами Киргизии.³

Условно, этот документ можно разделить на три части, где особый интерес представляют первые две. В первой части заявления речь непосредственно шла о К. Тыныстанове. Приведем отрывок из этого так называемого документа, где говорилось, что «ныне разоблаченный враг народа Тыныстанов, пользуясь политическим благодушием руководства нашего Научно-исследовательского института кыргызского языка и письменности (Панов, Шихалов, Жигаловский, Валитов и Батманов), задавал тон всей работе по разработке вопросов, связанных с грамматикой и орфографией кыргызского языка. Тыныстанов старался подбирать в

¹ Постановление НКВД Кир.ССР о дополнительном расследовании след.дела Тыныстанова К. от 25 сентября, 27 ноября 1937 г. и 24 января 1938 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. №7692, т. 1, лл. 8-10.

² Плоских В. Манас не признал... - С. 69.

³ Заявление от коллектива научных сотрудников НИИ КЯиЛ 4 сентября 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, л. 7692, Т. 1, лл. 18-28.

институт своих единомышленников классово-чуждых людей (Карасаев, Шабданов, Сапиев, Идрисов и др.). Представителей молодежи он стремился брать под свое влияние, применяя всякие методы...».¹ Своими коллегами К. Тыныстанов также обвинялся в проявлении дезорганизации в институте, в трайбализме («проводил теорию господства Иссык-Кульского диалекта»), в «стремлении всяческого удерживания роста молодого поколения киргизских научных работников». Далее, К. Тыныстанов обвиняли в принадлежности к СТП и что под ее руководством он осуществлял политику внедрения ее партийной программы в киргизский язык: «пробравшись в органы народного образования и пытаясь захватить в свои руки дело латинизации киргизской письменности, они ввели в систему орфографии такие правила, которые еще в такой же степени как и арабский алфавит, противодействовали росту киргизского литературного языка и закрывали в него доступ для тех живых языковых элементов, которые создавала советская эпоха».² Большинство обвинений против К. Тыныстанова сводилось к якобы установленной им личной «монополии», как в области создания грамматики кыргызского языка, так и в сфере составления языковых учебников и программ. Чувство зависти к исследователю-педагогу подвергало сомнению и отвергало все его самые лучшие идеи и новшества, а ведь два года назад эти же авторы считали вклад К. Тыныстанова в кыргызскую грамматику «фундаментальным». Однако, мы не исключаем, что к составлению и содержанию этого документа приложили усилия органы НКВД. Как мы видим, не гнушались даже именами известных авторитетных кыргызских ученых 20-30-х гг. XX в.

¹ Заявление от коллектива научных сотрудников НИИ КЯиЛ 4 сентября 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, л. 7692, Т. 1, л. 18.

² Заявление от коллектива научных сотрудников НИИ КЯиЛ... л. 19.

В этом же заявлении, во второй его части, содержались «выпады» в адрес его гениального коллеги - крупного ученого-тюрколога и востоковеда Е. Д. Поливанова. Так как ученые не могли инкриминировать ему как русскому по национальности принадлежность к националистической партии, то его обвиняли в троцкизме и японском шпионаже: «Работавший в институте с 1934, профессор Поливанов до Октябрьской революции ездил один или два раза в Японию. По его словам, в 1917-1918 гг. он работал в НКВД и, следовательно, сотрудничал с Троцким».¹ Коллективное письмо завершалось выводом: «Поливанов является представителем так называемого социологического направления индоевропейского языкознания, построенного исключительно на расовой теории и проникнутого на современной стадии его развития сплошь фашистскими теориями. Индоевропейцы в лице современных западноевропейских своих представителей открыто заявляют, что революция - враг языка... В части отношения с Тыныстановым внешне Поливанов держался обособленно, однако, в отдельных его выступлениях проскальзывают мотивы восхваления Тыныстанова как единственного, талантливое специалиста».

Также вновь «поступившими материалами», которые по утверждению следователя Машнина задерживали ведение следствия, оказались ранние стихотворения «Заря» и «Алатау». В феврале 1938 г. лейтенант гос.безопасности Машнин постановил: «Стихотворения «Заря» и «Алатау», написанные обвиняемым К. Тыныстановым, приобщить как вещественное доказательство к следственному делу».² Составить обвинительное заключение Машнину помогали, создавая при этом

¹ Заявление от коллектива научных сотрудников НИИ КЯиЛ 4 сентября 1937 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 23 - 26.

² Постановление НКВД Кир.ССР 24 февраля 1938г: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, д. 11.

“необычайный” колорит, «признания» и других подследственных, в прошлом тоже составляющих национальную элиту Кыргызстана. Их показания тоже были тщательно «причесаны» следствием и приобщены к делу К. Тыныстанова.¹

Молох репрессий стал активно раскручиваться И. Сталиным после убийства М. Кирова. 1 декабря 1934 г. вышло постановление ЦИК СССР о порядке ведения дел о террористических актах против работников Советской власти. В соответствии с ним до 10 дней сокращались сроки следствия, обвинительное заключение обвиняемому положено было вручать за сутки до суда, кассационное обжалование и подача ходатайств о помиловании не допускались, а приговор к высшей мере наказания должен был приводиться в исполнение немедленно. Аналогичный порядок 14 сентября 1937 г. был распространен и на дела о вредительстве и диверсиях. Дела же лиц, привлекавшихся к ответственности по политическим обвинениям стали разбираться во внесудебном порядке. Учитывая большое количество таких дел, наказания стали производиться по спискам.² Не исключено, что такие же принципы и методы наказания усиленно распространялись и на национальных окраинах страны Советов.

Таким образом, на основе произведенных допросов и показаний подследственных, следователь Машнин 3 ноября 1938 г. следующим образом отчитывается перед начальником 3-го отдела УГБ НКВД Кир.ССР

¹ Справка по архивно-следственному делу № 4734 на Калпакова Б.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л.12. Справка по архивно-следственному делу № 2615 на Карачева С.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 19. Тыныстанов Э. Горькая истина после многих лет. // Республика . - 1996. – 2, 8 апреля; Токомбаева Т. Вся его жизнь - взлеты и падения.// Бизнесмен Киргизстана. - 1994. - № 35. - ноябрь.- С. 8.; Исмагулина З. Хороший поэт стихи не плел. Он - вышивал...(К 90-ю А. Токомбаева). // Вечерний Бишкек. - 1994. - 1 декабря; Обзорная справка на Таукина М.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 9.; Определение на Шорокова Х.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 10-11; Справка по архивно-следственному делу № 2615 на Карачева С.: Постановление по следственному делу № 4700 на Токомбаева А.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 26.

² Курицын В. М. 1937 год: истоки и практика культа (вместо введения). // Реабилитирован посмертно. 2-е изд. - М.: Юридическая литература, 1989. - С. 30.

капитаном госбезопасности Ивановым: «Рассмотрев следственное дело №4399 по обвинению гражданина Тыныстанова Касыма - установлена виновность обвиняемого Тыныстанова... Изъять из ранее предъявленного обвинения Тыныстанову п.п.1-а-10 УК РСФСР, предъявив ему обвинение по ст.ст. 58 п. 2-4-7-8 11-УК РСФСР».¹ На документе, в буквальном смысле, были “нацарапаны” дата и личная подпись К. Тыныстанова, вместо его привычной размашистой росписи. По ним можно заключить, что его жестоко пытали в следственных застенках. Накануне “суда” медицинская комиссия, состоявшая из тюремного персонала, обследовала его состояние здоровья и поставила диагноз: “Неврастения, катар желудка, передвигаться без посторонней помощи не может, нуждается в стационарном лечении”.² Однако на последнем допросе К. Тыныстанов нашел в себе силы отказаться от признания предшествующих самооговоров и обвинений. Он признал только свою причастность к партии “Алаш” и искреннее вступление в партию большевиков.³

5 ноября 1938 г. К. Тыныстанову было предъявлено обвинение, утвержденное помощником Главного военного прокурора РККА, военным юристом I-го ранга Щульц-Анном и полковником госбезопасности, Наркомом Внутренних дел Кир. ССР И.П. Лоцмановым (В.Н. Четвертаков к тому времени был уже арестован и находился под следствием – Б.А.). В нем он уже осуждался не по пяти, а по четырем пунктам 58 статьи: п.п. 2-7-8-11 УК РСФСР. Согласно им он обвинялся в том, что:

1. «Является с 1921 г. участником контрреволюционной националистической организации, а впоследствии и антисоветской, националистической, террористической-шпионско-повстанческой организации - “Социал-Туранской партии».

¹ Постановление (о перепредъявлении обвинения) 3 ноября 1938 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 200.

² Плоских В. Манас не признал... - С. 72.

³ Протокол допроса Тыныстанова К. 4 ноября 1938 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 201.

2. Вербовал новых участников в эту организацию и создавал на территории Киргизии ее филиалы, состоял в контрреволюционных шпионских связях с иностранной разведкой.

3. Проводил вредительство в народном образовании, языковом строительстве и в литературе».¹

На следующий день, 6 ноября 1938 г., за полночь, в 00 ч. 55 м., состоялось закрытое судебное заседание Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР.² Председательствовал на суде бригавоенюрист - Алексеев, члены: бригавоенюрист Зайцев, военюрист 1-го ранга Болдырев и секретарь - военный юрист 1-го ранга Батнер. В зале находились лишь судьи да обвиняемый, свидетелей не вызывали. Батнером было оглашено обвинительное заключение, накануне составленное следователем Машниным, и приведены выдержки из показаний 9-ти свидетелей. Затем, через 30 минут, Военная коллегия Верховного суда Союза СССР огласила приговор: «Признавая Тыныстанова виновным в совершении преступлений, предусмотренных д.д. 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза СССР, руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, ПРИГОВОРИЛА: «Тыныстанова К. к высшей мере уголовного наказания расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества».³ Внизу документа гласило: «Приговор на основании постановления ЦИК СССР от 1 / 12-34 подлежит немедленному исполнению». Этот состав суда вынес смертные приговоры и всем другим заключенным, чьи дела рассматривались в этот день. Среди них были Ю. Абдрахманов,

¹ Обвинительное заключение по следственному делу №4399 по обвинению Тыныстанова Касыма 3 ноября 1938 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, лл. 205-208.

² Протокол закрытого судебного заседания Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза СССР 5 ноября 1938 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 211.

³ Приговор Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза СССР 5 ноября 1938 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 212.

И. Айдарбеков, Б. Исакеев, С. Чонбашев, Э. Эсенаманов и многие другие видные руководители, ныне захороненные на Чон-Ташском Мемориальном комплексе жертв сталинских репрессий.

Не менее трудно и трагично, как жизнь и судьба самого К. Тыныстанова, шел процесс его посмертной реабилитации. После XX съезда КПСС 1956 г., на котором Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев впервые проинформировал общественность о репрессиях 20-30-х годов, наконец, стала возможна реабилитация имени и творчества К. Тыныстанова.

В декабре 1957 г. жена и сын К. Тыныстанова обратились в Бюро ЦК КП Киргизии с просьбой реабилитировать отца в гражданском и партийном отношении (посмертно).¹ ЦК КП Киргизии откликнулось на поступившее заявление и 1 октября 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством полковника юстиции Костромина и ее членов (подполковников юстиции Ухванова и Смирнова) определяет, что «приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 ноября 1938 г. в отношении Тыныстанова Касыма отменить по вновь открывшимся обстоятельствам» и дело производство о нем «прекратить за отсутствием состава преступления».² Таким образом К. Тыныстанов был реабилитирован в гражданском отношении.

Труднее обстояло дело с его партийной реабилитацией. После долгих споров в ЦК КП Киргизии и длительного изучения материалов, касающихся К. Тыныстанова, он был восстановлен в рядах партии. В тот период секретарь ЦК КП Киргизии В. Чуркин поручил директору Института партийной истории при ЦК КП Киргизии Б. Байбулатову

¹ Плоских В. Манас не признал... - С. 1-5.; Постановление Бюро ЦК КП Киргизии 23 декабря 1957 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1124, л. 4.

² Определение Военной коллегии Верховного суда СССР 1 октября 1957 г.: Архив ГКНБ КР, ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 214.

предоставить на это заседание материалы о деятельности К. Тыныстанова. Судя по архивным источникам 50-х годов, ЦК КП Киргизии был не особенно предрасположен к положительному исходу дела реабилитации. Чувствовалась большая придирчивость, осторожный подход властей к разрешению проблемы. К примеру, Министр народного образования К. Кондучалова предложила «еще раз рассмотреть этот вопрос».¹ В итоге долгих споров о политической реабилитации Тыныстанова 22 января 1958 г. он был восстановлен в партии посмертно: «Решение Фрунзенского горкома КП Киргизии от 4 августа 1937 г. об исключении Тыныстанова К. из членов КПСС отменить. Реабилитировать в партийном отношении (посмертно) Тыныстанова К., члена КПСС с 1926 г.»²

Через год, но уже под председательством Первого секретаря ЦК КП Киргизии И. Раззакова, бюро снова отменило партийную реабилитацию К. Тыныстанова.³ Такой поворот событий, отрицательно сказавшийся на его реабилитации, объяснялся активным нажимом на ЦК группы писателей республики, которые аргументировали свои утверждения вновь вскрытыми недостатками в деятельности ЦК КП Киргизии.

18 декабря 1959 г. на Бюро ЦК КП Киргизии обсуждался вопрос «Об ошибках в оценке творчества М. Кылыча и Тыныстанова».⁴ В обсуждении принимали участие члены Бюро ЦК КП Киргизии, писатели и научные сотрудники Академии наук Киргизской ССР, редакторы центральных кыргызских газет. Члены Бюро ЦК и приглашенные были заранее ознакомлены с сообщением Председателя партийной комиссии при ЦК КП Киргизии (до 1957 г. - Министра социального обеспечения Кир.ССР)

¹ Апелляция о реабилитации Тыныстанова (посмертно): ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1124, лл. 114-115.

² Постановление Бюро ЦК КП Киргизии 23 декабря 1957 г.: ЦГА ПД, ф.56, оп. 4, д. 1124, л. 4.

³ Протокол №60/Б заседания Бюро ЦК КП Киргизии 14, 18 декабря 1959 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, л. 11.

⁴ Об ошибках в оценке творчества М. Кылыча и Тыныстанова на бюро ЦК КП Киргизии 18 декабря 1959 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, лл. 144-219.

А. Рысбаева.¹ Председательствовал на заседании Первый секретарь ЦК КП Киргизии И. Раззаков.

Первым выступил секретарь ЦК КП Киргизии (в 1953-1958 гг. - Министр культуры Кир.ССР) А. Казакбаев.² Его выступление большей частью было обращено к обсуждению критических статей присутствующих писателей и научных работников, в частности, К. Маликова, Ш. Уметалиева и Б. Юнусалиева. Согласно мнению А. Казакбаева, они в своих статьях давали завышенные оценки творчеству К. Тыныстанова, отмечали его незаурядные способности, как в научной, так и в литературной деятельности. К тому же с помощью средств массовой информации, а также читая лекции в высших учебных заведениях, как утверждал член бюро ЦК, они пытались распространить свои идеи и найти единомышленников среди студенческой категории населения. Главная же суть его обвинений против них заключалась в том, что ряд писателей неправильно истолковали гражданскую реабилитацию К. Тыныстанова, которая не давала ни малейшей возможности на оправдание всей его литературной деятельности целиком.

По сути из выступления А. Казакбаева видно, что он был воинственно-критически настроен против реабилитации К. Тыныстанова. На заседании это вылилось в осуждение газетных статей ряда деятелей культуры Киргизии, поддерживавших его реабилитацию. Накаливая страсти вокруг персоны К. Тыныстанова и подтасовывая факты, А. Казакбаев привел выдержки из его выступления на VII пленуме Киробкома 1933 года, где, как нам известно, он признавался и каялся в своих ошибках и просчетах. В конце своего выступления А. Казакбаев

¹ Сообщение Рысбаева А. о К. Тыныстанове на обсуждение бюро ЦК КПСС 23 ноября 1959 г.: ЦГА ПД, ф. 56. оп. 4, д. 1187, лл. 83-85.

² Об ошибках в оценке..., лл. 147-150.

призвал приглашенных товарищей подумать над своими допущенными ошибками и сделать соответствующие выводы.¹

Пристрастному вниманию, больше напоминающему допрос со стороны членов бюро ЦК КП Киргизии и приглашенных, был подвергнут ректор КГУ доктор филологических наук, профессор Б. Юнусалиев. Присутствующая аудитория буквально забросила, в прямом смысле, его вопросами. Сказывалась проявленная симпатия Б. Юнусалиева к К. Тыныстанову и его творчеству. В последующем он сыграл немалую роль в его реабилитации.²

В своем выступлении Б. Юнусалиев выделил две сферы деятельности К. Тыныстанова - литературную и научную. Он подчеркнул, что несмотря на его отдельные ошибки в литературной деятельности, большинство которых было достойно осуждения из-за проявления националистических алаш-ординских взглядов и идеализации прошлого, его нельзя полностью обвинять, так как в научной деятельности он все же достиг больших успехов. В качестве примеров, Б. Юнусалиев отметил созданные К. Тыныстановым в 20-30-е годы учебники по грамматике - морфологию и синтаксис, таблицы по сбору материалов для составления словарей. Докладчик в качестве позитива упомянул о поднятом К. Тыныстановым на заре национальной государственности вопросе о переводе киргизской письменности с арабской графики, даже не на латинскую, а на русскую графику. Б. Юнусалиев заверил присутствующих, что несмотря на некоторые неточности, встречающиеся в его литературных работах, его личный вклад в разработку киргизской письменности нельзя отрицать.

Выступление Б. Юнусалиева не могло оставить равнодушным первого секретаря ЦК Компартии Киргизии И. Раззакова. В своих репликах, по

¹ Об ошибках в оценке...: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, лл. 147- 150.

² Об ошибках в оценке... л. 152 – 160.

поводу выступления Б. Юнусалиева, он обвинил его в “отбеливании” творчества К. Тыныстанова, что оправдывая его имя, он подвергает сомнению деятельность Компартии как в 30-е, так и в 50-е годы. Кроме того, первый вождь обвинил Б. Юнусалиева в том, что у него сформировались точно такие же взгляды как у К. Тыныстанова, что способствовало формированию взглядов у молодого поколения. Как метко потом заметил А. Токомбаев, ведь “молодежь - это порох”.¹ Острые реплики между Б. Юнусалиевым и И. Раззаковым закончились вмешательством секретаря ЦК Компартии Киргизии К. Дикамбаева, который попытался прекратить полемику заявлением, что незаменимых людей не существует и “...если бы не он, то другие бы систематизировали грамматику”.²

Вслед за выступлением Б. Юнусалиева, выступил А. Токомбаев.³ Судя по его выступлению, он был очень обеспокоен состоявшейся партийной реабилитацией К. Тыныстанова. Поэтому А. Токомбаев постарался, не как прежде, а как можно помягче (время другое), склонить участников заседания на свою сторону и не дать возможности переиздания трудов К. Тыныстанова. Свои мысли он аргументировал тем, что реабилитацией К. Тыныстанова занимались и занимаются люди, которые изначально симпатизировали его деятельности. При этом, как бы с досадой, он сказал: “Их здесь нет, я бы мог их назвать”. Как бы невзначай, он поведал собравшимся о том, что вместе с К. Тыныстановым они находились в тюремном заключении, где тот якобы ему и признавался в причастности к алаш-ординской партии и назвал своих сподвижников. Конечно же, сказанному А. Токомбаевым, следует относиться настороженно, зная какие

¹ Об ошибках в оценке...: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, л.168.

² Об ошибках в оценке... л. 166.

³ Об ошибках в оценке... л. 167-170.

натянутые отношения сложились у них с К. Тыныстановым в 30-х годах. Выступление Т. Абдымомунова было коротким и неблагоприятным для К. Тыныстанова. Он сказал, что не надо было создавать большого шума вокруг его творчества. В возникновении же шумихи вокруг него виноваты сами писатели и лектора, которые неправильно истолковывают гражданскую реабилитацию Тыныстанова.¹ Что же касается личной оценки творчества К. Тыныстанова, то оратор признал его «не отвечающим идейным потребностям общества и ошибочным». В качестве же веского аргумента он привел раннее творчество Касыма, сделав вывод, что К. Тыныстанов всегда идеализировал прошлое кыргызов.

В объективных тонах прозвучала речь современника К. Тыныстанова, К. Маликова, который высказал мнение, что все литературные и научные произведения К. Тыныстанова, независимо от того положительные они или негативные, «для объективности изучения истории культуры народа» многие его произведения должны быть исследованы. Несмотря на краткость, речь писателя прозвучала оптимистически и вселила определенные надежды на окончательную реабилитацию К. Тыныстанова.²

Настоящим фурором на заседании бюро ЦК КП Киргизии стало выступление сторонника творчества К. Тыныстанова - писателя, кандидата филологических наук, доцента университета Ш. Уметалиева, который начал с признания собственных ошибок в оценке его деятельности. Он публично раскаялся в том, что своевременно не осознал отрицательные стороны произведений Касыма, с которыми он непосредственно соприкоснулся.³ В свое оправдание, он упомянул имена некоторых киргизских писателей, которые якобы вовремя не посоветовали ему

¹ Об ошибках в оценке...: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, лл. 177 - 178.

² Об ошибках в оценке...: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, л. 184.

³ Об ошибках в оценке...187 - 189.

«осторожней» отнестись к творчеству К. Тыныстанова. С обидой оратор заявил, что посланная в его сторону критика была для него заслуженной. Интерес к творчеству К. Тыныстанова, как признавался Ш. Уметалиев, стал результатом его личного увлечения художественными фразами К. Тыныстанова. При этом он якобы не уделил должного внимания сути и содержанию его произведений. Свое выступление, Ш. Уметалиев подытожил выводом, что только лингвистические труды К. Тыныстанова могут заслуживать внимания. Однако после того, как И. Раззаков резко отверг это предложение, Ш. Уметалиев угоднически согласился с ним и с его позицией по этому вопросу.¹

Анализируя выступления на заседании Бюро ЦК КП Киргизии, еще раз убеждаешься в цикличности истории, такие же обвинения - только спустя 25 лет. Как будто и не было XX съезда КПСС, который представил общественности массовые репрессии, массу сфальсифицированных уголовных дел 20-30-х годов. Просто на смену тоталитаризму пришла более мелкая его разновидность - авторитаризм, который продолжал, но более в мягких тонах, прежнюю политику, направленную на подавление инакомыслия, личных прав и свобод граждан. Доклад Ш. Уметалиева вызвал в зале небывалую полемику. В прениях большинство выступивших поддержали позицию партийного вождя и потребовали отменить партийную реабилитацию К. Тыныстанова.²

С итоговой речью выступил первый секретарь ЦК КП Киргизии И. Раззаков. Он подчеркнул, что кыргызская интеллигенция в оценке творчества деятельности К. Тыныстанова допустила множество грубейших ошибок идеологического характера. Проявляя заботу о духовном формировании молодого поколения, он потребовал чтобы допущенные ею

¹ Об ошибках в оценке...: л. 190.

² Об ошибках в оценке...: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, л. 190.

промахи были своевременно исправлены, ибо она несет полную ответственность за его воспитание. При этом им были названы несколько фамилий среди выступавших, которые, по его мнению, заслуживали серьезной критики и рассмотрения их поведения на партийном уровне. В отношении же творчества К. Тыныстанова он высказался однозначно отрицательно и предложил отменить партийную реабилитацию К. Тыныстанова, подчеркнув, что он за то, чтобы «история наиболее полно изучалась с партийных позиций».¹

Таким образом, постановлением Бюро ЦК КП Киргизии в декабре 1959 и в январе 1960 гг. было принято решение об отмене посмертной партийной реабилитации К. Тыныстанова.²

В обосновании этого постановления опять же, как в трагические 30-е годы, говорилось, что К. Тыныстанов в прошлом являлся буржуазным идеологом национализма, протаскивавшим свои идеи в художественных произведениях и научных трудах и тем самым разлагавшим большевистскую дисциплину в рядах национальной интеллигенции. Его деятельность оказала плохой пример в воспитании трудящихся республики. В документе также осуждалась деятельность таких киргизских писателей и научных работников, как Б. Юнусалиева, К. Маликова, Ш. Уметалиева, А. Токомбаева, литературоведа Б. Керимжанова, а также редакторов газеты «Советская Киргизия» (на русском и киргизском языках) Т. Суванбердиева и П. Денисюка, которые оправдывали творческую деятельность К. Тыныстанова. Бюро ЦК КП Киргизии постановило осудить их вредные выступления и поручило им выступить в периодической печати с осуждением ошибок К. Тыныстанова.

¹ Об ошибках в оценке... лл. 206 - 214.

² Постановление Бюро ЦК КП Киргизии декабрь 1959 г.: ЦГА ПД, ф.56, оп. 4, д.1187, лл. 63-66; Протокол №62/Б заседания Бюро ЦК КП Киргизии 5, 10 января 1960 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1220, лл. 16-20.

Было решено обсудить настоящее постановление на партийных собраниях в каждой парторганизации.¹

Подводя итоги заседания Бюро ЦК КП Киргизии в конце 50-х гг., хотелось бы отметить, что по поводу реабилитации К. Тыныстанова государственными чиновниками, писателями, учеными были высказаны различные позиции, порой более, чем противоречивые. Хотелось бы проанализировать мотивы поведения этих людей.

Гражданская позиция Б. Юнусалиева, который яростно отстаивал реабилитацию К. Тыныстанова, была более чем ясна. Это был известный ученый, с весомым авторитетом среди общественности и ему не пристойно менять свои взгляды под давлением начальства.

И. Раззаков — секретарь ЦК КП Киргизии и также как и Б. Юнусалиев, - сильный, волевой человек. Однако, он прежде всего государственный чиновник и более подвержен конформизму, так как его поведение более всех находится на виду общественности. Совершенно очевидно, что любое его опрометчивое решение, если оно не согласуется с общественным мнением, будет подвержено яркой критике, а это может отразиться на его дальнейшей политической карьере. На заседании Бюро ЦК КП Киргизии, А. Токомбаев организовал заявление писателей с просьбой отменить реабилитацию К. Тыныстанова, обвинив ЦК в идеологизме. И. Раззаков, чтобы избежать опять же своих ошибок, дрогнул и в итоге отменил свое первое решение о реабилитации.

Что же касается А. Токомбаева - бывшего оппонента К. Тыныстанова, - то к концу 50-х г. он являлся уже признанным авторитетом среди писателей Кыргызстана, патриархом кыргызской литературы. Реабилитация же К. Тыныстанова могла бы полностью изменить его положение, отодвинув его на второй план.

¹ Постановление бюро ЦК КП Киргизии декабрь 1959 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1187, л. 65.

Ш. Уметалиев, также как Б. Юнусалиев, был ученым и занимал гражданскую позицию. Однако на фоне его высказываний на заседании он выглядел очень слабым, бесхарактерным человеком. Если Б. Юнусалиев выбрал твердую позицию, вопреки сложившегося отрицательного отношения к реабилитации К. Тыныстанова, а И. Раззаков - крайнюю, отрицательную, то Ш. Уметалиев именно приспособился к сложившейся ситуации. Увидев, что реабилитация творчества К. Тыныстанова закончится полным провалом, Ш. Уметалиев решил отказаться от своих прежних взглядов и встать на позицию И. Раззакова.

Таким образом, рассматривая и анализируя поведение государственных чиновников, ученых и писателей на заседании ЦК КП Киргизии, можно прийти к следующему выводу: поведение людей, их мотивы и характер, а в особенности таких видных личностей, во многом зависят от индивидуальных качеств человека, от степени его культуры и образованности. Именно эти качества во многом определяют положение личности в обществе. Данное решение Бюро ЦК не осталось в стороне, оно было упомянуто при отчете об идеологической работе ЦК КП Киргизии за два года на XI съезде КП Киргизии, который состоялся 25 - 27 февраля 1960 г.¹

Через четыре года, когда И. Раззаков уже как три года был смещен со своей должности, по ходатайству сына К. Тыныстанова и академика АН Киргизской ССР Б.М. Юнусалиева, Парткомиссия при ЦК КПСС 16 мая 1964 г. приняла решение: «Учитывая, что предъявленные Тыныстанову К. в 1937 г. политические обвинения отпали и он судебными органами полностью реабилитирован, во изменение решения ЦК Компартии Киргизии от 5 января 1960 г. - реабилитировать Тыныстанова К. в

¹ Отчетный доклад ЦК КП Киргизии за 2 года, февраль 1960 г.: ЦГА ПД, ф. 56, оп. 4, д. 1203, лл. 58-63.

партийном отношении (посмертно)». Решение Центральной комиссии партийного контроля было подписано ее председателем Н. Шверником. В работе комиссии от Киргизии участвовал секретарь ЦК КП Киргизии по идеологии – Б.Т. Мураталиев¹. Решение по этому поводу прислали в ЦК Компартии Киргизии, где его тихо «похоронили» до 1988 года, когда под давлением общественности документ все же отправили в партийный архив. В его публичном обнародовании большая заслуга принадлежит лично народному писателю Кыргызстана М. Байджиеву. Оказалось, что в свое время с документом были ознакомлены все высшие партийные руководители, члены бюро ЦК и даже один ученый - профессор из КГУ². Но, несмотря на это, почти четверть века столь важный документ пролежал в сейфе общего отдела ЦК КП Киргизии. Что стало причиной данного варварства по отношению к своей истории остается лишь предполагать: либо это было связано с затуханием процесса реабилитации жертв сталинских репрессий, либо какими-то личными интересами.

После извлечения на свет документа о партийной реабилитации К. Тыныстанова была создана новая партийная комиссия по его реабилитации, которая появилась благодаря решениям Октябрьского пленума ЦК КПСС 1987 г. Он активизировал работу по завершению реабилитации и увековечению памяти жертв сталинских репрессий.

По горячим следам VI съезд писателей Киргизии поднял вопрос о создании комиссии по изучению творческого наследия дореволюционного акына-письменника М. Кылыча и первого профессионального писателя и ученого К. Тыныстанова. В Москве в это время уже работала специальная

¹ Протокол №554/1 заседания партийной комиссии при ЦК КП СССР 16 мая 1964 г. из личного дела Тыныстанова К.: ЦГА ПД, ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 41; Жусаев Ж. Абакиров К. Бесконечная боль... о которой надо сказать //Заря Ала-Тоо. 1991. - 19 октября.

² Плоских В. Манас не признал... - С. 72.

комиссия ЦК КПСС по пересмотру дел жертв сталинского произвола. В январе 1988 г. по настоянию Института истории партии и союза писателей Киргизской ССР в республике была создана еще одна комиссия по реабилитации в составе московских и кыргызских литераторов, которая и подготовила обоснованное заключение по К. Тыныстанову и другим гонимым прежде авторам.¹

29 декабря 1988 г. Бюро ЦК Компартии Киргизии рассмотрело вопрос «О творческом наследии М. Кылыча (Шамырканова) и К. Тыныстанова», пересмотрев свое постановление от 5 января 1960 г. и приняв решение о реабилитации их литературного наследия. Но и здесь не обошлось без досадных коллизий, связанных с половинчатостью горбачевской перестройки. Проблески старого сознания всплыли и на этот раз. В данном случае ЦК Компартии Киргизии во главе с первым секретарем А. Масалиевым поручил научным организациям республики издать избранные произведения этих мыслителей, но показав при этом их “отдельные мировоззренческие ошибки и заблуждения”.²

3 января 1989 г. Бюро ЦК КП Киргизии приняло окончательное решение о творческом наследии М. Кылыча (Шамырканова) и К. Тыныстанова: “Во изменение постановления ЦК КП Киргизии от 5 января 1960 г. “Об ошибках в оценке творчества Молдо Кылыча и К. Тыныстанова”, - говорилось в нем, - согласиться с выводами комиссии ЦК о необходимости восстановления исторической правды о литературном наследии одного из видных кыргызских мыслителей конца XI - начала XX веков Молдо Кылыча и одного из зачинателей кыргызской письменной литературы, ученого-лингвиста К. Тыныстанова, незаконно репрессированного в 30-е годы”.³

¹ Байжиев М. Но истина дороже! // Коммунист Киргизстана. - 1989. - № 5. - С. 83-85.

² Протокол №68 заседания бюро ЦК КП Киргизии 29 декабря 1988 г: ЦГА ПД, ф.56, оп.267, д.116, л.10.

³ Тридцать седьмой год в Киргизии. - Бишкек: Кыргызстан, 1991.- С. 189-190; В ЦК Компартии Киргизии // Пропагандист и агитатор Киргизстана. - 1989. - № 5. - С. 12

Таким образом, процесс реабилитации К. Тыныстанова затянулся более чем на 30 лет. Естественно, что это сказалось на общественном сознании масс, которые на продолжительное время исключили из своего объектива не только его имя, но и творчество. В сложившейся ситуации можно привести массу аргументов. Во многом несет ответственность, как нам кажется, безответственные политические руководители, которые не смогли вовремя обстоятельно изучить архивные материалы о К. Тыныстанове. К тому же, учитывая прошлое, можно было подойти к извлеченным материалам с большей степенью критики и объективизма, что послужило бы выяснению полной картины его жизнедеятельности. Но возможно, опять же под давлением существующего на тот период режима, политическое руководство вынуждено было так поступить.

Процесс реабилитации К. Тыныстанова затянулся на длительное время. Но в итоге, его деятельность и его имя были реабилитированы в период уже демократического Кыргызстана.¹

Массовые репрессии стали тяжелейшим испытанием для нашего государства не только потому, что в их жерновах погибли миллионы людей, но и потому, что в годы тоталитарного произвола воспряли и прекрасно почувствовали себя, приобретя невиданную власть и уверенность в себе, порой самые наихудшие представители нашего общества. Порядочность и честность ушли в небытие и грозили бедами, поэтому не все выдерживали это испытание. Некоторые окончательно опускались, спасая себя, совершая подлости, другие пытались жить по-человечески, несмотря на то, что террор сносил в первую очередь их.

¹ Постановление о юбилее, посвященном 90-летию со дня рождения Касыма Тыныстанова 2 июля 1991 г. //Свободные горы. - 1991. - 25 июля.

Рассуждая о сознании людей того времени, писатель А. Письменный в своей статье приводит интересную аргументацию. Он перечисляет четыре главных способа “душевного существования” или поведения людей. Первый способ сводился к выступлению против партии и Советской власти, второй - “остаться в стороне от всяких общественных интересов, замкнуться в равнодушии, безучастности, превратиться в обывателя”. Самым распространенным, но отнюдь, не самым легким способом, по мнению писателя, был путь лицемерия; и четвертый – «доверительное отношение к вождю народов Сталину, который постоянно отстаивал их интересы».¹

Что же побудило целое поколение людей тридцатых годов так беззаветно преклоняться перед партийным аппаратом, основанным Сталиным? Причины, видимо, были следующие. Рядовому советскому гражданину 30-х годов было крайне непросто разобраться в сложившейся обстановке. Не слишком высокий уровень культуры, незначительный политический опыт, скудность информации - все эти обстоятельства делали людей безоружными перед абсолютно господствующей, официальной пропагандой. Годами их приучали к мысли, что у нового общества много врагов, как и внешних, так и внутренних. Осознанно или неосознанно люди гнали от себя крамольные мысли, предпочитали не перегружать свое сознание и совесть раздумьями о многочисленных несправедливостях и несовпадениях официальной идеологии и жизни.²

Задумаемся над очевидным фактом: почти сразу после смерти Сталина его приемники отказались от прежней репрессивной политики.

¹ Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. - М.: Республика, 1992.- С. 213.

² Хлевнюк О.В. 1937: противодействие репрессиям.// Коммунист. - 1989. - № 18.- С. 106.

Именно с отрицанием массового террора началась постепенная десталинизация общества, которая выразилась в нашумевших реабилитационных процессах 50-х и 60-х годов XX в. Однако окончательно процесс реабилитации завершился только в конце 80-х годов и начале 90-х с обретением Кыргызстаном государственной независимости.

Безусловно, К. Тыныстанов - личность выдающаяся и трагическая. Весь трагизм его существования заключался в нем самом. Своим уровнем мышления, широким кругозором, высокой степенью образованности, он намного абстрагировался от своего окружения. Для своего времени, он прозорливо предугадал события, которые в грядущем поколении смогли бы полностью изменить исторический ход развития Кыргызстана. Его миропонимание и мировоззрение выходили далеко за принятые, ограниченные опять же обществом рамки. К сожалению, свой исход он тоже предопределил, что наложило непосредственный отпечаток и на его реабилитации.

В настоящее время, благодаря демократическим реформам, осуществляемым в суверенном Кыргызстане, стало возможно восстановить почти все забытые имена. Такая возможность представилась и для восстановления в исторической памяти имени К. Тыныстанова. Особенно процесс увековечивания его памяти ускорился в юбилейные даты. В октябре 1991 года, в связи с 90-летием со дня рождения К. Тыныстанова, республика торжественно отметила его юбилей. Постановлением Президиума Верховного Совета было решено создать Государственную комиссию в составе 25 человек по подготовке и проведению юбилея. Председателем комиссии был назначен Председатель Верховного Совета Республики Кыргызстан М. Шеримкулов.

После празднования 90-летия К. Тыныстанова, которое ознаменовалось открытием мемориального комплекса, республика достойно отметила его 100-летний юбилей.

Это было крупное событие в общественно-политической жизни Кыргызстана. Правительство на протяжении длительного периода готовилось к его празднованию. Согласно ЮНЕСКО, 2001 год был объявлен годом К. Тыныстанова, поэтому все общественные, культурные мероприятия проводились под эгидой празднования его юбилея. 10 сентября 2001 г., в день юбилея К. Тыныстанова, у главного входа Кыргызского национального государственного университета, ему был открыт мемориальный памятник. Идея открытия памятника именно перед входом у «ворот науки» было не случайным. Здесь отдается должное огромному вкладу К. Тыныстанова в развитие не только науки, но и народного образования вообще. Общественность признала его труд и опыт в период деятельности в 20-30-е годы XX века. Авторами скульптурного изображения К. Тыныстанова были У. Садыков, Т. Медеров, Е. Писарский. При открытии памятника присутствовали почти все известные личности, политики, именитые ученые Кыргызстана, близкие родственники К. Тыныстанова, а также представители общественности. С небольшой речью выступил Президент республики, который отметил заслуги К. Тыныстанова в области языкознания, подчеркнул его существенную роль в области внедрения нового кыргызского алфавита. Позднее, в стенах университета состоялась научно-практическая конференция, посвященная юбилею известного ученого. На ней, были отмечены заслуги К. Тыныстанова в период внедрения нового латинского алфавита, при этом было особо подчеркнуто его участие в Бакинской конференции

тюркологов 1926 г., а также в осуществлении перевода кыргызского эпоса «Манас». В итоге доклада Президентом было отмечено, что его стремление к науке и неугасающий пыл можно сравнить только с такой великой личностью России как М. Ломоносов. Однако в докладе Президента не было упомянуто о государственной и политической деятельности К. Тыныстанова в период 30-х годов. Возможно, здесь сказывалась скудность информации не только в общественном сознании масс, но и в научном мире. Это дает право, лишний раз подчеркнуть необходимость изучения этой стороны исследуемой проблемы.

На родине К. Тыныстанова его земляки тоже не могли остаться в стороне от таких событий. Область так же торжественно отметила его юбилей, проведением научной конференции. Именем К. Тыныстанова была названа центральная улица города.

Таким образом, К. Тыныстанов испытал на себе всю мощь репрессивной машины командно-административной системы эпохи социализма. Несмотря на многочисленные попытки избежать своей трагической судьбы, в том числе и поступая своими принципами, он все же пришел к неизбежному финалу. Над его именем и творчеством нависли годы забвения. Лишь мощные демократические процессы 90-х годов в Кыргызстане возвратили его из исторического небытия. Ныне его научная и государственная деятельность получила всеобщее признание, а память должным образом увековечена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К. Тыныстанов считается одним из первых представителей национальной элиты Кыргызстана в 20-30-е годы XX столетия. Он был первым Народным комиссаром просвещения республики, одним из ее первых научных деятелей, профессором, который впоследствии по достоинству был высоко оценен общественностью. Естественно, научная и государственная деятельность, наложили отпечаток на его судьбу, но биография его была типична для периода образования государственности Кыргызстана.

Оценка деятельности К. Тыныстанова требует глубокого осмысления, так как эта личность была очень яркой не только в ученом мире, но и среди политических деятелей того времени. Его деятельность оставила массу противоречивых источников, фактов, что потребовало неординарного подхода к ее изучению. Здесь надо было учитывать и его психологические данные, и степень полученного образования, а также умение лавировать, исходя из создавшегося положения. Поэтому, при изучении такой личности как К. Тыныстанов, пришлось учитывать все вышеизложенные факты.

Большое внимание в его биографии мы уделили его государственной и политической деятельности, так как эта немаловажная часть постоянно опускалась в источниках ввиду малоизученности фактов. Если раскрыть эту сторону жизни К. Тыныстанова, то дело придется иметь уже с ее результатами. Следует подчеркнуть, что все виды его деятельности как организатора, руководителя, профессионала были пронизаны гуманными целями.

Тыныстанов К. воспитал в себе все необходимые качества, чтобы стать личностью общенационального характера. Он происходил из крестьянской семьи, однако несмотря на свое происхождение, получил

154

блестящее по тем временам светское образование. Обучение в мусульманской, а затем в русско-туземной школах во многом помогло утверждению К. Тыныстанова на начальном этапе его жизненного пути, а также способствовало формированию его творческого потенциала. Хотелось бы также подчеркнуть, что обучение именно в обеих школах, методика преподавания которых была различна, только обогатила и расширила его образовательный багаж. В итоге, по нашему мнению, решающее значение в формировании его мировоззрения и мироощущения, конечно же, заложила русско-туземная школа. К тому же, в тот период через русско-туземные школы прошла почти вся национальная интеллигенция республики. В период революционных событий и утверждения Советской власти лица, закончившие русско-туземные школы, активно привлекались в ее органы и получали возможность сделать свою карьеру. К их числу можно отнести и таких кыргызских советских политических работников как Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев, О. Алиев и др. Совершенно очевидно, что для К. Тыныстанова получение начального образования было первой и очень важной ступенью в познании окружающего мира.

Следующим этапом в повышении уровня образования послужило обучение в Институте просвещения г.Ташкента. Именно на этом этапе его жизни, можно сказать, окончательно сформировались те жизненные принципы и идеалы, которым он будет следовать всю жизнь.

Программа “Алаша”, которая открыто провозглашала и идеализировала демократическое устройство государства, равенство граждан, неприкосновенность личности, свободу слова и печати, либерализм, не могла не затронуть и не охватить умы молодых людей того поколения. Приверженность же К. Тыныстанова к этой партии не доказывается никакими источниками. Однако не исключено, что и он был

активным приверженцем ее прогрессивных идей. К тому же, его увлечение идеями партии показало его раннее творчество, которое было пронизано призывом к воссоединению бывшего родового кыргызского общества. В его произведениях чувствовалось сожаление вчерашнего кочевника об утрате патриархальных ценностей. Печаль по уходящему и идеальному в глазах кыргызов родовому быту сквозила и в произведениях акынов-заманистов, а также других общественных и политических деятелей того времени, ученых и писателей - Арстанбека, Молдо Кылыча, Калыгула, Э. Арабаева, Ю. Абдрахманова и др. Такое “оплакивание прошлого” большевистской партией было отождествлено с попыткой реставрации власти баев и манапов, что, следовательно, означало свержение Советской власти. За приверженность и отстаивание алаш-ординских взглядов, К. Тыныстанов много раз был подвержен критике, гонению, что в конечном итоге и привело его к трагической гибели.

Жизненные принципы, выработанные под влиянием идей партии, сначала положительно отразились на его политической карьере. В последующем, он стал активно привлекаться в ее органы. Яркие активисты стали видными политиками и занимали ведущие места в иерархии партийной власти. Возвышение по номенклатурной пирамиде власти у К. Тыныстанова началось с первых дней образования советской государственности у кыргызского народа.

С периода образования национального государства, вплоть до начала 30-х годов, К. Тыныстанов занимал самые ответственные посты в республике - от председателя Научной комиссии до Наркома просвещения КирАССР. Кроме того, можно однозначно утверждать, что именно в эти годы его деятельность более всего была ориентирована на реализацию себя как государственного чиновника. Впоследствии, вплоть до ареста и гибели, с ужесточением репрессивного аппарата и в связи с политическим

156

преследованием он был вынужден отойти от занятий государственными делами. Вся дальнейшая его деятельность была сосредоточена на реализации себя в сфере науки.

Одним из основных достижений К. Тыныстанова в этой области было принятие и внедрение киргизского латинизированного алфавита. Работа по реализации нового алфавита и в последующем занимало много времени, но при этом важно понять, что у истоков этой реформы стояла первая киргизская Научная комиссия, в деятельность которой внес немалую лепту К. Тыныстанов. Реформаторами в тот период была разработана масса мероприятий для более эффективного внедрения нового алфавита для реализации которого были подключены все государственные учреждения республики.

К оценке роли нового киргизского алфавита нельзя подойти однозначно. С одной стороны, К. Тыныстанов и ряд других реформаторов, не учли насколько пагубно отразилась эта реформа на культурной жизни киргизского народа. Между центральноазиатскими народами нарушилась культурная связь, поддерживаемая местной религией и общим алфавитом. К тому же, произошло разъединение мусульманской культуры, которая слагалась веками. С другой же стороны, в отличие от других тюркских народов переход на новый алфавит не дал киргизам откатиться назад в образовательном плане, то есть в категорию развивающихся стран. Поэтому при оценке реформы и своевременности ее введения, мнения раздваиваются. Несмотря на попытку поголовного охвата реформой всего населения Кыргызстана, латинский алфавит здесь не укоренился. Однако нельзя забывать, что принятие киргизской письменности для того периода было важной реформой и одним из первых шагов к образованию национального государства.

Пребывание К. Тыныстанова на ответственных постах

сопровождалось победами и потерями, что было характерно для тоталитарного общества, которое все более набирало свою силу. На него стал обрушиваться шквал обвинений на пленумах, съездах и конференциях. Вследствие партийного террора, всеобщей атмосферы клеветы и доноительства, под давлением окружающей среды он был вынужден обличать своих товарищей, обрушивать обвинения в адрес своих оппонентов, признавать свои мнимые ошибки, идти против совести и чести и в то же время отбрасывать все ценное и гуманное. Это была вынужденная позиция, которая помогла ему, хоть и ненадолго, но все же продлить свое существование. Таким образом, он стремился избежать трагической участи своих товарищей, которые к этому времени уже сидели в тюрьмах.

Также нельзя исключить и то, что К. Тыныстанов для своего времени был весьма талантливым, разносторонним человеком, с высоким уровнем развития способностей. Это был блестящий ученый, драматург, поэт и отличный новатор. В то же время он оставался перспективным государственным деятелем. Его творческая и политическая деятельность отличались принципиальной новизной, оригинальностью подхода и общепризнанной значимостью. Но талантливый человек - это, прежде всего амбициозный, конфликтный, эмоционально-восприимчивый индивид, отличающийся также нетерпением и игнорированием чужих мнений, а также стремлением к лидерству. Поэтому, не исключено, что поведение К. Тыныстанова в обществе тоже способствовало появлению конфликта, неприятия со стороны окружающих к нему. Возможно, это тоже объясняет шквал критики, обрушенный в адрес К. Тыныстанова.

Посмертная реабилитация К. Тыныстанова затянулась. В этом можно обвинить опять же существующий режим, который на протяжении многих лет, начиная с 50-х гг. XX в. вплоть до приобретения независимости

суверенного Кыргызстана, игнорировал ее. К тому же, здесь существенную роль сыграли и его оппоненты, чьи интересы сводились к профессиональной зависти. Среди них нашлись и такие люди, которые и после смерти К. Тыныстанова преследовали его, старались отыграться на его литературных произведениях.

Несомненно, фигура К. Тыныстанова - личность неординарная, но в тоже время трагическая, так как мы убеждены, что он поплатился жизнью за свои прогрессивные, намного опережающие существовавшие тогда мысли и суждения, за патриотический бунтарский дух, которым была пропитана вся его жизнедеятельность.

В итоге, хотелось бы сказать, что К. Тыныстанов занимал высокое для представителя коренной национальности положение в обществе и всего этого он добился благодаря своему упорству, интеллекту и личным способностям.

Надо признаться, что люди такого интеллекта и масштаба как К. Тыныстанов среди кыргызской политической элиты того времени были крайне редки. Поэтому не случайно, что при благоприятном для него стечении ряда обстоятельств, именно ему выпала честь стать одним из первых лиц национального государства послереволюционных лет, взяв на себя ответственность за будущее своего народа. В конце концов, опираясь на поддержку горстки своих соратников и единомышленников, на массовую поддержку своего народа, ему удалось преодолеть равнодушие и нежелание официальных властей заниматься национальными проблемами кыргызского народа и добиться осуществления этой важной цели, с реализацией которой были созданы оптимальные условия для будущего и независимого развития Кыргызстана.

В результате проведенного исследования можно сформировать следующие выводы:

- Исследование ведется через рассмотрение таких проблем, как процесс формирования общественно-политических взглядов К. Тыныстанова, его идейных и нравственно-этических установок, принципов, а также становления его как национально лидера.

- В работе констатируется, что личностный потенциал К. Тыныстанова был востребован конкретной исторической эпохой и обществом; подчеркивается, что такой тип государственного деятеля был весьма характерен для периода демократических преобразований в Кыргызстане.

- В научной работе исследуется общественно-политический опыт К. Тыныстанова и отмечается, что проблема его изучения на современном этапе весьма актуальна.

- В исследовании дается характеристика ситуации в сфере народного образования и культурного строительства в 20-30-е годы XX в.

- На фактических и документальных материалах показаны степень влияния К. Тыныстанова на осуществление реформы нового кыргызского алфавита, а также его вклад в разработку идей и предложений по реформированию народного образования в республике.

- В исследовании нашли отражение вопросы руководства К. Тыныстановым сферой народного образования республики, раскрывается его высокий профессионализм и организаторский талант, повлиявшие на развитие научного сектора и в частности, такого направления как языкознание.

Все вышесказанное обусловило некоторые рекомендации и предложения практического характера:

-
- продолжать изучение жизнедеятельности К. Тыныстанова, так как многие ее аспекты еще требуют специального исследования;
 - учитывать перспективные тенденции опыта К. Тыныстанова по осуществлению реформ в области народного образования и культурного строительства республики;
 - усиливать агитационно-массовую работу среди населения с учетом как исторического опыта К. Тыныстанова, так и современных реалий;
 - уделять особое внимание подрастающему поколению, так как в результате реформ большое количество детей оказалось вне школьного образования;
 - коренным образом совершенствовать учебно-педагогический процесс, устраняя в нем все негативные наслоения;
 - проявлять заботу о подготовке политической элиты, учитывая местную специфику и опыт К. Тыныстанова, считавшего это неременным атрибутом социализации личности;
 - обеспечивать развитие науки и культуры республики, ибо от этого зависит не только успешный ход реформ, но и будущее Кыргызстана;
 - актуализировать изучение наследия этого государственного и политического деятеля специалистами различных отраслей знаний.

Жизнедеятельность К. Тыныстанова - яркое свидетельство того, что в когорте государственных деятелей нашей страны с самого начала были принципиальные, интеллектуально подготовленные представители кыргызской интеллигенции, стремящиеся честно служить своему народу. К сожалению, судьба их была весьма трагична в эпоху тоталитарного режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Литература

1. Абдыкадыров Т.А., Джумалиев С.Р. Баялы Исакеев: судьба и время. - Бишкек, 1998.
2. Асмолов К.Г. Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. - Москва: МГУ, 1986.
3. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Ленинград, 1927.
4. Бектенов З. Замандаштарым жөнүндө эскерүү: адабий эскерүүлөр. - Бишкек, 1996.
5. Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. - Алма-Ата, Москва: Казахское краевое изд-во, 1935.
6. Великая личность. Воспоминания. - Бишкек: Учкун, 1996.
7. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. - М, 1994.
8. Воропаева В.А. Идеино-организационное укрепление партийной организации Киргизии в 1946 - 1958 годы. - Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
9. Григорьев В.К. Противостояние. Большевики и непролетарские партии в Казахстане (1917 - 1920 гг.). - Алма-Ата: Казахстан, 1989.
10. Данияров С.С. Культурное строительство в Советской Киргизии (1919 - 1930). - Фрунзе, 1963.
11. Джаныбеков Ч. Касым Тыныстанов: жизнь и творчество. – Б.: «Бийиктик», 2003.
12. Джунушалиев Д.Д. Кыргызстан - преобразовательные процессы 20-30-х гг. (исторический анализ проблем созидания и трагедий): Дис. ...док. ист. наук. - Бишкек, 1993.
13. Измайлов А.И. Просвещение в республиках Советского Востока. - М.: Педагогика, 1973.

-
14. История Киргизской ССР. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма (1917 - 1937). - Фрунзе: Кыргызстан, 1967.
 15. История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 4 т. - Фрунзе: Кыргызстан, 1986. - Т. 3.
 16. История кыргызов и Кыргызстана. - Бишкек: Илим, 2000.
 17. Карымшакова Г. Становление и развитие культуры Советской Киргизии (1918 -1929 гг.). Фрунзе, 1960.
 18. Кон И.С. Социология личности. - М.: Политиздат, 1967.
 19. Кочаров В.Т. Из истории организации народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865 - 1917 гг.). - Фрунзе, 1960.
 20. Курицин Б.М. 1937 год: истоки и практика культа (вместо введения)// Реабилитирован посмертно. 2-е изд. - М.: Юридическая литература, 1989.
 21. Курманов З.К. Всекиргизские съезды Советов: подготовка, состав, работа (1925 -1927 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. - Бишкек, 1991.
 22. Курманов З.К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа (1917 - 1927 гг.): Дис. ...док. ист. наук. - Бишкек, 1996.
 23. Курманов З.К., Плоских В., Бегалиев С., Ногойбаева Ч., Сорокина З. Абдыкерим Сыдыков - национальный лидер. - Бишкек, 1992.
 24. Масалиев А. Страницы жизни и бедное наше отечество. - Бишкек, 1992.
 25. Макаров Е.Л., Миртов В.В. Из истории партийного строительства в Киргизии (1918 -1924 гг.). - Фрунзе: Кыргызстан, 1988.
 26. Марвиановский Г. Книга судеб. - Ташкент, 1975.
 27. Медведев Р. Н.С. Хрущев: Политическая биография.- М.: Книга, 1990.

-
28. Миртов В.В. Идеиное и организационное укрепление областной парторганизации Киргизии (1925 -1937 гг.). - Ф.: Кыргызстан, 1966.
29. Плоских В.М. Манас не признал себя виновным (К следственному делу № 5630). – Бишкек: Илим, МП «Табылга», 1993.
30. Поливанов Е.Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР. К Тюркологическому съезду II. - 1926. - Ташкент: Узгиз, 1926.
31. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. - М.: Высшая школа, 1990.
32. Салиев А. Человеческая психология и искусство. - Ф.: Кыргызстан, 1980.
33. Султанов В.С., Мирзоев А.Б. К. Тыныстанов - делегат первого Тюркологического съезда. - Б., 1991.- Т. 1.
34. Тойнби А. Дж. Постигание истории./ Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1990.
35. Токтогонов С.А. Борьба Компартии Киргизии за становление и развитие социалистической культуры киргизского народа (1918 - 1930 гг.). - Ф.: Мектеп, 1966.
36. Токтогонов С.А. Из истории прошлого Кыргызстана.- Ош, 1995.
37. Токтогонов С.А. Становление и развитие социалистической культуры Советского Киргизстана (1917 - 1958 гг.). - Фрунзе, 1972.
38. Тыныстанов Д. Касым, Боталы, Далил – Тыныстанов. – Б.: ОсОО «Дакс», 2005.
39. У истоков кыргызской национальной государственности. - Бишкек: Илим, 1996.
40. Урмамбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории. - Бишкек, 1997.
41. Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. - М.: Республика, 1992.

42. Шаймергенова Т.А. Развитие киргизской периодической печати и ее роль в социалистических преобразованиях республики (1924 - 1937 гг.): Дис. канд. ист. наук. - Фрунзе, 1984.

43. Шараф Г.К. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта. - Казань, 1926.

2. Сборники документов и материалов

44. Абдрахманов Ю. 1916 г. Дневники. Письма к Сталину. - Ф.: Кыргызстан, 1991.

45. Культурное строительство в Киргизии (1918 - 1929): Сб. документов. - Фрунзе, 1957. - Т. 1.

46. Культурное строительство в Киргизии (1918 - 1929): Сб. документов и материалов. - Фрунзе: Киргосиздат, 1957. - Т. 2.

47. Мартыненко Н. И. Алаш-Орда. (Сборник документов с предисловий У. Исаева). - Кызыл-Орда: Казиздат, 1929.

48. Судьба эпоса «Манас» после Октября (сб. документов). - Бишкек: Кыргызстан, 1995.

3. Архивные источники ЦГА ПД КР

49. Апелляция о реабилитации Тыныстанова (посмертно): ф. 56, оп. 4, д. 1124, лл.114 - 115.

50. Заявление К. Тыныстанова в Бюро Киробкома ВКП(б) 13 июня 1933 г.: ф.10, оп.1, д. 514.

51. Личное дело Тыныстанова Касыма: ф.10, оп.15, д. 2743.

52. Обвинительное заключение на Джолдошева Т: ф.10, оп.1, д. 755, лл.103 - 106.

53. Об ошибках в оценке творчества М.Кылыча и К.Тыныстанова на Бюро ЦК КП Киргизии 18 декабря 1959 г: ф. 56, оп. 4, д. 1187, лл.144 - 219.

54. Отчетный доклад ЦК КП Киргизии за 2 года февраль 1960 г:

ф. 56, оп. 4, д. 1203, л. 58 - 63.

55. Переписка т.Белоцкого за 1936 г: ф.10, оп.1, д. 751, лл. 37 - 37[об].

56. По поводу содержания сборника стихов Тыныстанова: ф.10, оп.1, д. 514.

57. Постановление Бюро ЦК КП Киргизии 23 декабря 1957 г: ф. 56, оп. 4, д.1124, л. 4.

58. Постановление Бюро ЦК КП Киргизии от декабря 1959 г: ф. 56, оп. 4, д.1187, лл. 63 - 66.

59. Постановление Киробкома ВКП(б) 10 января 1935 г: ф. 10, оп. 1, д. 630.

60. Постановление редколлегии по изданию «Манас» 15 мая 1935 г: ф. 10, оп. 1 д. 681.

61. Протокол № 153 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 29 марта 1933 г: ф. 10, оп. 1, д. 453.

62. Протокол № 153 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 29 марта 1933 г: ф. 10, оп.15, д. 2743.

63. Протокол № 78 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 29 марта 1935 г: ф. 10, оп. 1, д. 631, л.172.

64. Протокол № 22 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 2 ноября 1935 г.: ф. 10, оп. 1, д. 638.

65. Протокол № 175 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 14 апреля 1936 г: ф. 10, оп. 1, д. 710, л. 6.

66. Протокол № 232 заседания Бюро Киробкома ВКП(б) 1 ноября 1936 г: ф. 10, оп.1, д. 715, л. 4.

67. Протокол № 16 заседания Бюро ЦК КП(б) Киргизии 4 августа 1937 г.: ф. 56, оп. 4, д. 34, л. 3.

-
68. Протокол № 15 заседания Бюро ЦК КП(б) 1 августа 1937 г: ф. 56, оп. 4, д. 33, л. 144.
69. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б) 5 ноября 1937 г: ф. 10, оп. 1, д. 38.
70. Протокол № 60/Б заседания Бюро ЦК КП Киргизии 14, 18 декабря 1959 г: ф. 56, оп. 4, д. 1187, л.11.
71. Протокол № 62/Б заседания Бюро ЦК КП Киргизии 5, 10 января 1959 г: ф. 56, оп. 4, д. 1220, л. 16 - 20.
72. Протокол № 68 заседания Бюро ЦК Компартии Киргизии 29 декабря 1988 г: ф. 56, оп. 267, д. 116, л. 10.
73. Протокол № 19 Исполбюро Киробкоа ВКП(б) 11 февраля 1926 г: ф. 10, оп. 1, д. 46.
74. Протокол № 554/1 заседания партийной комиссии при ЦК КП СССР 16 мая 1964 г. из личного дела Тыныстанова К: ф. 10, оп. 15, д. 2743, л. 41.
75. Письмо директора Гослитидата при СНК РСФСР т. Белоцкому 25 марта 1936 г: ф. 10, оп. 1, д. 751.
76. Письмо К. Тыныстанова т. Шахраю 13 апреля 1933 г: ф. 10, оп.1, д. 514.
77. Сообщение Рысбаева А. О К.Тыныстанове 23 ноября 1959 г: ф. 56, оп. 4, д.1187, л. 84.
78. Стенограмма II съезда КП(б) Киргизии 1938 г: ф. 56, оп. 4, д. 72, лл. 68 - 69, 78, 215, 286.
79. Стенограмма II съезда КП(б) Киргизии 1938 г: ф. 56, оп. 4, д. 75, л. 42 - 45.
80. Стенограмма заседания XI съезда КП Киргизии 25 - 27 февраля 1960 г: ф. 56, оп. 4, д. 1204, л. 62.

81. Стенограмма IV пленума Киробкома ВКП 1938 г: ф. 56, оп. 4, д. 82, лл. 86, 88 - 89,

82. Стенограмма IV пленума Киробкома ВКП 16, 17 февраля 1938 г: ф. 56, оп. 4, д. 83, лл. 44 - 57.

83. Стенограмма VII пленума Киробкома ВКП(б) 19 июня 1933 г. - Т. 3: ф. 10, оп.1, д. 449.

84. Стенограмма VII пленума Киробкома ВКП(б) 12 января 1934 г. - Т. 2: ф.10, оп.1, д. 527.

85. Стенограмма VII пленума Киробкома ВКП(б) 13 января 1934 г. - Т. 2: ф.10, оп. 1, д.527.

86. Стенографический отчет I Учредительного съезда Советов Киргизской АССР 7 марта 1927 г: ф.10, оп. 1, д. 125.

87. Токомбаев А. О письме К. Тыныстанова [Его путь, его творчество, его лицо]: ф. 10, оп. 1, д. 514.

ЦГА КР

88. Выписка из протокола № 51 заседания Агитпропколлегии Киробкома ВКП(б) 28 апреля 1928 г: ф. 688, оп. 2(с), д. 14.

89. Выписка из протокола № 48 заседания Агитпропколлегии Киробкома ВКП(б) от 31 января 1928 г: ф. 688, оп. 2(с), д. 14.

90. Выписка из протокола № 13 заседания Агитпропколлегии Киробкома ВКП(б) от 24 апреля 1929 г: ф. 688, оп. 2(с), д. 9.

91. Выписка из протокола № 12 заседания Исполбюро Киробкома ВКП(б) 9 июня 1927 г: ф. 688, оп. 2(с), д. 2.

92. Выписка из протокола № 45 заседания Президиума Кара-Кыргызского Облревкома 1 марта 1925 г: ф. 647, оп.1, д. 19.

93. Докладная записка председателя Академического центра Облоно Арабаева: ф. 647, оп. 1, д. 37, лл.1 - 1[об].

-
94. Личное дело К. Тыныстанова: ф. 869, оп. 3, д. 199.
95. Отчет о деятельности КНИИКСа за период 1928 - 1930 гг: ф. 688, оп. 3, д. 1, л. 25.
96. Первая сессия ЦИК Кир.АССР 12 марта 1927 г: ф. 21, оп. 2, д. 128.
97. Письмо комиссии по созыву Тюркологического съезда 24 декабря 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 89.
98. Протокол № 5 объединенного заседания Академического центра от 4 марта 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 37.
99. Протокол № 7 объединенного заседания Академического центра Обл.ОНО 15 марта 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 236.
100. Протокол № 3 заседания Кара-Киргизского Областного отдела Народного просвещения 24 декабря 1924 г: ф. 647, оп. 1, д. 14.
101. Протокол № 4 заседания Коллегии Научной комиссии при Обл.ОНП 24 декабря 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 92.
102. Протокол № 24 заседания Коллегии Обл.ОНП 5 сентября 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 14.
103. Протокол № 25 заседания Коллегии Обл.ОНП от 12 сентября 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 14.
104. Протокол № 40 заседания Коллегии Обл.ОНП КАО 27 декабря 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 14.
105. Протокол № 4 заседания V-го пленума Облисполкома КАО I-го созыва 2 декабря 1926 г: ф. 20, оп. 1, д. 207.
106. Протокол № 16 совещания по вопросу техники собирания технических материалов от 4 августа 1931 г. из личного дела К. Тыныстанова: ф. 688, оп. 3, д. 199, л.18.

107. Приказ № 1 по Кара-Киргизскому Академическому центру Кара Киргизской Автономной области 1 января 1924 г: ф. 647, оп. 1, д. 30.

108. Проект положения о КНИИКСе при Наркомпросе Кир.АССР 22 декабря 1930 г: ф. 688, оп. 3, д.1, л.12.

109. Соглашение № 1 Академ Центра Кара-Киргизской Автономной области с певцом былины “Манас” тов. Сагымбаем Орозбаковым: ф. 647, оп. 1, д.65.

110. Тыныстанов К. Отчет о деятельности Научной комиссии при Облоно КАО за I-й квартал 1926 - 1927 гг: ф. 647, оп. 1, д. 163.

111. Тыныстанов К. Доклад об итогах проделанной работы по Научной комиссии: ф. 647, оп. 1, д. 166.

112. Тыныстанов К. Перспективный план работ Научного комитета Облоно КАО на 1925 - 1926 гг: ф. 647, оп.1, д. 98.

113. Тыныстанов К. Краткая история возникновения нового алфавита: ф. 688, оп. 1, д. 18.

114. Тыныстанов К. Краткий отчет по введению нового алфавита в Киргизии: ф. 688, оп. 1, д. 290, л. 26.

115. Тыныстанов К. Об организации Комитета нового алфавита: ф. 647, оп. 1, д. 166.

116. Тыныстанов К. Письмо комиссии по созыву Тюркологического съезда 24 декабря 1925 г: ф. 647, оп. 1, д. 89, л.13.

117. Циркулярное письмо Наркомпроса КирАССР в Каракольский окружной ОНО 24 февраля 1927 г: ф. 688, оп. 2(с), д. 1.

118. Циркулярные письма Наркомпроса 1929 г: ф. 688, оп. 2(с), д. 22.

119. Циркулярные письма Наркомпроса КирАССР кантонным, городским, районным о.н.о: ф. 688, оп. 2(с), д. 3.

ГКНБ КР

120. Выписка из протокола № 7 заседания Комиссии по чистке первичной парторганизации Наркомпроса 11-12 февраля 1935 г: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 130- 132.

121. Выписка из протокола № 9 заседания комиссии по чистке первичной парторганизации Наркомпроса 27 февраля 1935 г: ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 128.

122. Доклад К. Тыныстанова на собрании работников завода «Красный химик» 14 февраля 1933 г: ф. Су, д. 7692, т. 2[a], лл. 105 - 107.

123. Заявление от коллектива научных сотрудников НИИ КЯиП 4 сентября 1937 г: ф. Су, д. 7692, т. 1, лл. 18 - 28.

124. Заявление Тыныстановой Т. от 7 августа 1956 г: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 2 - 3.

125. Конференция по эпосу «Манас»: ф. Су, д. 7692, т. 2[a], лл. 48 - 56.

126. Обвинительное заключение по следственному делу № 4399 по обвинению Тыныстанова Касыма 3 ноября 1938 г: ф. Су, д. 7692, т. 1, лл. 205 - 208.

127. Обзорная справка на Таукина М: ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 9.

128. Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР 1 октября 1957 г: ф. Су, д. 7692, т.1, л. 214.

129. Определение на Шорукова Х: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 10 - 11.

130. Письмо К. Тыныстанова в ГПУ 2 августа 1934 г: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 47 – 54.

131. Постановление (о перепредъявлении обвинения) 3 ноября 1938 г: ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 200.

132. Постановление по следственному делу № 4700 на Токомбаева А: ф. Су, д. 7692, т. 2, л. 26.

-
133. Постановление НКВД Кир.ССР 1 августа 1937 г: ф. Су, д. 7692, т. 1, лл. 1- 2.
134. Постановление НКВД Кир.ССР 24 февраля 1938г: ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 11.
135. Постановление НКВД Кир.ССР о дополнительном расследовании след.деда Тыныстанова К. от 25 сентября, 27 ноября 1937 г. и 24 января 1938 г: ф. Су, д. 7692, т. 1.
136. Приговор Выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда Союза СССР 5 ноября 1938 г: ф. Су, д. 7692, т.1, л. 212.
137. Протокол допроса Тыныстанова К. 4 ноября 1938 г: ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 201.
138. Протокол допроса Шабданова 11 декабря 1933г: ф. Су, д. 7692, т.2.
139. Протокол закрытого судебного заседания Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза СССР 5 ноября 1938 г: ф. Су, д. 7692, т. 1, л. 211.
140. Протокол обыска К. Тыныстанова 1 августа 1937 г: ф, Су, д. 7692, т. 1, л. 3.
141. Протокол допроса 2 августа 1937 г: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 35 - 35[об].
142. Рецензия К. Тыныстанова на сборник стихотворений А. Токомбаева “О Ленине”: ф. Су, д. 7692, т. 2[a].
143. Справка по архивно-следственному делу № 2615 на Карачева С: ф. Су, д. 7692, т. 2, л.19.
144. Сборник - стихи Касыма. А. Убукеев [Критика]: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл.123 -125.
145. Тыныстанов К. Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии: ф. Су, д. 7692, т. 2, лл. 1 - 10.

4. Периодическая печать (на русском и кыргызском языках)

Журналы

146. Абдыкеримов А. Сакен Сейфулин - Касым Тыныстанов (сравнительно-историческое освещение) // Профессор К. Тыныстанов уулунун 90 жылдык маракесине арналган республикалык илимий-теориялык конференциясында жасаган докладдар менен баяндамалардын тезистери. 17-18 окт., 1991 ж. - Б., 1991.- Т.1.

147. Айдарова Д. М. Специфические компоненты менталитета кыргызов (на материале эпоса «Манас» по варианту С.Каралаева). - С. 69 - 71. // Алп манасчи: тезистер жыйнагы [С.Каралаевтин туулган кунунун 100 жылдыгына арналган эл аралык илимий конференциясын тезистери]. 13 - 14 окт., 1994 ж. - Б.: Кыргызстан, 1995.

148. Акулин М. Как возникли массовые репрессии // Агитатор. - 1989.- № 15. - С. 26 - 29.

149. Алпатов В.М. Мартиолог востоковедческой лингвистики // Вестник АН СССР.- 1990.- № 12.- С. 110- 121.

150. Байджиев М. Но истина дороже! //Коммунист Киргизстана.- 1989.- № 5 - С. 83 - 92.

151. Баскаков Н.А. Всегда любил Кыргызстан // Литературный Кыргызстан. -1990. - №12. - С. 126-130.

152. Бейшеналиев Ш. Имя, достойное уважения // Коммунист Киргизстана. - 1990. - № 11. - С. 85-92.

153. Воронов Ю. Миф о командно-административной системе // Экономика и организация промышленного производства. – 1990. - № 5(191). - С. 129 - 135.

154. В ЦК Компартии Киргизии [Бюро ЦК Компартии Киргизии рассмотрело вопрос о творческом наследии М. Кылыча и К.Тыныстанова,

о реабилитации в партийном отношении Абдрахманова Ю., Мамбеталиева Л.] // Пропагандист и агитатор Киргизстана. - 1989.- № 5. - С. 12.

155. Джунушалиев Д. Истоки “белых пятен” истории // Коммунист Киргизстана. - 1990.- № 5.- С. 60 - 66.

156. Джунушалиев Д. Политика коренизации: опыт и проблемы // Коммунист Киргизстана. - 1990.- № 1.- С. 69 - 78.

157. Джунушалиев Д. Уроки прошлого. Взгляд через призму особенностей сознания // Пропагандист и агитатор Киргизстана. - 1989.- № 21. - С. 3 - 7.; № 22. - С. 12 - 15; № 23. - С.18 -21.

158. Каракеев К.Г., Плоских В. Из хроники “белых пятен” // Коммунист Киргизстана. - 1990. - № 11. - С. 74 – 84; № 12. - С. 67 - 75.

159. Козлова Н.И. Упрощение - знак эпохи? // Социологические исследования. - 1990. - № 7. - С. 11-21.

160. Конквест Р. Почему сталинизм невозможно реанимировать // Новое время. - 1990. - № 30. - С. 14 - 15.

161. Курманов З., Бегалиев С. Он был делегатом I съезда Советов // Коммунист Киргизстана.- 1990.- № 6. - С. 89-96.

162. Ложкин В.В. Без людей - нет истории // Вопросы истории КПСС.- 1987. - № 12. - С. 89 -110.

163. Молдобаев И. Название народов и племен эпоса “Манас” // Мээрим. - 1999. - № 2 - с. 24.

164. Павлова И.Б. Сталинизм: тайна власти // Экономика и организация промышленного производства. - 1991.- № 9. - С. 145 - 155.

165. Памяти академика Б.М. Юнусалиева // Известия АН Кир.ССР. - 1970. - январь-февраль. - № 1.

166. Петрушин В. Психология стукача // Новое время. – 1991. - № 44. - С. 30 - 32.

167. Плоских В. Самый обычный гениальный человек // Коммунист Киргизстана. - 1990. - № 10. - С. 90 - 96.

168. Плоских В. Последний зигзаг судьбы // Литературный Киргизстан. - 1991. - № 9-10. - С. 181-186.

169. Реабилитированные книги // Коммунист Киргизстана. - 1989.- № 6. - С. 60 – 61.

170. Рудин В. Слово правды (попытка нравственного анализа уголовного дела) // Сибирские огни. - 1990. - №26. - С. 133-147.

171. Рудов М. В те времена // Литературный Кыргызстан.- 1991.- № 7-8. - С. 80-85.

172. Сартбаев К.К., Орузбаева Б.О. Академик К.К. Юдахин (к 80-летию со дня рождения) //Известия АН Кир.ССР. - 1970. - № 3 .- С. 94-96.

173. Семенов И. Трайбализм. 20-е годы // Литературный Кыргызстан. – 1988. - № 25. - С. 74 - 85.

174. Хлевнюк О.В. 1937: противодействие репрессиям //Коммунист. - 1989. - № 18. - С. 98 - 109.

Газеты

175. Акилова Л., Девятов Г. Письмо грядущим поколениям // Вечерний Бишкек. - 1999. - 29 марта.

176. Аман Газиев. Дело о социал-туранской партии // Res Publica. - 1992. -25, 31 декабря.

177. Байджиев М. Боль сердца моего - «Манас» // Советская Киргизия. -1999. - 28 мая; 4, 11, 18 июня.

178. Байджиев М. К покаянию взывает память в муках убиенных... // Слово Кыргызстана. - 1991. - 1 июня.

179. Болджурова И.С. Восток - дело тонкое «правда о манапах» // Res Publica. - 1992. - 28 июля.

180. Введение в философию номадов, или опыт философского осмысления культурных оснований кыргызов. // Res Publica. - 1991. - 10 октября.

181. Викторов П. В честь славного земляка // Огни Иссык-Куля. - 1991. - 25 октября.

182. В Президиуме Верховного Совета республики (О заседании, посвященное 90-летию со дня рождения К. Тыныстанова) // Вечерний Бишкек. -1991. - 4 июля.

183. Драгунов А., Шприцын А. Языковое строительство среди дунган // Советская Киргизия. - 1937. - 8 октября.

184. Жигитов С. Дагы бир сынган бугу // Кыргызстан маданияты. - 1989. - 22 июня.

185. Жусаев Ж., Абакиров К. Бесконечная боль... о которой надо сказать // Заря Ала-Тоо. -1991. - 19 октября.

186. Исакеев Б. Литературу Киргизии на уровень социалистических задач // Советская Киргизия. - 1934. - 3 июня.

187. Исматулина З. Хороший поэт стихи не плел. Он - вышивал... [К 90-ю А. Токомбаева] // Вечерний Бишкек. - 1994. - 1 декабря.

188. Кандидат в депутаты Советского Союза Верховного Совета СССР И.П.Лоцманов //Советская Киргизия. - 1937. - 21 ноября.

189. Каракеев К., Акматалиев А., Пайзуллаева К. «Академические вечера» К. Тыныстанова // Кут билим. - 1998. - 17, 24 апреля.

190. Козлинский В. Гвозди бы делать из этих людей. (К 90-летию А. Токомбаева) // Вечерний Бишкек. -1994. - 18 ноября.

191. Коханов Н. Вспомните, есть такой поэт Аалы Токомбаев // Слово Кыргызстана. -1994. - 1 марта.

192. Критика К. Рахматуллина на сборник стихов т. Токомбаева

“О Ленине” // Кызыл-Кыргызстан. - 1933. - 6 июня. - № 129.

193. Курманов З.К. Дело “тридцатки”: правда и замыслы // Res Publica.- 1995.- 18 июля.

194. Курманов З.К. История одной фальшивки, или как выкорчевывали в Кыргызстане многопартийность // Res Publica. - 1992. - 24 марта.

195. Курманов З.К. Кровавая карусель в “парламенте” // Res Publica.- 1992. - 10 апреля.

196. Курманов З.К. Мой отец был честным человеком // Комсомолец Киргизии. -1990. - 9 мая.

197. Курманов З.К. Тайна Мориса Белоцкого // Комсомолец Киргизии. -1990. - 14 марта.

198. Лоцманов И.П. О некоторых приемах подрывной работы контрреволюционных националистов и других врагов народа в Киргизии // Советская Киргизия. 1937.- 29 декабря.

199. Мануйлов Т. Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма // Правда. - 1933. - 6 марта. - № 64.

200. На восьмой городской партконференции // Советская Киргизия. - 1934. - 9 января.

201. Не забывай прошлого, оно - учитель будущего // Эркин-Тоо. - 1995. - 9 сентября.

202. Николаев Ю. Первый кыргызский профессор // Огни Иссык-Куля. - 1991.- 19 октября.

203. Ногойбаева Ч., Курманов З. Школа партии “Алаш” // Свободные горы. - 1993. - 18 - 30 декабря.

204. Ногойбаева Ч., Тузов А. «Совершенно секретно. Дневник Абдрахманова Юсупа» // Res Publica. - 1992. - 1 мая.

205. Он мало жил, но много сделал (О юбилее, посвященном 90-летию со дня рождения К. Тыныстанова) // Свободные горы. - 1991. - 10 октября.

206. Орокчиев Т. Турдубүбү эненин айткандарынан // Кыргыз маданияты. - 1991.- 10 октября.

207. О юбилее, посвященном 90-летию со дня рождения Касыма Тыныстанова // Свободные горы. - 1991. - 25 июля.

208. Плоских В. Одной судьбы печать // Советская Киргизия. - 1988. - 24 мая.

209. Плоских В. Узел судьбы (О К. Тыныстанове) // Слово Кыргызстана. - 1991. - 12 октября: фото.

210. Постановление о юбилее, посвященном 90-ю со дня рождения Касыма Тыныстанова 2 июля 1991г // Свободные горы. - 1991. - 25 июля.

211. Табышалиев С., Плоских В. «Прошу мою подпись не считать доказательством виновности» (По страницам томов следственного дела Ю.Абдрахманова) // Res Publica. - 1992. -10 апреля.

212. Тойчинов И. Большевистской самокритикой повысим качество литературной работы. Этапы роста // Советская Киргизия. - 1934. - 20 апреля.

213. Тойчинов И. Против буржуазного национализма и остатков групповщины // Советская Киргизия. - 1934. - 10 января.

214. Токомбаев А. Жаны жолбашчылыкка жаңы темп // Кызыл Кыргызстан. - 1933. - 24 декабря.

215. Токомбаева Т. Вся его жизнь - взлеты и падения // Бизнесмен Киргизстана. - 1994. - ноябрь.

216. Тузов А. Когда возродилась государственность Кыргызской Республики // Res Publica. - 1994. - 22 апреля, 13 мая.

217. Тунтеев Н. В зинданах НКВД (военный филиал так называемой

социал-туранской партии) // Res Publica. - 1992. - 24 апреля.

218. Тыныстанов К. Мой путь, мое творчество, мое лицо // Кызыл-Кыргызстан. - 1933. - 3 июня.

219. Тыныстанов Э. Атамды Аалы Токомбаев каматкан // Асаба. - 1998. - 21, 27 августа.

220. Тыныстанов Э. Горькая истина после многих лет... (О деятельности К. Тыныстанова и А. Токомбаева) // Res Publica (общее дело). - 1996. - 2, 8 апреля.

221. Тыныстанов Э. Сын за отца отвечает // Слово Кыргызстана. - 1995. - 19 августа.

222. Шаповалов В. Оскорбленный Тыныстанов, или размышления о взаимоотношениях кыргызской и русской художественных культур в последнее десятилетие XX века // Res Publica. - 1993. - 26 ноября.

223. Шеримкулов М. Мы помним славного сына кыргызского народа (О К. Тыныстанове) // Свободные горы. - 1991. - 10 октября.

224. Шеримкулов М. Очищая авгиевы конюшни от равнодушия и забвения. (К 90-летию К. Тыныстанова) // Слово Кыргызстана. - 1991. - 16 октября.

225. Эркебаев А. Требуется правда истории (возвращая имена) // Советская Киргизия. - 1988. - 6 октября.

Болпонова А.Б.

К.ТЫНЫСТАНОВ – УЧЕНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КЫРГЫЗСТАНА

**Тех. редактор: Жакыпова Ч.А.
Компьютерная верстка: Ысманова Н.К.**

**Отпечатано в полиграфическом комплексе
ИГУ им. К.Тыныстанова
Заказ 368 Тираж 200.
Тел.: (03922) 52696.**

